

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»

На правах рукописи

Цуркан Денис Андреевич

**ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КОНСТИТУИРОВАНИЯ И
ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В
ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ РИСКА**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор
Евстифеева Елена Александровна

Курск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЦИФРОВОГО МИРА РИСКА.....	19
1.1. Риск как характеристика человеческого бытия.....	19
1.2. Риски потери человеческого капитала в цифровых реалиях.....	27
1.3. О гуманитарном измерении и рисках самопреобразования природы человека.....	40
1.4. Антропологический контур социальных и личностных проблем цифровой коммуникации.....	69
ГЛАВА 2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ МИРЕ.....	98
2.1. Рискophobia и рискофилия как последствия технологического принуждения.....	101
2.2. Клиповое сознание и сетевая идентичность.....	107
2.3. Автономия, свобода и ответственность как условия личностного саморазвития и самоопределения в цифровую эру.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Цифровой мир и общество риска – маркеры и эпохальные явления XXI века. Согласно У. Беку, общество риска – новая ступень общества модерна, где производство рисков превосходит производство богатства, характерного для индустриального общества. Под цифровой эпохой риска нами понимается такой способ ориентированного бытия, который нацелен на восхождение к усложняющимся рискам и технологическому принуждению, подмене реальности на цифровые ее форматы. Есть рациональные основания обеспокоенности масштабами цифровизации современного мира, а также бесконтрольности распространения цифровых технологий. Ответы на вопросы о последствиях расширения цифрового пространства, о рисках цифровой формы современности требуют философской рефлексии и междисциплинарного научного анализа.

Сегодня самодействующая «цифра» с помощью новейших технологий, в том числе искусственного интеллекта, порождает античеловеческий и антисоциальный мир, вытесняет из человека человечность. С революцией искусственного интеллекта появляются новые антропологические, социальные и экзистенциальные риски и угрозы. Сегодня есть основания предполагать, что в ближайшее время с помощью искусственного интеллекта станет возможным радикальное преобразование человека, его человеческого конституирования, личностного статуса. Жизнеутверждающий сценарий видится в том, что позитивное использование искусственного интеллекта напрямую связано с тем, что в наше время будет пониматься под «человеком», «личностью», гуманитарным измерением применения цифровых технологий. Негативный сценарий рассматривается как потеря границ личностного и социального начал человека, когда в социальное (то есть общество, в котором мы живем сейчас с правом голоса, выборной власти, автономным принятием решений и т.д.) будут допускаться нечеловеческие социальные агенты (искусственный интеллект).

Цифровой мир имеет свои плюсы и минусы, мифологию и мечты. В нем мы оказались принудительно. Признавая важную роль цифровых технологий в конституировании человека и самоопределении личности, в формировании новейших форм сознания и самосознания, поведенческих паттернов, последних модальностей личностного и социального бытия, нельзя предаваться иллюзиям и абсолютизировать значение таких технологий. Необходимо видеть обратную сторону медали, проявляющуюся в наличии старых и свежих антропо-социально-личностных проблем.

Успехи науки не должны обгонять совершенствование нравов, как говорил Жюль Верн. Только при синхронном развитии личностного начала в человеке, ориентированного на духовно-нравственные ценности в сохранении жизни и несущего ответственность за разрушительные последствия в пока еще человекомерном или гуманитарно ориентированном мире, и технологий (искусственный интеллект, робототехника, биотехнологии) возможна дальнейшая перспектива выживания. Теоретически не исключается и вариант временного запрета на разработку сверхразумных машин (как было сделано в отношении клонирования человека), пока социум и общество не будут готовы разумно (вменяемо или ответственно) с ними взаимодействовать во имя жизни на Земле.

Критический поиск многообразных ситуаций риска в цифровом мире, выявление новейших антропологических, социальных и личностных проблем цифрового формата бытия, рациональная аргументация в пользу личностного статуса человека, его конституирования с персональной идентичностью (самоидентичностью), понятийным сознанием, субъектно-личностными качествами (автономией, свободой, ответственностью) предстают как философский способ борьбы за личностное самоопределение с гуманитарным лицом в цифровую эпоху риска. Соглашаясь с данной позицией, предлагается исследовательский проект по безопасности конституирования человека, его личностного самоопределения в цифровой ситуации риска. Речь идет о развитии тех личностных и субъектно-когнитивных

качеств человека молодежи, которые преломляют деструктивные последствия влияния и продуктов цифровых технологий.

Цифровая реальность никогда не заменит реалии как таковые. Традиция – это передача огня, а не поклонение пеплу (Густав Малер). Никакие технологии не погасят это пламя. О том же говорит нам М. Хайдеггер: «...как трудно сегодня позволить говорить самим феноменам, а не гоняться за информацией, особенностью которой как раз и является коренное блокирование доступа к *forma*, к образу (Gestalt), к тому, что свойственно бытию сущего. Информация делает взгляд неспособным видеть *forma*».

В цифровом мире риска человек сталкивается с онтологической и гносеологической проблемами. С одной стороны, как цифровой человек он вовлечен в масштабное технологическое, цифровое поглощение всех сфер своей жизни. С другой – его рефлексирующее мышление указывает на проблемные зоны, разрушительные последствия, риски подавления естественного искусственным, чрезмерного влияния цифровых технологий на начала и границы человеческого в его гуманитарном измерении, а также на риски симулятивного существования человека. Наличие такого праксиса и таких проблем как отчуждение, одиночество, праздность (досуг), утрата биофилии и здоровья, киберзаболевания указывают на тренд восхождения к новым рискам бытия, их принудительному принятию. Человеческое конституирование и личностное самоопределение, причиненные рискофобией и рискофилией, клиповым сознанием и сетевой идентичностью, в цифровом мире риска становятся проблематичными.

Степень научной разработанности проблемы. Основные идеи диссертации базируются на принципах, категориях, понятиях, концептах современного философского познания, постнеклассической научной рациональности, междисциплинарной форме познания, апробированных в работах отечественных методологов и философов науки В.И. Аршинова, И.А. Асеевой, В.Г. Буданова, Ф.И. Гиренок, П.С. Гречко, Д. И. Дубровского, В.В. Зотова, В.В. Ильина, И.Т. Касавина, В.А. Лекторского, Л.П. Киященко, В.А. Лепского,

Л.А. Микешиной, Н.В. Мотрошиловой, А.П. Огурцова, Ю.М. Осипова, В.М. Розина, С.А. Смирнова, В.С. Степина и др.¹ Философские и междисциплинарные научные продукты по теме риска, цифровых технологий, рискогенной природы антропологических и социальных практик связаны с такими авторами как У. Бек, Э. Гидденс, В.В. Зотов, Ю.А. Зубок, М. Кастельс, Т.Н. Каменева, С.А. Кравченко, В.А. Лепский, Н. Луман и др.²

В концепциях по гуманитарному измерению и рискам самопреобразования природы человека раскрывается тема совершенствования человека, а также про-

¹ Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФРАН, 2003. 203 с.; Гречко П.К. Онтометодологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы. М.: ЛЕНАНД, 2015. 312 с.; Гуманитарная экспертиза современного состояния системы высшего образования в России: монография / Э.М.Сороко, В.Г.Буданов, И.А. Асеева, Е.Г.Каменский, Е.И. Боев, П.Ф.Кравчук; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2014. 140 с.; Гуревич П.С. Философская интерпретация человека (К 80-летию проф. П.С. Гуревича). СПб: Петроглиф, 2013. 428 с.; Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей М..2007; Ильин В.В. Философия: учебник. М.: Проспект, 2019. 480 с.; Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г. история и философия науки. Курск, 2019.276с.; Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. М.: URSS, 2012. 248 с.; Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вестник Российской Академии Наук. 2005. № 11. С. 1028–1037; Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. 255 с.; Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 85–94; Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, «Канон+», 2010. 480 с.; Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.; Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

² Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.; Луман Н. Понятие риска // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Риск, неопределённость, случайность. 1994. № 5. С. 136–160; Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.; Зубок Ю.А., Чупров В.И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57–67. Зотов В.В, Каменева Т.Н. Социокультурный риск: понятие и классификация //Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Материалы международной научно-практической конференции (г. Белгород, 19-20 ноября 2015г/Отв.ред. Ю.А Зубок –Воронеж: ООО ПД, 2015.-С.392-396; Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.; Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 590 с.; Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 3–13; Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. 130 с.; Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 672 с.; Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.

блематизируется человеческое конституирование (Ж.-Ж. Руссо, Ж.-А. де Кондорсе, Т. Мальтус, Ч. Дарвин, евгеника, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, трансгуманизм, постгуманизм)¹.

Ключевое значение в постановке и решении проблемы человеческого конституирования и личностного самоопределения в современную цифровую эпоху риска, проникнутую реалиями глобализма, современными коммуникациями, цифровыми технологиями, порождающими социальные и личностные проблемы, сыграли философские и социологические работы З. Баумана, У. Бека, Ж. Бодрийяра, Э. Гидденса, Д.И. Дубровского, М. Кастельса, Н. Лумана, Ф. Фукуямы, К. Шваба, Ю. Хабермаса и др.²

¹ Виноградова О.А., Углева (Ястребцева) А.В. Рождение идеи *perfectibilité*: от Просвещения к трансгуманизму // Философские науки. 2019. № 62(4). С. 113–131; Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.; Ferrando F. Posthumanism, transhumanism, antihumanism, metahumanism, and new materialisms: differences and relations // Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts. 2013. Vol. 8. № 2. P. 26–32; Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.; Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2012. 496 с.; Чижевский А.Л. Теория космических эр // К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский: калужские страницы русских космистов. Калуга: Гриф, 2007. 305 с.

² Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.; Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.; Бодрийяр Ж. Прозрачность зла; М.: Добросвет, 2000. 258 с.; Гидденс Э. Последствия современности. М.: «Праксис», 2011. 352 с.; Giddens A. Modernity and self-identity. Stanford: Stanford University press, 1991. 264 p.; Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – 208 с.; Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. 324 с.; Керимов Т.Х. Конституирование // Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophydic.ru/konstituivovanie> (дата обращения: 07.05.2018); Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.; Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.; Осипов Ю.М. Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 11–18; Уилсон Э.О. Биофилия: Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 304с.; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ» ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.; Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. 417 с.; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.; Шваб К. Технологии Четвёртой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

Вопросам появления клипового сознания и сетевой идентичности в цифровую эпоху риска посвящены работы Ф.И. Гиренка, А.Л. Журавлева, А.В. Назарчук, В.М. Розина, Т.А. Нестика, А.Е. Войскуновского и др.¹

Философско-антропологический фокус исследований по вопросам человеческого конституирования восходит к работам Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Л. Шестова, М. Шелера, М. Фуко, П.А. Гуревичу, В.А. Подороги, С.Л. Франка и др.². Проблема человеческого конституирования, сопряженная с личностным самоопределением, исходит из поднятой Сократом проблемы самопознания, из трудов Аврелия Августина и философской патристики³.

Размышления по проблеме человеческого конституирования исходят не только из феноменологии Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, но связаны с темой личности и ее самоопределением. Идея самоопределения личности, кроме процесса самополагания, самовыражения собственной уникальности, исходит из сопряжения с Иным, социальным миром, обществом, что производит их синергию. Такая интерпретация самоопределения личности имеет свою историю. Так, идею интеграции и единства личного и общественного встречаем в русской философии у А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина, К.С. Аксакова и др. О значении иррационального момента в самоопределении человека, о роли национально-

¹ Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 256 с.; Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 590 с.; Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2012. 496 с.; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 992 с.; Розин В.М. Феномен множественной личности: по материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 195 с.; Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / под ред. Б.Б. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2018. 288 с.

² Гуревич П.С. Философская антропология: учебн. пособие. М.: Издательство Омега-Л, 2010. 607 с.; Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997. 478 с.; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. 576 с. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л.: 1991. 214 с.

³ Августин А. Исповедь. М.: Азбука-классика, 2014. 400 с.; Григорий Нисский. Об устройении человека СПб.: Аксиома. 1995. 174 с.; Немесий Эмесский. О природе человека. М.: М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2011. 464 с.; Дьяченко О.Н. Конституирование человеческой личности в эпоху патристики / Гуманитарные исследования, 2018. № 1(18). С. 33-36.

го духовного опыта в самоопределении личности размышляли И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, М.М. Тареев, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк¹.

Современные персонологические, философские, психологические, социологические концепции самоопределения личности отражены у таких авторов как П. Рикер, М.Н. Эпштейн, Г.Л. Тульчинский, В.М. Розин, В.И. Пржиленский, Е.М. Сергейчик, Д.А. Леонтьев и др. В них акцентируется внимание на личностном потенциале, автономии, свободе, ответственности, изменениях ценностно-смысловых установок и трансформациях персональной идентичности вместе с социальными идентификациями в современных реалиях².

Объект исследования – человек в условиях цифровизации социокультурной реальности.

Предмет исследования – человеческое конституирование и личностное самоопределение в цифровую эпоху риска.

Целью диссертационного исследования является философская концептуализация и обоснование проблемы человеческого конституирования и личностного самоопределения в цифровую эпоху риска.

Для достижения данной цели поставлены следующие взаимополагаемые **задачи**:

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.,1931; Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: «Дар»,2017.240 с.; Лосский Н.О. Избранное. М.,1991.622с.; Тареев М.М. Цель и смысл жизни // Смысл жизни: Антология.М.,1994. С.123-242; Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология.М.,1994; Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М.: Книговек, 2015. 384 с.

² Веретенников Н.Я. Личностное самоопределение в русском духовном опыте: функционально-контекстуальный подход: автореф дисс. ...д. филос наук. Саратов, 2007. 42 с.; Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 479 с.; Пржиленский В.И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2016. 176 с.; Тульчинский Г.Л. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. СПб: Алетейя, 2019. 470 с.; Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология: новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 680 с.; Рикер П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.; Сергейчик Е.М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник СПбГУ. Сер.17. 2016. Вып. 1. С. 63–71; Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, «Канон+», 2010. 480 с.; Мотрошилова Н.В. Феноменология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 175–178; Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.; Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

- обосновать рискогенную природу человеческого бытия с помощью философского и междисциплинарного дискурсов;
- эксплицировать риски потери человеческого капитала в цифровом мире;
- в призме концепций совершенствования и возвышения человека (космизм, евгеника, трансгуманизм, постгуманизм) выявить последствия и риски дегуманизации применения и фетишизации цифровых технологий, придания им антропоморфного статуса;
- раскрыть социальные и личностные проблемы человека, инициированные рискогенными коммуникациями в цифровой реальности;
- идентифицировать рискофобию и рискофилию как ценностные приоритеты, меняющие поведение человека, и как последствия технологического принуждения;
- объяснить последствия формирования клипового сознания и сетевой идентичности для человеческого конституирования в цифровую эпоху риска;
- аргументировать ограничения и потерю границ автономии, свободы и ответственности личности в цифровом мире риска; очертить траекторию личностного самоопределения.

Теоретико-методологические основы исследования. Итоговые выводы диссертации базируются на принципах философского, общенаучного и междисциплинарного познания. В диссертации применяются следующие методы. Аналитический метод применялся для анализа и дифференциации таких понятий как естественное и искусственное, человеческое и техническое, сознание, личность. Для описания проблемы человеческого конституирования и личностного самоопределения, для объяснения явлений «риск», «цифра», «сознание», «личность» использовался феноменологический метод. Герменевтический метод познания применялся для анализа текстов по таким направлениям философской мысли как космизм, евгеника, трансгуманизм, постгуманизм. Междисциплинарный подход использовался для раскрытия проблемы естественного и искусственного интеллекта, обозначения последствий использования цифровых технологий в мире рис-

ка. Сравнительный метод использовался для сопоставления клипового, понятийного, суженного сознания, реальной и виртуальной идентичности.

Научная новизна исследования состоит в философской концептуализации проблемы человеческого конституирования и личностного самоопределения в цифровую эпоху риска. Работа предлагает философско-антропологический ракурс исследования рисков потери человеческого капитала, инициированных рискогенными коммуникациями социальных и личностных проблем в мире цифрового принуждения. В диссертации прояснены рискофобия и рискофилия как ценностные приоритеты, меняющие поведение человека. Дается сравнение суженого и клипового сознания человека, его реальной и сетевой идентичности, проблематизируется человеческое конституирование и личностное самоопределение в цифровую эпоху риска.

Научная новизна раскрывается достижением следующих **результатов**:

- с помощью философского и междисциплинарного дискурсов дана аргументация рискогенной природы бытия человека в условиях цифровой эпохи риска;
- идентифицированы и проблематизированы риски потери человеческого капитала в мире цифрового принуждения;
- выделены последствия и риски дегуманизации применения и фетишизации цифровых технологий (искусственного интеллекта, включая роботизацию), придания им антропоморфного статуса;
- раскрыты социальные и личностные проблемы, инициированные рискогенными коммуникациями в цифровой реальности;
- прояснены рискофобия и рискофилия как ценностные приоритеты, меняющие поведенческий паттерн человека в практиках риска;
- раскрыты последствия клипового сознания и сетевой идентичности для человеческого конституирования в цифровую эпоху риска;
- дана аргументация ограничения степеней автономии, свободы и ответственности личности в цифровом обществе риска; очерчена траектория самоопределения человека.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Риск в своей объективной и субъективной составляющих – атрибутивный признак бытия, мобилизующая сила в развитии человечества, ориентированная на перемены в будущем и стремящаяся преодолеть традиционные способы жизни. Путь к рискам в антропологическом бытии определяется объективными реалиями и противоречиями современной эпохи, нелинейной социокультурной динамикой, ускоряется цифровыми технологиями. Появление новых рисков имеет амбивалентные последствия: с одной стороны, всякий риск увеличивает уязвимость человеческого существования, с другой – риски раскрывают возможности для обретения новых степеней свободы. Сегодня риск в своем глобальном контексте конотируется не как опасность или угроза, а как норма.

2. Человек остается главной фигурой, причиной и творцом цифрового формата мира риска, пока его не превосходят цифровые технологии (искусственный интеллект, робототехника). Эту «миссию» сопровождает накопление человеческого капитала Человеческий капитал – единственный контролирующий агент глобализации и цифровых технологий, базовый потенциал для развития человека. Под человеческим капиталом нами понимаются те персонифицированные способности, навыки, компетенции, знания, опыт, активная самостоятельность, которые инициируют создание личного благополучия в проекции качества жизни. Главным вызовом и рискогенным фактором развитию человеческого капитала в цифровой реальности является скорость трансформации антропо-социотехнологической реальности, когда возникает риск замены человека машиной, превращения его в средство жизнедеятельности. Составляющими такого вызова предстают риски гносеологического уровня анализа: абсолютизация роли современных технологий (искусственного интеллекта и робототехники) для накопления человеческого капитала как когнитивных и других способностей, знания, опыта, активной самостоятельности; абсолютизация понятий «цифра», «число», «количество» для их транслирования в антропологические реалии, что приводит к подмене реальных качественных составляющих мира количественными его ха-

раактеристиками. Среди рисков онтологического уровня анализа следует выделить: нарушение техногуманитарного баланса (естественного и искусственного, гуманитарного и личностного), превращение человека в средство в нашем мироздании; утрата социогуманитарных источников накопления человеческого капитала (понятийного сознания, персональной идентичности (самоидентичности)), личностных атрибуций (автономии, свободы, ответственности).

3. Радикальная трансформация человека с помощью современных технологий влечет как положительные риски, которые потенцируют разноплановую эффективность и развитие человека вместе с расширением гуманитарности, так и отрицательные риски, которые разрушают множественный человеческий опыт и влекут дегуманитарные эффекты, когда человек перестает быть главной ценностью жизни. В настоящее время искусственному интеллекту неправомерно приписывать антропоморфный статус по ряду оснований. Существует качественное различие естественного и искусственного интеллекта. Невозможность моделировать моторику и психику человека упирается в метафизическую задачу постижения целостности животного и человека, гомеостаза, способности к реализации высших функций мозга, эволюции живого от протоклетки к человеку. Гуманитарность, как неповторимость человеческого бытия и его уникальности, служит фильтром для критического оценивания всех положительных и отрицательных рисков и последствий по открытому экспериментированию над природой человека с помощью цифровых технологий.

4. Рискогенные коммуникации, которые формируют человеческое сознание и личностное самоопределение, сегодня являются эпицентром борьбы за определение норм и стандартов в обществе, их применения в повседневных практиках, а также источником личностных и социальных проблем, обусловленных особенностями цифрового формата общества. Через цифровые коммуникации происходят множественные рискогенные трансформации. Реальная и виртуальная коммуникации предстают как подлинник и искаженная копия. Индикатором такого срав-

нения являются социальные и личностные проблемы: отчуждение, одиночество, праздность (досуг), гедонизм, утрата биофилии и здоровья, киберзаболевания.

5. В рискологии, как новой философско-научной концепции, выделяется Человек риска, который представляет парадоксальный синтез рискофобии и рискофилии. Рискофобия (как боязнь «побочных потерь» от «гипотетических» рисков) и рискофилия (как надежда, что предпринятый риск может принести желаемый результат) служат целям адаптации в условиях восхождения к угрозам, опасностям, рискам человеческого бытия. Продукты цифровой технологизации и искусственного интеллекта (нейроинтерфейс, блокчейн) инициируют рискофобию и рискофилию как ценностные приоритеты, влияющие на поведение человека. Они – результирующая умаления самой субъективности человека как ее единственности, уникальности, неповторимости. Индивидуальная субъективность заменяется отформатированной общей коллективной субъектностью и идентичностью. Интеллект, как составляющая сознания и психической реальности, редуцируется до своей распределительной функции. Интегративное опытное знание, единая база данных усекаются до множества подзадач. Это нарушает синхронизацию для умозаключения, как вершины логического мышления. Происходит подмена смысловой функции, порождаемой общением, на коммуникативное взаимодействие. Все это влечет появление сетевого сознания и мышления.

6. Основываясь на разрабатываемой концепции клипового сознания Ф.И. Гиренка, на том, что через клип мир воспринимается сознанием фрагментарно, как монтаж непродуманных мыслей, как набор кадров не связанных смыслом, мы сопоставляем такое сознание с феноменом суженного сознания, где ценностно-смысловые структуры модальности «Я» редуцируются к модальности «не-Я». Происходит утрата рефлексивности через психоментальное погружение в виртуальное киберпространство, в нерелективную виртуальную нейрореальность, в ритуальный процесс обесмысливания смыслов, в «сетевой путь» с эффектом зависимости. Носителем клипового (суженного) сознания является человек с характеристиками анонима, безличности, безразличности,

инфантилизма, унификации. Риски клипового сознания – неспособность анализировать явления действительности, незащитность перед манипуляцией, утрата живого общения и чувства биофилии – превышают его плюсы (решение многозадачных ситуаций, защита от инфоперегрузки). Противоположно клиповому сознанию понятийное сознание, которое дает целостное восприятие мира, укоренено в логику и извлекает последовательность из со-бытия. Носителем понятийного сознания является личность, стержень которой – самость, автономия, личностное самоопределение.

Сетевая идентичность – продукт клипового сознания и цифрового принуждения. Она имеет пространственно-территориальное измерение, где отождествление человеком себя происходит с сетевой группой. Виртуальная самопрезентация в сетевой среде происходит за счет упрощенной, ограниченной социализации. Новые способы экспериментирования с собой и с другими позволяют трансформировать традиционные социальные идентификации и утверждать виртуальную личность без ее ответственности за этот процесс.

7. Под человеческим конституированием понимается способность сознания активно, волевым образом воссоздавать мир и формировать те человеческие, субъектные, личностные качества, которые позволяют сохранять личностный статус в условиях технологического воздействия и принуждения. Под личностным самоопределением в цифровом мире риска понимается авторская позиция, самодетерминация, выбор и осознание своих смысложизненных приоритетов, целей и ценностей, исходящих из границ своей субъектности, утверждения себя как личности в условиях экспансии цифрового мира и технологического принуждения. Виртуализация наличного бытия через конструирование единой цифро-инфо-техносферы существенно изменяет условия и способы личностного самоопределения. С одной стороны, дается импульс для раскрытия творческого потенциала личности, расширения её свободы и ответственности. С другой стороны – виртуальная личность предстает своей безличностью, преломленной самоидентичностью с потерей традиционных социальных идентификаций, с ограничением сте-

пней свободы. Развитие, в первую очередь у молодежи, понятийного сознания, личностных качеств (автономии, ответственности, рефлексивности), инициация творческого начала личности, формирование духовно-нравственных ориентиров, а также эвдемонизм, как траектория развития, восхождение к биофилии, забота о здоровье, представляются нам реалистичным и адекватным способом самозащиты личности и ее самоопределения в цифровую эпоху риска.

Научно-теоретическое значение исследования заключается в том, что в работе представлен анализ проблемы человеческого конституирования и личностного самоопределения в условиях восхождения к рискам и цифрового поглощения всех сфер жизнедеятельности человека; уточнена философско-антропологическая проблематика рисков, сопровождающих внедрение цифровых технологий. В отличие от предшествующих философских и междисциплинарных исследований данной проблемной области в работе намечаются возможные последствия цифрового поглощения человека, взятого в его гуманитарном контексте.

Практическое значение исследования состоит в том, что результаты диссертации могут быть использованы в научно-педагогической практике, при подготовке лекционных курсов и учебных пособий по философской антропологии, философии, социологии, психологии, культурологии, политологии, конфликтологии, антропологии. Выводы диссертационного исследования имеют значение для разработки образовательных проектов по воспитанию личности студентов и развитию их субъектных и когнитивных качеств.

Личный вклад автора заключается в философской концептуализации проблемы человеческого конституирования и личностного самоопределения в цифровую эпоху риска. Работа предлагает новый ракурс идентификации онтологических и гносеологических рисков потери человеческого капитала в мире цифрового принуждения. Обозначен антропологический контур социальных и личностных проблем, инициированных рискогенными коммуникациями цифровой реальности. Все выводы получены автором самостоятельно и отражены в авторских публикациях.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций подтверждается:

- применением аналитического, феноменологического, герменевтического, сравнительного, междисциплинарного подходов при рассмотрении проблемы;
- опорой на анализ текстов в исследовании рисков человеческого конституирования и личностного самоопределения цифровой эпохи риска;
- согласованностью выводов с предшествующей традицией исследования проблем человеческого конституирования и личностного самоопределения в цифровую эпоху риска

Апробация результатов исследования.

Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на межвузовских, региональных и международных конференциях, в том числе: на II Международной научно-практической конференции «Качество жизни: современные риски и технологии безопасности» (Тверь, 18–19 апреля 2017 г.); на III Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных «Диалектика достоинства: личностные, социальные и профессиональные константы» (Тверь, 4–5 апреля 2018 г.); на IV международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и профессионалов «Этос: естественное и искусственное совершенствование человека» (Тверь, 3–4 апреля 2019 г.); на II Национальном форуме молодых исследователей, Международной научно-практической конференции «Достижения и перспективы развития молодежной науки» (Петрозаводск, 25 декабря 2019 г.); на V международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и профессионалов «Человек в цифровой реальности: технологические риски» (Тверь, 7-8 апреля 2020 г.); на Второй международной научно-практической конференции «Социальные институты в цифровой среде» (Ростов-на-Дону, 19-20 ноября 2020г.).

Диссертация прошла обсуждение на кафедре психологии и философии Тверского государственного технического университета. Итоговые результаты

диссертационного исследования нашли отражение в 10 публикациях общим объемом 4,5 п.л., в том числе в коллективной монографии и в 5 статьях в периодических научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, содержащих семь параграфов, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации – 179 страниц.

ГЛАВА 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЦИФРОВОГО МИРА РИСКА

1.1. Риск как характеристика антропологического бытия

Правомерно согласиться со Станиславом Лемом в том, что будущее вызывает скорее грусть и страх, чем желание творить. Стало невозможным контролировать темп глобальных изменений. Будущее всегда неопределенно, а значит – опасно и рискованно. Проблема в том, что практически все социальные, экономические, политические практики и ситуации риска показывают, что риск сегодня понимается не как «опасность», которую надо блокировать, а как «норма», которая соразмерна реальности. Пророческие слова футуролога и писателя подтверждают безысходную версию развития цивилизации, человечества как восхождения к множественным рискам антропологического, социального, личного бытия. Если взять определение риска крупнейшего социолога современности Э. Гидденса: «Риск – это динамическая мобилизирующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять своё будущее, а не оставлять его во власти религии, традиций или капризов природы»¹, то появление новых рисков имеет амбивалентные последствия. С одной стороны, всякий риск увеличивает уязвимость человеческого и социального бытия и существования, с другой стороны – риски предлагают новые возможности для развития свободы.

Определимся с понятием «бытие». В философии «бытие» коннотируется как систематизация идей о сущем, распадающемся на модусы: бытие в себе, бытие для себя, бытие для Другого. Оно воплощает идею существования вообще. Если материальное бытие воплощает идею объективно-вечного, предметно-действительного, реально-природного существования, то социальное бытие обозначает искусственную, вторичную природу и реальную жизнеобеспечивающую деятельность. Социальное бытие сравнивается с общественным бытием как с ма-

¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 40.

териальными отношениями людей к природе и к друг другу в контексте становления человеческого общества. Оно существует независимо от общественного сознания. Своеобразие социального бытия в том, что оно предстает как взаимодействие между индивидами, между индивидами и социальными группами и между самими группами.

Как представляется отечественному мыслителю В.В. Ильину, социальное бытие распадается на три взаимосвязанных континуума – микро-, макро-, мегареалы человеческого существования¹. Именно мегареал, как планетарная социальность или реализация идея общности человечества, порождает новые возможности, новые опасности, новые риски. Риск тотализируется, как и глобальные мировые проблемы, имеющие рискогенную природу.

Восхождение к рискам в социальном бытии определяется объективными реалиями и противоречиями современного этапа жизни, нелинейной социокультурной динамикой, сложной самоорганизацией социума. Сегодня пересекаются и существуют разные типы рисков, которые были порождены традиционным и индустриальными обществами, а также инициированы «обществом риска» (У. Бек) в его глобальных проявлениях.

В своем широком значении в современном философском дискурсе риск различается как деятельность в условиях объективной и субъективной неопределенности. Такому взгляду и обоснованию феномена «риска» предшествует историко-философская ретроспектива толкования риска как соразмерного понятию «судьба». Как считает английский социолог Э. Гидденс, именно в традиционных обществах судьба противопоставлялась понятию риска².

В античности толкования риска в современной интерпретации не было. Для философствующих греков в античности судьба «экспонировалась» их праксисом, как объективность высших закономерностей, трансцендентность их величественного подвига и собственных волевых интенций. В знаменитой культурологиче-

¹ Ильин В.В. Философия: учебник. М.: Москва: Проспект, 2019. С. 117–119.

² Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. С. 107–134.

ской работе «История античной эстетики» А.Ф. Лосев описывает такой мост объективного и субъективного, свободы и необходимости: «... судьба человека у древних есть только сплетение и результат не известных для него законов объективной действительности. Судьба в виде какой-то внезапной палки, побивающей слабого и ничтожного человека, – мелкобуржуазная идея, совершенно чуждая античности. Античная судьба – это сама объективная действительность, законы которой неизвестны; но осуществление этих законов не только не мешает героизму сильной личности, а, наоборот, впервые делает его возможным»¹. Судьба для мифологического сознания ассоциировалась как жизненная предопределенность, которую необходимо было реализовать. Об этом писал К. Ясперс, добавляя: « В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности»². Интуиции судьбы, как предопределенности, акта космического логоса мы находим и в трудах Платона, стоиков и др. Для Платона и воздействия судьбы, и забота, и попечение богов, и человеческая воля подчинены единому, универсальному закону. Ни веление судьбы, ни произвол богов, ни жизнь космоса и людей не производны от случайности и произвола, детерминированы только одной и единственной вечной закономерностью³. В социальной философии Платона, в платоновском государстве нет риска, поскольку государство есть благо, стабильность, справедливость, закон, взаимный договор: «Когда люди отведали и того и другого, то есть и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они <...> нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы не творить несправедливости и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор»⁴.

¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. М.: АСТ, 2000. Т.8. кн. 2. С. 547.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

³ Там же. С. 644.

⁴ Платон. Государство. Законы. Политика. М.: Мысль, 1998. 798 с.

В онтологии стоиков происходит отождествление судьбы и логоса, судьба уже видится не в горизонте объекта веры, а как логически обоснованное понятие, содержательная сторона которого амбивалентна: с одной стороны, это структурная закономерность, с другой – детерминизм рока. В понятии «судьба» сливаются гносеология с этикой: «Семена разумности, рассеянные мировым Логосом, выражают волю Логоса, они как бы заранее предписывают выбор и тем самым моральную необходимость. Мудрец всегда действует в согласии с разумом и потому наилучшим образом, в чем и заключается его свобода»¹.

Судьба – феномен трансцендентной детерминированности. Следствием этого предстает конструирование символической реальности, где субъект-посредник выстраивает своё отношение с внешней детерминацией, с непредсказуемым внешним миром, что придает жизни модус рациональности и подконтрольности. В эпоху Возрождения и Просвещения объективированность феномена судьбы сменяется её конституированием как продукта активности субъекта.

В философском дискурсе современное общество называется обществом риска². Природа и сущность общественной жизни, социальной реальности укоренена в риске. Если представить, что социальная реальность отождествляется со свободной игрой оппонирующих фигур, их толкований, их проектов и моделей, то следует согласиться с утверждением Э. Гидденса о том, что: «риски фактически созданы нормативно санкционированными формами деятельности – как в случае азартных игр или спорта»³.

Переходя к современному философскому и междисциплинарному дискурсам о риске социального бытия важно понимать, что, начиная с У. Бека, понятие

¹ Степанова А.С. Философия Древней Стои. СПб.: Изд-во «КМ», 1995. С. 190.

² Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. 192 с.; Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.; Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Риск, неопределённость, случайность. 1994. Вып. 5. С. 161–168; Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.

³ Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. С. 266.

риска проецируется на все общество¹, происходит становление общества риска. Немецкий социолог Ульрих Бек в своем труде «Общество риска. На пути к другому модерну» ввел понятие «общество риска»². Его логика обоснования новой парадигмы общественного развития, как идеи реагирования на неопределенность, как «исчисление рисков», понимание риска как продукта актов рационализации социальной системы, упирается в то, что в развитых обществах удовлетворение потребностей сопровождается производством рисков и опасностей. В индустриальном обществе эти риски – побочные эффекты, подлежащие управлению, и с развитием научно-технического прогресса, они представляют угрозу для человечества. Когда производство рисков превышает производство благ, риски становятся надконтрольными и возникает собственно общество риска. Общество рисков обеспечивается безопасностью, а индустриальное общество возникает вокруг производства благ.

Различая общество риска, как общество неопределенности, где традиционный этос и жизненные стереотипы разрушаются, где вера в научно-технический прогресс колеблется, У. Бек переключает внимание на постоянные переопределения риска, в связи с чем акцентируется проблемы их рефлексивности. В теории рефлексивной модернизации У. Бек проводит различие между рефлексией, как социальным осознанием и осмыслением происходящих изменений в обществе риска, и рефлексивностью, как столкновением индустриального общества с результатами своего развития, с рисками и опасностями, сформированными процессом модернизации.

Вместе с У. Бекком в концепции риска Э. Гидденса признается ключевая значимость рефлексивности, как определяющего свойства любых человеческих действий. Он пишет: «Рефлексивность современной социальной жизни заключается в том факте, что социальные практики постоянно исследуются и реформи-

¹ Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Риск, неопределённость, случайность. 1994. Вып. 5. С. 161–168; Beck U. World at risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 269 p.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

руются в свете вновь поступающей информации об этих же практиках, меняясь в результате этого в самых своих основах. Нам следует четко представлять себе природу этого явления. Все формы социальной жизни отчасти создаются знанием о них агентов... Знание того, «как продолжить» в смысле Витгенштейна, является существенной частью соглашений, используемых и воспроизводимых человеческой деятельностью. Во всех культурах социальные практики ежедневно меняются в свете непрерывно подпитывающих их открытий. Но только в эпоху современности пересмотр соглашений становится достаточно радикальным для того, чтобы охватить (в принципе) все аспекты человеческой жизни, включая технологическое вмешательство в состояние материального мира. Часто говорят, что для современности характерен вкус к новизне, но, возможно, эта характеристика не совсем точна. Характерной чертой современности является неприятие нового просто в силу его новизны, а презумпция всеобщей рефлексивности, включающая, разумеется, и рефлексии о природе самой рефлексии»¹. В качестве одного из выводов концепции риска Э. Гидденса фигурирует следующий. Высокая современность инициирует особый профиль риска с такими дескрипторами как универсализация, глобализация, институализация, рефлексивность, постоянное переопределение и мониторинг риска.

Социологический дискурс – анализ рисков общества представлен и в работах Н. Лумана. Он относит риски к процессу принятия решений, чему сопряжена ситуация контингенции: «решение далеко не всегда является лучшим, предполагает неопределенность наступления как желательного, так и нежелательного будущего, его последствия не являются итоговым результатом, раз и навсегда полученным, а продолжают, корректируются в контексте не-необходимой и множественной зависимости, признания существования известных и неизвестных рисков, коммуницируемых (выразимых в сообщениях) и некоммуницируемых рисков («что-то плохое может случиться»)². Такой подход нашел своих критиков в лице

¹ Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. С. 156.

² Луман Н. Понятие риска // THESIS: Теория и история экономических и социальных институ-

З. Баумана, который полагает, что ситуации контингенции ведут к тому, что акторы всегда сталкиваются с ненамеренными последствиями и «побочным ущербом». Кроме того, решения не приводят к состоянию предвкушаемой определенности и вызывают разочарования.¹

Вместе с социологами к анализу рисков всегда имели «страсть» экономисты. Такие взгляды на риск представлены, например, Ф. Найтом². Согласно Ф. Найту, всякий риск порождается деятельностью в условиях неопределенности³. Высокая степень предсказуемости риска обуславливается путем статистической группировки эмпирических данных. Экономист выделяет риск, как измеримую неопределенность, а неизмеримую неопределенность соотносит с «неопределенностью». «Риск» относится к ситуациям, где возможен неблагоприятный исход, а «неопределенность» – при возможности благоприятного исхода.

В экономическом дискурсе риск идентифицируется, как вероятностное событие в отношении стоимостного содержания, в оптике экономических потерь. Базовой составляющей экономического подхода признается возможность калькуляции рисков с помощью математических и статистических методов, их минимизации и максимизации для целей снятия моментов неопределенности.

Интерес для социально-философского анализа представляет социокультурный дискурс о феномене риска (М. Дуглас, А. Вилдавски, К. Дейк)⁴. Здесь риск видится как результирующая этоса и образа жизни человека. В рамках этого подхода образ жизни видится как конвергенция культурных предубеждений, предрасудков и общественных отношений. Селекция риска, его принятие или избегание определяется социокультурными установками, предубеждениями, ожиданиями и

тов и систем. 1994. Вып. 5. С. 146–147.

¹ Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2011. 182 p.

² Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5. С. 12–28.

³ Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М: Изд-во «Дело», 2003. 355 с.

⁴ Дейк К., Вилдавски А. Теории восприятия риска: Кто боится, чего и почему? // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Риск, неопределённость, случайность. 1994. № 5. С. 268–276.

предпочтениями, мировоззренческими ориентирами, вероятельными символами, ценностным выбором.

Современный философский дискурс наделяет риск следующими признаками: многогранностью, многомерностью, многопричинностью и неоднозначностью природы риска. Выделяется объективное и субъективное его существование. Причиной объективного существования риска выступает: «вероятностная сущность многих природных, социальных и технологических процессов, многовариантность материальных и идеологических отношений, в которые вступают субъекты социальной жизни. Функционирование и развитие сложных систем основывается на статистических вероятностных законах. Это предопределяет невозможность однозначного предвидения наступления предполагаемого результата»¹. Субъективный аспекта риска усматривается в том, что он инициируется активностью и деятельностью субъектов (индивидуальным, коллективным, институциональным) по процедуре принятия решений и при возможности выбора.

Нами под риском понимается деятельность человека, его жизнедеятельность, протекаемая или реализуемая в условиях неопределенности. Современная постнеклассическая научная рациональность признает неопределенность атрибуцией человеческого бытия. Под неопределенностью понимается рассогласованность человеческой деятельности в аспекте ее целей, задач, функций, структуры, организации, мотивов и т.д.

В итоге, представлены аргументы в пользу признания риска как атрибутивного признака человеческой жизни. К современности приложимы как положительные, так и отрицательные коннотации риска. Он не редуцируется лишь к опасности или угрозе, а различается как норма. В условиях поздней современности проблема сосуществования с рисками является главной проблемой повседневной жизни и практик.

¹ Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. С. 26–27.

1.2. Риски потери человеческого капитала в цифровых реалиях

Современный цифровой мир характеризуется внедрением высоких технологий в социальную жизнь и жизнь человечества в целом. Этот процесс сопровождается релевантными проблемами и рисками. Как пишет основатель Всемирного экономического форума Клаус Шваба, «...эпоха новых технологий – в том случае, если её развитие будет направляться с чуткостью и ответственностью – станет началом нового культурного возрождения, которое позволит нам ощутить себя частью единого целого: истинно глобальной цивилизацией. Четвертая промышленная революция может «робототизировать» человечество, и для многих людей это непоправимо изменит то, как выглядит их работа, среда, семейная жизнь и сама идентичность. Но она же сможет привести человечество к новому коллективному и моральному сознанию, основанному на общем чувстве предназначения»¹.

Человек – основа цифрового общества, если следовать идее единства системы человека, экономики и технологий, а также трансферу к интеллектуальной экономике. Человек – главный источник и критерий конкурентоспособности стран и государств и в настоящем, и в будущем. Для подтверждения этого тезиса и сохранения веры в телеологическую, креационистскую миссию человека необходимо определиться с концептом человеческого капитала, затем распознавать и преодолевать риски, сопутствующие процессу потери этого капитала.

Под человеческим капиталом нами понимаются те персонифицированные способности, навыки, компетенции, знания, опыт, активная самостоятельность, которые инициируют создание личного и социального благополучия в проекции качества жизни. В 2014 г. вслед за публикацией фундаментального исследования экономиста Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке», где дается математически обоснованный прогноз дальнейшего роста социального неравенства и поляризации бедности и богатства мирового населения, актуальность изучения и рефлексии сути и роли человеческого капитала возросла в разы. Герменевтика человеческого капитала, начиная с К. Маркса, усматривала человека и знания в каче-

¹ Шваб К. Технологии Четвёртой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. С. 17.

стве важнейших компонентов производительных сил, как производственный актив эпохи индустриализма.

Понятие человеческого капитала формулируется в середине XX в. Нобелевскими лауреатами Т.В. Шульцем и Г.С. Беккером¹. Согласно Шульцу, врожденные или приобретенные человеческие способности, детерминирующие его ценные качества, могут быть усилены соответствующими вложениями, что и называется человеческим капиталом. Поэтому инвестиции в медицину, здоровье, питание становятся ключевыми для развивающихся стран, а инвестиции в образование – главное для развитых стран.

Согласно Г. Беккеру, необразованность является самым серьезным фактором, блокирующим экономический рост. Поэтому в структуре человеческого капитала он выделяет знания, производственные навыки и мотивацию. Рынок идей и мотивов, считает экономист, функционирует также как рынок товаров. Это спрос, предложение, конкуренция.

«Заложенные» сущностные признаки человеческого капитала нашли свое подтверждение в последующих его дефинициях. Приведем широко известное и востребованное для изучения определение капитала: «Человеческий капитал – знания, навыки, умения и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние». Получается, что человеческий капитал – это единовременный фактор и цель развития личности и общества. А специфика человеческого капитала требует постоянных инвестиций в его развитие. При этом отдача вложенных в него средств долговременна, что обусловлено объективными и субъективными факторами, а именно: геополитической ситуацией, природно-географическими условиями, культурным этосом, социальной средой².

¹ Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход // Избр. труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.; Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1. С. 24–40.

² Майбуров И. Эффективность инвестирования и человеческий капитал в США и России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 4. С. 3–13.

На инвестиционной инициативе развития человеческого капитала настаивает известный американский экономист Р. Крафштейн. Он пишет: «Теория человеческого капитала возникает из понимания, что максимизация потребления, характеризующая всю продолжительность жизни человека, – не всегда прямая линия между его желанием и целью. В большинстве случаев инвестирование в себя, в свой человеческий капитал является необходимостью для достижения такой цели... Тот, кто инвестирует в переподготовку, образование в целом, медицину и информацию о возможностях своей карьеры – выступает хорошим примером отношения к человеческому капиталу»¹.

Таким образом, речь идет о человеческом капитале, как исчисляемом ресурсе, заточенном на поддержку экономики и экономических структур. Такое понимание человеческого капитала ассоциируется с марксистской концепцией человека, как определяющей производительной силы общества.

Сегодня в отечественных реалиях разрабатывается проект «Капитал – 2», «акцентуацией» которого являются не общепринятые положения о капитале, связанные с производством, рынком, распределением, потреблением, а сочетание их: «...с положениями духовности (познания, человечности), которые объективно присущи как производству, так и личной и общественной жизни, и в указанной совокупности объединяющих понимание объективных и субъективных сторон и законов производства, обмена и вообще жизни общества, включая понятие управления, государства, распределения и т.д., – знаний, позволяющих разносторонне осмыслить формационное и общецивилизационное развитие отдельного общества и совокупности обществ ...»².

Приведем еще одну теоретическую исследовательскую аргументацию в поддержку выявления критериальной значимости человеческого капитала в креа-

¹ Grafstein R. Gary S. Becker «Human Capital» (Book Review) // Journal of Business Ethics. 1984. № 3 (000002). P. 111.

² Молчанов К.В. О начинании проекта «Капитал – 2» // Философия хозяйства. 2019. № 3. С. 162–163.

тивной экономике¹. В такой экономике при заданных условиях может происходить трансформация человека, как субъекта творческого труда, в собственника человеческого капитала. Как объясняет экономист: «В этом случае классическое отношение собственников рабочей силы и капитала замещается отношением собственников человеческого капитала и материального капитала...креативный работник (собственник человеческого капитала) способен выступать не только как объект эксплуатации и подчинения капиталу, но и как самодостаточный участник капиталистического воспроизводства, способный на равных сотрудничать с капиталом»². В результате возникает не только денежный эффект от использования человеческого капитала, но и общественная ценность, полезность творческого по содержанию труда. Мерой эффекта становится потребительная стоимость.

Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые различают концепт и феномен «человеческий капитал» в проекции философии хозяйства, где хозяйство равнозначно и равноценно деятельности человека, через которую он развивает, совершенствует свои способности, приобретает навыки и компетенции, а также создает духовные и материальные ценности. В такой проекции хозяйства человек предстает как субъект хозяйства, конвергирующий природу, культуру, социальное бытие. В контексте общества как хозяйствующего субъекта, его целями становятся – увеличение благосостояния, совершенствование образа жизни, повышение квалификации за счет роста знания, наличия самосознания и самоопределения, личностного воспроизводства.

После краткого описания темы человеческого капитала, перейдем к его проблематизации в цифровом мире. Главным вызовом развитию человеческого капитала в цифровой реальности является скорость трансформации антропо-социо-технологической реальности. Составляющими такого вызова выступают следующие риски.

¹ Хабибуллина З.Р. Человеческий капитал в креативной экономике: политико-экономический взгляд // Философия хозяйства. 2019. № 5. С. 101–116.

² Там же. С. 101.

Один из рисков потери человеческого капитала – это абсолютизация роли современных технологий, в том числе искусственного интеллекта, для накопления человеческого капитала, совершенствования как когнитивных, так и других способностей, знания, опыта, активной самостоятельности, которые инициируют создание личного и социального благополучия в проекции повышения качества жизни, личностного воспроизводства и новых способов конституирования.

Такой риск необходимо учитывать и для реализации программы «цифровая экономика», и для Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Если обратиться к официальным документам, подписанным Президентом РФ, то искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Коннотация «имитирует» отражает «реалистическую» природу искусственного интеллекта и робототехники. Однако приписывание искусственному интеллекту «всемогущих» способностей со стороны его разработчиков, посредников, пиар-инструментов и даже ряда ученых вызывает опасения. Согласно информации из Европейского парламента, там обсуждают вопрос о наделении будущих роботов статусом «электронной личности», наделения их антропоморфным статусом. Получается, что в будущем робот будет принимать самостоятельные решения, иметь интеллектуальное превосходство над человеком. Человек, как *Homo Sapiens*, будет вытеснен из своей эко-среды обитания, перестанет быть хозяином своей судьбы.

Для российского менталитета «акцентуированной» оказывается такая сторона искусственного интеллекта, как обретение субъектности в поведении. Под субъектностью в философии и психологии понимаются такие атрибутивные признаки, как целеполагание (целенаправленность, целереализация) и когнитивные способности (чувства, эмоции, мышление (интеллект), воля, бессознательный ме-

ханизм). По данным социологического опроса 2019 г., проведенного НИУ «Высшая школа экономики» с участием 7584 российских респондентов, у наличных роботов уже есть признаки субъектности, проявляющиеся в поведении¹. Респондентов не беспокоит ситуация, когда действия робота подчинены воле пользователя, а сильно тревожит их «продвинутость» в плане самостоятельного принятия решений.

Мы разделяем здоровый скепсис в плане оценки субъектности искусственного интеллекта, поскольку вся сфера бессознательного (интуиция, инстинкты, сновидения, веровательные установки, комплексы, архетипы), где происходит гигантская переработка информации, пока не моделируется. Познавательная деятельность человека не редуцируется к деятельности мозга. Высшие психические функции не реализуются автоматически. Субъективная реальность, или идеальное, личностность человека не формализуется. Биографичность, номотетичность, генеология, историчность, культурологичность «интегрируются» как качество только человеком.

А российские эксперты обращают внимание на этическую и правовую зону ответственности в робототехнике. Тотальное применение киберфизических систем различного назначения, массовое использование роботов и искусственного интеллекта могут иметь катастрофические последствия для сохранения техногуманитарного баланса в нашем мироздании. Не существует культурных и цивилизационных универсалий, общих представлений о правилах взаимосвязи и взаимодействия человека и машины.

Следующая проблема, касающаяся сохранения человеческого капитала – цифровизация экономики с рисками потери рабочих мест в ближайшем будущем по факту роботизации различных сфер производства и обслуживания населения. На последнем Всемирном экономическом форуме в Давосе было заявлено, что к

¹ Ваганов А. Искусный интеллект. Кибернетические устройства приобретают все психические признаки личности [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/nauka/2019-10-22/9_7708_intellect.html (дата обращения: 03.12.2019).

2020 г. искусственный интеллект отберет у человека 5,1 млн рабочих мест¹. Если роботы отнимут значительное количество рабочих мест у людей, то встанет вопрос о самой природе труда в будущем. Кроме того, возникнет проблема определения минимального безусловного дохода для лиц, потерявших работу. Через десять лет в армии предрекают исчезновение 90% специальностей, включая инженерные специальности. Здесь вспоминаются луддиты или участники стихийных протестов первой четверти XIX в. против внедрения машин во время промышленной революции в Англии. По взглядам луддитов, машины вытесняли из производства людей, что инициировало технологическую безработицу.

Цифровая реальность никогда не заменит реальную реальность. Традиция – это передача огня, а не поклонение пеплу (Густав Малер). Никакие технологии не погасят это пламя. Согласиться с этими утверждениями можно, если не верить в утопию равенства естественного и искусственного интеллекта, наличия самосознания у машины, того, что робот-репликант в любой ситуации будет поступать по-человечески.

Если не верить в ожидание физического бессмертия в форме компьютерной программы и в форме биологических клонов, то скептически воспринимается устройство под названием нейроинтерфейс. Нейроинтерфейс, или «мозг-компьютер», представляет собой технологическую систему для обмена информацией между мозгом и электронным устройством. Цель этой технологии – позволить человеку взаимодействовать с внешним миром с помощью регистрации электрической активности мозга или электроэнцефалограммы (ЭЭГ). Синтез нового гибридного качества, биологического и машинного интеллекта лежит в основе этого продукта, разрабатываемого компанией Илона Маска «Нейролинк». В качестве аргумента сошлемся на академика РАН С.В. Медведева, заявившего, что

¹ Ваганов А. Искусный интеллект. Кибернетические устройства приобретают все психические признаки личности [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/nauka/2019-10-22/9_7708_intellect.html (дата обращения: 03.12.2019).

в новейших исследованиях мозга электроэнцефалограф предстает как «древний» исследовательский инструмент¹.

Действительно, для признания или непризнания абсолютного и всемогущего начала «цифры», важно понять, что значит «быть человеком», нужно ли преобразовывать фундаментальные структуры жизни, чтобы бесконечно расширять (или сужать?) один из эволюционных признаков – изменчивость за счет «атрофии» других, например адаптации, стресса. Ведь сегодня подтверждено многочисленными исследовательскими данными, что мировое население находится в пандемической ситуации по росту психических, психосоматических и других заболеваний. Стрессогенный образ жизни как реалия нашей жизни во многих аспектах исходит из техногенного допинга цифрового влияния.

О чем говорят эти факты? О том, что Homo Sapiens, как биосоциальный вид, приобретая доминирующее положение в эволюции живой материи, не оправдал своей миссии как движущая сила эволюции и изживает себя. Физиологическое и психическое состояние современного человека в контексте широкой распространенности соматовегетативных и психогенных заболеваний мирового населения, неутешительного их прогноза на будущее, преждевременной общебиологической и психической деградации говорит о неспособности цивилизации успешно решать жизненно важные проблемы качественного человеческого существования и определять пути его развития. Также эти факты говорят о том, что психическое здоровье формируется в онтогенезе, в контексте психогенных факторов (научение, воспитание, креативная деятельность, сенсорный контакт с окружающей действительностью) и условий окружающей среды. По данным ВОЗ, в настоящее время каждый 4-5 житель страдает от психических расстройств, а депрессия к 2020 году выйдет на первое место в структуре заболеваемости и станет заболеванием номер

¹ Медведев С.В. Актовая лекция. Скрытые звенья мозговых систем // Научные труды «II объединенный научный форум .VI съезд физиологов СНГ . VI съезд биохимиков России .IX Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габитова, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. М.: Издательство «Перо», 2019. С. 18–21.

1 среди неинфекционных болезней. Если, согласно Eliot, в 2015 г. в мире было 500 миллионов зарегистрированных психических больных (что составляет 14% от всех заболеваний населения Земного шара), а около 30% населения планеты испытывали страдания от психических расстройств, то втягивание человечества с помощью цифровых технологий в новый (неопределенный, рискованный, неоправданный) контекст бытия, где число и цифра будут основными идентификаторами и учителями (наставниками) людей, представляется безумным.

Для ответа на вопрос о силе и всемогуществе «цифры», релевантного ей «числа», воспроизведем их генеалогию. Число, открытие которого принадлежит Пифагору, справедливо считают основным открытием человечества. Почему? Потому что число, как основное понятие математики, используемое для количественной характеристики, сравнения и нумерации объектов с их составляющими, стало ключом и средством всех остальных открытий. При этом цифра (ср. лат. *cifra* «пустой», нуль) – это знак (символ), обозначающий значение числа. Цифры нужны для записи чисел, а число – это абстракция, используемая для количественной характеристики объектов.

Зигзаговая судьба идеи цифрового мира состояла в том, что от её отрицания древние греки почти всеми своими философскими школами приняли пифагорейский цифро-числовой «ряд» (Пифагор, Кратил, Ксенократ Спевсипп и др.) Платон также разделял пифагорейское числовое миропонимание¹. Он сформулировал теорию идеальных чисел и размышлял в контексте математики, которая, по его мнению, «...изоцряет мысль, оттачивает душу и позволяет достичь точности в исследовании бытия. Часть математики, посвященная числам, заставляет подходить к сущему не со стороны его случайных особенностей, но отучает нас от призрачности, неопределенности и недостоверности чувственно воспринимаемого, помогает познать сущность»². Как писал Аристотель, для Платона – все вещи, мир, люди, идеи есть только самодвижущиеся числа.

¹ Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.

² Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 445.

Уже древнегреческая философия стала наделять число признаками субъекта. Оно использовалось в повседневной жизни как полезное техническое средство в решении познавательных, социоэкономических и практических задач. При этом его считали автономной, свободной сакральномагической субстанцией, несущей мудрость и для духовной элиты. Так, факт всемогущества числа отмечает и Гераклит, который полагал единым началом всего сущего огонь, как вечное движение: «Психее присущ самовозрастающий Логос»¹. Возрастающее бессмысленное развитие этого Логоса обусловлено числом, а не душой, не самим Логосом, что впоследствии формировало рабскую зависимость и рабское сознание человека.

Претендуя на все демиургические, творящие, властные полномочия число, как доказывает Н.Б. Шулевский, на новом витке цивилизационного развития число-цифра заговорщицки дождалось миссии построения своего Числограда (Цифрограда).

Риски потери человеческого капитала связаны с абсолютизацией понятий «цифра». В гносеологическом измерении актуальность и проблемность задачи разоблачения абсолютизации значения цифрового порядка и логики для социального развития определяется тем, что сегодня происходит подмена «понятий». Число (цифра), как одна из модальностей, средств человеческого бытия стала целью и самоцелью, а сам человек с его качественными эволюционными атрибутивными характеристиками превращается в средства обслуживания и умножения количественной сути самого числа.

Как рассуждает Н.Б. Шулевский, происходит «...фундаментальное изменение (извращение) телеологии числа: числа и цифры из средств стали субстанциальной самоцелью, определяя формы и способы жизнедеятельности людей, подменяя свои услуги усилением контроля и управляемости их поведением, сознанием, делами, смыслами, ограничивая до минимума их творчество. Число вырвалось

¹ Материалисты Древней Греции. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 55.

из-под контроля человека и бытия, начав скрыто в режиме заговора созидать свою цифроимперию, используя в качестве средств экономику, науку и технику»¹.

Основанием такого рассуждения служит формальная и диалектическая взаимосвязь количества, числа и цифры. Вспомним здесь Г. Гегеля, который определял качество как внутреннюю определённую, тождественную с бытием. А понятие «количество» усматривается как внешняя определенность, которая стала безразличной или отчужденной от бытия. Немецкий философ количество различает, отождествляет с чистым бытием, где определённость соположена уже не как тождественная с самим бытием, а как снятая им, безразличная².

Возвращаясь к контексту триединства количества, числа, цифры, зафиксируем авторское размышление: «Количество обозначает однородное бесконечное пространство, относительно однородную бесконечную длительность времени и относительно однородную, бесконечную материю. Число – форма выражения, измерения пространственно-временных свойств материи, пространства и времени. Цифра – знак, символ, обозначающий числа, а посредством чисел само количество. Цифры сравнимы с буквами алфавита, а числа – со словами... Цифра – часть числа... Число и цифра частично совпадают, но каждое из них имеет свои функции и смысловое содержание. Выбор и предпочтение термина «цифра» обусловлены чисто субъективными, отчасти фонетическими причинами, ибо цифрами можно произвольно манипулировать, а манипуляцию числами можно разоблачить, сопоставив числа с количеством»³.

В итоге получается, что человек своей волей переложил на число свое творящее самовластие. А сегодня экономика максимально злоупотребляет числами, в отличие от хозяйства, в котором доминирует контекст качества. Кроме экономики по пути «заговора числа» шла фундаментальная наука, которая к началу XXI в., когда произошло перенасыщение научного знания за счет самоумножения знания,

¹ Шулевский Н.Б. Заговор числа и судьба цивилизации // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 23.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 45.

³ Шулевский Н.Б. Заговор числа и судьба цивилизации // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 26.

резко переключилась, в том числе и в своей оправдательной методологии на прикладную свою составляющую – на технологии, которые стали осуществлять миссию числа, стремящегося к самовластию в мире.

Н.Б. Шулевский считает, что закономерностью появления техноса, существующего по закону числа, которое стало делать солидные инвестиции именно в технологии, дабы превратить их в саморазвивающиеся и в самоумножающиеся структуры. Так и появился оксюморон «цифровая экономика», и началась повальная цифровая паранойя¹. Авторитетным заявителем подавления человека техникой, появления рабского сознания у человека по отношению к машине выступил Г. Гегель в «Феноменологии духа» (во фрагменте «Диалектика раба и господина»), где вскрывается логика превращения свободы в рабство посредством техники². Суть в том, что тот человек, для которого свобода дороже жизни, становится господином, хозяином, а человек, для которого жизнь дороже смерти – раб. Господин развивает идеальные ценности права, религии, искусства, философии, войска, а раба заставляет создавать жизненные блага, как спасение от голода. В час «X» господин, забыв о своих метафизических обязанностях, полностью предается потреблению, гедонизму, разврату и в итоге теряет свое духовное и силовое превосходство над рабом. Это происходит, когда есть потребление без участия в труде, без служения социуму, что разлагает людей, уничтожает энергию их воли. В это время рабы накапливают капитал и начинают изобретать машины, перенося на них тяжелый рабский труд. Сегодня такие машины с помощью огромных в них инвестиций и цифровых ресурсов качественно меняют саму суть машин. Они требуют бесконечного развития и совершенствования в призме числа и цифры. Создается риск замены человека машиной, превращения его в средство. Логика совершенствования машин делает человека ненужным как человека. Получается, что имманентно в числе и в цифре присутствует некая волевая интенция. На вопрос, куда она направлена, существуют разные ответы. Один из них –

¹ Шулевский Н.Б. Заговор числа и судьба цивилизации // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 28.

² Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Сочинения: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 4. С. 93–96.

трагический сценарий апокалипсиса человечества с постепенной утратой автономии, свободы, экзистенциального статуса личности.

Как полагает здоровый скепсис автора статьи «Заговор числа и судьба цивилизации», использование цифровых копий человека приводит к новым его зависимостям¹. Последние философские публикации сообщают, что цифра настолько ворвалась в мир человека, что возникает необходимость признания цифросферы (техноцифроноосферы), как особого под- или над-мира. Этот мир цифросферы может поглотить человека, если его развитие пойдет без гуманитарного содержания.

По мнению академика Ю.М. Осипова, сегодня оцифрованное бытие в человеческом, социальном, личностном плане вытесняет все другие наличные онтологические его признаки (риск, неопределенность, случайность, хаос)². В оцифрованной бытийной среде человек эволюционирует в оцифрованного постчеловека. Человеческое сознание (как гуманитарная мысль, философия, литература) сворачивается, унифицируясь и технологизируясь. Цифра заменяет слово со смыслом. Как полагает ученый, «Цифра – знак (обозначение) количества. За цифрой как таковой нет и не может быть никакого качества. Какое-такое качество отражает та же математика, эта царица-де всех наук? Никакого! А потому не царица она во все, а... служанка, потребная как раз там, где сидят, спуют и звенят количества. Царицей качественного, а следовательно, и словесного, и смыслового знания является не математика, а философия, но... ее вокруг все меньше, а та, что осталась – более всего уже прячется в себе самой, бытуя для самой себя, а вовсе не для человека с его все-еще-человеческим сознанием»³. В рассуждениях Ю.М. Осипова критикуется профанность, исходящая от количественной архитектоники (цифровых показателей, чисел, расчетов), формализация с помощью вычислительных

¹ Шулевский Н.Б. Заговор числа и судьба цивилизации // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 31.

² Осипов Ю.М. Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 11–13; Его же. Большая игра – российский миттельшпиль – «русская рулетка» // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 11–24.

³ Осипов Ю.М. Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. №2 . С. 11.

машин самой оценки любых произведенных работ, в том числе научных. Он соотносит вторжение цифры в сферу слова с ментальным переворотом и революцией в истории человечества.

Ю.М. Осипов расценивает такую вторую научную революцию, как антинаучную. Выход из такой наличной ситуации он видит в гуманитарной метафизике с заботой о человеке и его будущем. Цифровизация неизбежна, но нужна только с гуманитарной мерой¹ и с противостоянием тотальной цифровой эсхатологии, ведущей к трансгрессии человека.

Приведем еще одну оценку ученого-экономиста об онтологическом статусе «цифры», её сущности и существовании². В.М. Кульков пишет: «Цифра, несмотря на всю ее загадочность, сильно упрощает реальность, снижает качественные оценки, переводит анализ в более узкие координаты, закрепляя деформации»³. Речь идет об абсолютизации цифровизации в различных секторах общественной жизни, включая экономический и политический секторы. Без нецифровых технологий (биотехнологий, нанотехнологий), без структурной перестройки экономики, без структурной промышленной политики возможны деформации реальных характеристик экономической политики.

Приведенные выше аргументы указывают на риски потери человеческого капитала.

1.3. О гуманитарном измерении и рисках самопреобразования природы человека

Тема совершенствования человека с помощью новейших технологий проблематизирует воспроизводство, конституирование социального и личностного начал бытия, где традиционно человек с его биосоциальной природой и личностными характеристиками был точкой отсчета социального «начала». Радикальная

¹ Осипов Ю.М. Большая игра – российский миттельшпиль – «русская рулетка» // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 23.

² Кульков В.М. Цифровой фетишизм // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 109–116.

³ Там же. С. 113.

трансформация человека с помощью современных технологий влечет риски, понимаемые как угроза сути и существованию «человеческого в человеке», и лишает её гуманистического статуса.

Идея самопреобразования, совершенствования человека имеет свою историю. Сократ был первым, кто актуализировал и проблематизировал тему самопознания, которая затем ретранслировалась в идею *perfectibilité*.

В узком смысле идея совершенствования означает способность человека к совершенствованию (*perfectibilité*). В дополненном значении с эпохи Просвещения идея совершенствования есть не только совершенствование своих способностей, но и работа по изменению внешней, социальной и природной среды, что создает благоприятные условия для существования.

Французскими просветителями в теории общественного прогресса (Ж.-Ж. Руссо, Ж.-А. де Кондорсе¹), прогресс виделся как *perfectibilité* – развитие человеческого разума или высшей человеческой способности². Ж.-А. де Кондорсе различает *perfectibilité* как совершенствование «интеллектуальных, моральных и физических способностей, которое может быть обусловлено или совершенством инструментов, увеличивающих интенсивность и направляющих употребление этих способностей, или даже совершенством естественной организации человека»³. Два вектора улучшения вышеназванных способностей – моральное (путем прогресса человеческого разума, устранения неравенства и уничтожения предрассудков) и физическое (благодаря улучшению качества жизни, её продолжительности) – демонстрируют их безграничность и постоянное возрастание.

Концепция *perfectibilité* Кондорсе – составляющая его доктрины прогресса, свободы и независимости и релевантных теории совершенствования права, тео-

¹ Кондорсе Жан Антуан // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 1991. С. 200.

² Кондорсе Ж.-А. де. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Либроком, 2010. 233 с.; Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. М.: Наука, 1969. 704 с.

³ Кондорсе Ж.-А. де. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Либроком, 2010. С. 222–223.

рии общественного образования и *perfectibilité* науки, техники и искусств. Английские мыслители и ученые Т. Мальтус, Ч. Дарвин придали *perfectibilité* эволюционистскую трактовку, обосновали ее органицистскую и биологическую природу.

Идеи совершенствования человека в современную эпоху получили развитие в трансгуманистическом движении. Как считают О.А. Виноградова, А.В. Углева (Ястребцева), теория прогресса человеческого разума Ж.-А. Кондорсе сегодня актуализируется в новейшей перспективе усовершенствования ментальной и физической человеческой природы, в том числе с помощью современных технологий¹.

Сравнительный анализ по развитию идеи совершенствования человека показывает, что дискурс трансгуманизма во многом продолжает идеи эпохи Просвещения, несмотря на сакрализацию технологического «начала» и очищение постчеловеческого от атрибутов живого, а также отсылает к Декарту или картезианскому противопоставлению души и тела. Затем идею технологического обеспечения бессмертия человека поддержали русские космисты, в частности, К. Циолковский, который предлагал лучистую эру для человечества, где отсутствует социальное принуждение, поскольку человечество эволюционирует в бес-телесные мыслеформы, и общение трансформируется в телепатическую форму². Трансгуманистические проекты заточены на инновационные, как более жизнеспособные, формы совершенствования человека. Иначе говоря, они придерживаются антропоцентризма и стремятся «обожествить» человека. Трансгуманистический проект цифрового бессмертия – перенос сознания на иной носитель, а также попытка упразднить материальность человеческого. Возникает вопрос, что мы будем переносить на другой носитель? Сознание? Личность? Как личность сможет существовать вне телесного опыта? Какой статус будет иметь эта цифровая личность?

¹ Виноградова О.А., Углева (Ястребцева) А.В. Рождение идеи *perfectibilité*: от Просвещения к трансгуманизму // Философские науки. 2019. № 62(4). С. 113–131.

² Чижевский А.Л. Теория космических эр // К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский: калужские страницы русских космистов. Калуга: Гриф, 2007. 305 с.

Однако антропоцентричность теряет свои позиции с появлением таких социологических и философских категорий как социальность, субъектность, агентность. Кроме нерешенных онтологических вопросов, к трансгуманистам остаются и этические вопросы взаимодействия гибридов – «киборгов с людьми». Какой социальный или этический статус будут иметь дигитальные бестелесные субъекты? На какие права и правовые отношения будут претендовать воскрешенные биолюди, киборги, роботы по сравнению с традиционными людьми? Ф. Фукуяма, справедливо критикуя вмешательство в генетические программы как человека, так и животных, рассматривает подобное вмешательство как фатальное влияние на человечество и окружающую среду: «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие «общечеловеческого», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек»¹.

Постгуманизм противостоит трансгуманизму, как антропоцентрической картине мира². Он отрицает «божественность» или превосходство человеческого, считая ключевой задачей идею освобождения тех, кто угнетается (в том числе, женщины, уязвимые социальных группы, животные и в целом живое начало). В постгуманизме человек и постчеловек не соизмеряются с идеалом, а социальная иерархичность отсутствует. В понимании постгуманистов, как отмечает А.И. Криман, человек как субъект, «номадичен и представляет собой сборку человеческого, животного, дигитального, химерического. Тем самым нарушается главная максима гуманизма о человеке как наивысшей ценности – человек в постгуманизме перестает быть «мерой всех вещей»³. В концепции совершенствова-

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. С. 218.

² Ferrando F. Posthumanism, transhumanism, antihumanism, metahumanism, and new materialisms: differences and relations // *Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts*. 2013. Vol. 8. № 2. P. 26–32.

³ Криман А.И. Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // *Философские науки*. 2019. № 62(4). С. 132.

ния человека постгуманистов проект витрувианского человека оказывается несостоятельным в наше время, поэтому ими исследуется как человеческое, так и нечеловеческое.

Сегодня очевидно, что по проблеме самопознания возникло множество вопросов, обусловленных появлением новейших технологий.

Развитие современных НБИК-технологий (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии) обнаруживают и раскрывают новые возможности трансформации и совершенствования человека, а также порождают, наряду с другими, социальные риски, которые неоднозначно могут быть поняты в контексте гуманитарного их измерения. Они делятся на положительные, которые потенцируют социальную эффективность и развитие вместе с расширением гуманитарности и отрицательные, которые разрушают социальный опыт и влекут дегуманитарные эффекты¹.

Почему? Человеческое существование, как очевидно, вне социальной жизни невозможно. Являясь носителем биосоциальной и культурной природы, человек, сам подвергаясь радикальным генетико-кибернетическим влияниям, изменяет социальную жизнь, имманентную его сущности и существованию. Речь идет о том, что проект «трансчеловека» или «постчеловека», если он будет реализован, не может не изменить релевантное ему социальное «начало», социальное бытие². Здесь возникает вопрос об идентификаторах социального. Э. Дюркгейм под социальным подразумевает общество, в котором живет человек, или социального агента, например, российское общество³. Общество подразумевает национальное государство или меньшее сообщество, такое как семья. Современный ответ о кон-

¹Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.; Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.; Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2012. 496 с.

² Лекторский В.А. Возможно ли постчеловеческое будущее // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2012. С. 29–35.

³ Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, назначение. М.: Терра-Книжный клуб, 2008. 615 с.

цептуализации «социального» звучит словами одного из основоположников социальной эпистемологии, автора междисциплинарного проекта Humanity 2.0. Стива Фуллера: «Но возникают проблемы, когда Вы допускаете возможность существования нечеловеческих социальных агентов, в частности, когда говорите об искусственном интеллекте или о животных. Различия между людьми, машинами и животными артикулируются уже не так, как раньше. Это связано как с направлением научного развития, так и с глобальным изменением человеческой восприимчивости к миру под воздействием движений по защите окружающей среды (в случае с животными) и отчасти (в случае искусственного интеллекта) – киберкультуры. Существуют люди, которые предпочли бы проводить больше времени с животными и машинами, чем с другими людьми. Я думаю, это очень серьезный, сильный тезис, затрагивающий то, как определяются границы общества, особенно если мы обсуждаем, кто обладает правом голоса, кто обладает властью и т.д.»¹.

Контекстом объяснения такого умозаключения служит тот факт, что так называемое цифровое поколение спровоцировало изменения в традиционных социальных отношениях, когда исчезает межличностное и социальное общение, размывается культура откровенности в таком общении, утрачиваются грани социальных идентификаций и личностной самоидентичности, и взамен воспроизводится коммуникативная обезличенная и часто анонимная форма социальных взаимоотношений. Речь идет также о том, что в целях сохранения межсубъектной коммуникации инициируется перестройка механизмов личностного (автономного, самостного) аутопоэзиса, саморазвития. Сегодня также не совсем ясно не только то, что называется «постиндустриальным обществом», основанным на машинной технике, но и границы понятий «информационное общество, «общество знаний». Неопределенным остается понимание того, как в итоге НБИКС-технологии изменят социальную жизнь. Особого внимания заслуживает рефлексия того как «но-

¹ Фуллер С. От социальной эпистемологии к Humanity 2.0. Интервью // Логос. 2018. Т. 28. № 5. С. 6.

воиспеченная» зависимость, типа компьютерной, влечет разного рода затруднения в социальном взаимодействии.

Можно предположить, что в глобализованном мире цифровое общество как социальное начало сегодня теряет статус социального субъекта, которому имманентно межсубъектное взаимодействие, например, с индивидуальным субъектом каковым является конкретный человек. О наличном радикальном изменении конституирования общества в контексте его отношения к человеку размышляет П.Д. Тищенко: «... Многими «реформаторами» науки, образования и здравоохранения... движет иллюзия, что «субъективность» (отождествляемая с коррумпированностью) может быть преодолена инсталляцией объективных показателей, мер, индексов и т.д. Но за любой объективной мерой стоит человек, её изобретающий и использующий. И если не обращаться к нему как личности – его совести, чести, профессиональному достоинству – будет все та же коррупция, только припудренная объективными критериями. Идея человека редуцируется к набору машинных функций, а представление о благе («лучшем», «худшем») сводится к чисто машинным, объективным показателям»¹.

Встречается мнение о трансформации социальных процессов, где их «реперной точкой» становится не человек, а вещь, и тогда социальное рассматривается сквозь призму отношения человека к артефакту. Поворот к вещизму возвещает появление новых форм социального, где человек предстает как социальный артефакт. И тогда, как объясняет О.В. Попова, «... речь идет о конструировании нового типа человека, неестественного по своей природе не в результате пребывания в мире культуры, а до своего пребывания в мире вообще, до своего зачатия и усложняющегося в своей артефактичности в своем дальнейшем существовании обретая искусственно улучшенные части тела, вживляя когнитивные усилители и

¹ Тищенко П.Д. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 93.

поглощая какие-нибудь препараты для модификации своих чувств и контроля настроения»¹.

В итоге, только в контексте ответов на вопросы: как понимать сегодня социальное; какова роль социальных факторов в «деле» изменения природы человека; поглощает или нет социальное самостность человека, его личностную автономию; каковы пределы социального управления, – возможно усмотреть положительные или отрицательные риски восхождения к идиоме совершенствования человека в контексте развития гуманитарного знания.

Реферативно остановимся на мировоззрении и идеологемах трансгуманистов, которые сегодня наиболее активны и влиятельны в распространении своих идей и посылов, связанных с темой искусственного технологического совершенства человека. Одна из причин лежит в переосмыслении такого традиционалистского способа человеческого, личностного, социального бытия, как «бытие-к-смерти», которое рассматривают и мировые религии, и атеистическое миропонимание, и экзистенциальная философия. Трансгуманисты в вопросах о критериях жизни предлагают ее понимать как некую трансценденцию смерти, причем такая трансценденция может быть материальной модальностью. Смысл жизни – трансценденция смерти, т.е. некоторое трансцендентное состояние в стремлении к бессмертию. Чтобы человек не исчез как биологический вид надо «повернуть» его с помощью естественного отбора в сторону искусственного преобразования, редуцировать к кибернетически-машинному способу бытия².

Такая идея качественного изменения человека, превращения человека в постчеловека с его переходом к сверхчеловеческому бытию влечет постановку следующих вопросов. Где будет жить такой постчеловек, если он нечеловек? Мо-

¹ Попова О.В. «Фантастические» перспективы развития гуманитарного знания в свете развития технологий усовершенствования человека // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 165.

² Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: МБА, 2013. С. 266–267.

жет ли он жить среди «естественных» людей и сообществ? Как изменится суть социального, если человека не различать с животными, кибернетической машиной, искусственным интеллектом, роботом? Сохранится ли этос, как нравственный закон, внутренний закон воспитания (Платон), как привычка, нрав, обычай, образ жизни (Аристотель), габитус (П. Бурдье), корзина ценностей и экзистенциальных выборов личности, её мировоззренческой картины мира, поведенческих паттернов? Непризнание за человеком права быть главной ценностью, допустимость экспериментов над людьми и животными порождают множество социальных и антропологических рисков, лишают парадигму трансгуманистов её гуманитарного измерения.

Важно констатировать, что трансгуманисты проблемы глобальной социальной жизни, антропологического и цивилизационного кризисов связывают с идеей человеческого несовершенства. Идея – не является новой, в неё вносятся лишь инновационная форма, отформатированные аргументы и обоснования. Проблема совершенства и несовершенства природы человека фундирована в контекст «знака» эволюции. Если Ч. Дарвин смотрел на эволюцию вне её цели, целесообразности, целенаправленности, то, следовательно, эволюция не имеет цели, люди не являются совершенным биологическим видом. Неизвестна «тайна» создания людей и возможность или необходимость их исчезновения.

Созвучно таким выводам в XX веке писатель и интеллектуал Артур Кестлер размышлял об идеи эволюционного несовершенства человечества, называя человека «ошибкой эволюции»¹. Причины этого он объяснял изъянами в природном механизме, конструкторском просчете. Человек – жертва просчета в организации нервной системы. Личная смерть и жизнь человека с середины XX-го века в условиях опасности тотальной гибели всего человечества вызвала бессмысленность человеческого бытия, экзистенциальный вакуум. Человечество не готово вступить на путь благоразумия для предотвращения самоуничтожения. Почему? Аргумент первый: у человека отсутствует генетическая программа (в частности системное

¹ Кестлер А.К. Дух в машине // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 93–122.

согласование трех подсистем мозга), которая ограничивала бы убийство особей своего вида, что приводит к кровопролитным войнам. Аргумент второй: человечеству мешают его неполноценность и такие патологические симптомы как человеческие жертвоприношения; постоянная внутривидовая война (массовые репрессии, геноцид); постоянный шизофренический разрыв между разумом и эмоциями и др.

Опровергали великого биолога Ч. Дарвина те, кто верил и верит в идею контроля эволюции человеком, в возможности технологического усовершенствования человека, в бессмертие, как способ человеческого бытия, и не считает, что человек – лишь следующий биологический вид в ряду других. Среди них – русские космисты Н.В. Федоров, В.И. Вернадский и др. Космизм коннотируется как некое представление о сверхъестественном назначении человека, как необходимости его существования, о развитии человечества для упорядочивания Вселенной. Жизнь при этом является главным ценностным измерением¹. Основная идея космистов состояла в том, что человек может жить везде, люди могут путешествовать по космосу, колонизировав его. Можно преодолеть бытие-к-смерти, как смысл жизни: «смертность не изначальна», путем «всеобщего воскрешения», она «не представляет безусловной необходимости» и может быть управляема разумом. Человеческое бессмертие достигается «всеобщим воскрешением»². Космологическая система отсчета, ноосфера как кульминационная точка человеческой эволюции – оптимистический ориентир будущего человечества. Материалистический способ воплощения такой идеи задавал вектор развития различным технологическим проектам. Так, французский палеонтолог и иезуит Пьер Тейяр де Шарден усматривал идею контроля человеком эволюции в генетике, благодаря кото-

¹ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.; Федоров Н.Ф. Философия общего дела [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/> (дата обращения: 10.12.2019).

² Федоров Н.Ф. Философия общего дела [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/> (дата обращения: 10.12.2019).

рой можно будет создавать совершенных людей¹. С помощью генетики, как способ материализации само-обожествления, можно повернуть естественный отбор в сторону желаний человечества. Управлять генами на микроуровне с помощью биотехнологий сегодня звучит как очевидная «данность», и это, несмотря на то, что все генетики реально или потенциально пропагандируют евгенические идеи. Если размышлять дальше, то в наши дни «место» генетики в деле совершенства человека стараются занять так называемые нейро-науки (нейропсихиатрия, нейротерапия, нейропсихология, нейрохирургия). Переведя человека, его личностность в статус «церебрального субъекта», делается попытка все тем же редуционистским способом улучшать природу или показатели здоровья человека, надеясь на чудодейственную и «божественную» силу такого органа как мозг².

В широко обсуждаемой сегодня книге историка науки Ф. Видаля и социолога Ф. Ортеги «Быть мозгом: создание церебрального субъекта»³ речь идет об интервенции нейронауки в область наук о человеке (антропологию, философскую антропологию), об идеологии церебрального субъекта, корнящейся в парадигме церебрального эссенциализма, который редуцирует природу человека к мозгу. Парадигма «расцвела» за счет предшествующего развития философии сознания, когнитивных наук вместе с появлением новых технологий и методов исследования мозга⁴. С помощью абсолютизации коннотаций мозга, наделения его признаками субъекта (мозг коннотируется как бунтующий, как спасительный, как захватывающий и т.п.) нейроцентризм стал конститутивной платформой различных дискурсов и практик. Но самым впечатляющим «сюжетом» остается нейросвязка

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 553 с.

² Писарев А. Пинки и Брейн опять захватывают мир: генеалогия и приключения церебрального субъекта // Логос. 2018. № 5. С. 299–311; Gabriel M. I am not a brain: philosophy of mind for the 21st century. Malden: Polity, 2017. 240 p.

³ Vidal F., Ortega F. Being brains: making the cerebral subject. N.Y.: Fordham University Press, 2017. 304 p.

⁴ Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. 2014. Т. 24. № 1. С. 1–18; Тагард П. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке // Логос. 2014. Т. 24. № 1. С. 35–60.

мозга и самости личности, которая как подвергается критики¹, так и находит своих сторонников². Конституирование личности через парадигму нейроцентризма нами будет рассмотрено во второй главе.

Обсуждению горизонтов совершенствования человеческого существования посвящены не только философские и научные исследования теоретического и прикладного характера, но и так называемая паранаучная, религиозная «доктрина», каковой является сайентология³. Используя тоталитарные тренинги, типа личностного роста, технологии тоталитарных сект, адепты международного религиозного учения вбрасывают экстремистским способом следующие идеи совершенствования человека на пути к его бессмертию. У человека – хорошая основа. Он нацелен на выживание. Его выживание – путь к самому себе с помощью своих близких и единства со Вселенной. Дух может быть спасён, только дух может спасти или исцелить тело. Сознание человека может существовать отдельно от тела. Душа человека – это трансцендентная «жизненная сила», вдыхающая жизнь во все живое. Личностная сущность человека пребывает в разных прошлых и нынешних телах и т.д. Такая красивая сказка о решении всех социальных проблем и спасении человечества осуществляется с помощью нравственной и действенной этической технологии и с целью осуществления правосудия⁴.

К положительным социальным рискам поиска путей «улучшения породы человека» можно отнести пример разработки и применения новых технологий в образовании, в образовательных практиках, ориентированных на развитие когнитивных способностей, творческих и коммуникативных навыков в школе. Билл Гейтс в марте 2019 года на конференции в Стэнфордском институте антропоцентрического искусственного интеллекта заявил, что образование вместе с медици-

¹ Gabriel M. I am not a brain: philosophy of mind for the 21st century. Malden: Polity, 2017. 240 p.

² Vidal F. Brainhood, anthropological figure of modernity // History of the Human Sciences. 2009. Vol. 22. № 1. P. 5–36; Neurocultures: glimpses into an expanding universe / Ed. by F. Vidal, F. Ortega. N. Y.: PeterLang, 2011. 360 p.; Rose N., Abi-Rached J.M. Neuro: the new brain sciences and the management of mind. Princeton: Princeton University Press, 2013. 352 p.

³ Фромм Э. «Дианетика»: искателям сфабрикованного счастья // Человек. 1996. № 2. С. 54–59.

⁴ Хаббард Р.Л. Дианетика. Современная наука душевного здоровья. М.: Воскресенье, 1999. 564 с.

ной являются главными сферами применения для ИИ¹. В наши дни в Америке такой игровой гигант по развлечениям, как Сан-Франциско (CNN) Nintendo, начинает расширять свое пространство и внедряться в образование. Вместе с образовательным некоммерческим Институтом Play гигантская кампания начала «транслировать» свою популярную коммутационную игровую консоль и комплекты DIY Labo в школьное образование по всей территории Соединенных Штатов². Картонные наборы Nintendo Labo используются с различными видеоиграми. В широком социальном аспекте цель «акции» состоит в том, чтобы консолидировать общество, привлекая внимание нового поколения рабочих к новым технологиям. Конкретная практическая задача состоит в том, чтобы помочь детям развивать навыки общения и критического мышления в науке, технике, искусстве и математике (STEAM).

Коммутатор Nintendo, который является как карманным, так и домашним консолем, продал около 10 миллионов единиц после его запуска. В январе 2018 года компания представила Nintendo Labo серию DIY-проектов, которая позволяет детям создавать такие вещи, как автомобиль RC, удочку и пианино из картона. Эти картонные фигуры используются в играх Switch Video и могут использовать базовые навыки программирования через функцию Toy-Con Garage. Особенность состоит в том, что задействованы тактильные навыки детей, что позволяет расширять их когнитивный опыт, созидать творения и проверять получаемые продукты. Получается, что продукт Labo – это попытка сочетания в себе игры с взаимодействием в реальном мире.

Однако важно размышлять над тем, что благородная задача использовать в обучении реальность и «дух игры» наталкивается на старые риски и проблему здоровья детей и подростков, которые живя в эпоху «время экрана» и пристра-

¹ Bill Gates // Stanford Institute for Human-Centered Artificial [Electronic resource]. URL: <https://hai.stanford.edu/events/2019-hai-symposium/people/bill-gates> (accessed: 15.08.2019).

² Nintendo switch is headed to school // CNN Business [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/23/tech/nintendo-labo-switch-education-classroom/index.html> (accessed: 13.12.2019).

стившись к своим смартфонам, демонстрируют такие социальные и когнитивные склонности, как отсутствие «центрации» внимания, расстройство сна, подверженность рискам депрессии и самоубийства. Недоказанным пока еще остается факт развития воображения ребенка с помощью «микс» технологий.

Еще один дискуссионный «инцидент» о границах цифровизации связан с переходом традиционного высшего образования к онлайн-образованию. Цифровая революция здесь состоит в постепенном вытеснении монотонного умственного труда цифровыми сервисами. Многие профессии могут исчезнуть, через 10 лет встанет необходимость переобучения 15-20% работников рынка труда. Оптимистам видится, что цифровые помощники могут избавить классические профессии (инженеры, врачи, учителя) от рутинного труда, сделав их более творческими.¹ Цифровая революция приводит к тому, что конкретная квалификация, привязанная к определенной технологии, сохраняет свою работоспособность в среднем около пяти лет. Получение конкретной профессии в бакалавриате теряет смысл. При этом растет рынок микростепеней, которые начинают конкурировать с университетскими дипломами. Старая модель образования заменяется новыми формами обучения – интерактивы, индивидуальные образовательные траектории, проектное обучение с помощью онлайн-курсов. Среди новых тенденций опосредованных цифровизацией – развитие психометрики обучающихся. Так называемый «цифровой след» в учебном процессе с помощью онлайн-курсов позволяет создать огромную базу уникальных данных о том, как студенты учатся, реагируют на методические приемы, воспринимают прочитанный курс.

Для идеи технологической трансформации человека важно различать позитивные ресурсы и негативные риски и последствия использования искусственного интеллекта. Укорененная в герменевтику человека, его природы и модальностей существования, проблематизируется сама тема несовершенства природы человека. С помощью новейших текстов философского и междисциплинарного характера раскрываются социальные коллизии использования продуктов современных

¹ Интервью с ректором НИУ ВШЭ Ярославом Кузьминым // Поиск. 2018. № 51 (1541). С. 5.

технологий. Проведенный теоретический экспресс-анализ показал, что вне своей гуманитарной сущности человек лишается перспектив выживания и совершенствования. Сам по себе искусственный мир не является ключом к человеческому будущему.

Мы живем в эпоху глобализма, а глобализация сегодня прочитывается как всеобщая информатизация и цифровизация современности с помощью кибернетических технологий (глобальных информационных сетей, искусственного интеллекта, аддитивных 3D-принтеров), и с быстро растущими возможностями социальной манипуляции индивидуального и общественного сознания, всепроникающей роботизацией повседневной жизни. Генерализовано эти факты акцентируют проблему несовершенства биопсихосоциальной и биосоциодуховной природы человека, порождают ряд социальных проблем и антропологически негативных последствий. Как искусственный интеллект, так и другие современные технологии проблематизируют границы человека, превращая человеческую жизнь в артефакт, отменяя демаркацию между миром людей и миром вещей. И, как указывает П.Д. Тищенко, «...живое существо, которое пересекает эту границу, радикально меняет свой моральный и правовой статус. Возникает, ограничивается или изымается его человеческая сущность»¹. Из философской антропологии известно, что социокультурные представления о человеке, раскрывающие различные грани человеческого бытия (по Платону, существо двуногое и без перьев), постоянно меняются. Множество идентификаций человека (родовая, гендерная, этнонациональная, профессиональная, персональная, гражданская, сетевая и др.) говорят о вечном становлении человека, о неполной проявленности человека, о фундаментальной неопределенности и нестабильности человеческого бытия². Нет однозначного удовлетворительного ответа на вопрос: что есть человек, что ему нужно сегодня, завтра, в будущем? Зачем ему, например, использовать дорогостоящий искусственный интеллект в обычной повседневной жизни, если он не помогает, а

¹ Тищенко П.Д. «Что такое человек?». Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. 2018. № 5. С. 15–16.

² Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М.: Канон+, 2018. 360 с.

наоборот, увеличивает неопределенность и риски человеческого и социального бытия, усугубляет рост стрессогенных и других психических заболеваний в мире от своей неспособности и отсутствия смысловой необходимости «переваривать» нескончаемый поток избыточной и противоречивой информации.

Наряду с недо-определенными идентификациями человека атрибутивными, существенными характеристиками как объекта познания, остаются недо-определенными его способность к рефлексии (Г. Гегель), способность к смыслопорождению, рефлексивная природа самоидентичности. Озабоченность и озадаченность вопросом о смысле своего существования сопровождают человеческую жизнь. На роль «человека» (искусственный интеллект, животный мир, нейросубъект и т.д.) не может претендовать никто. Как утверждает Н.М. Смирнова, «человек сознательно выстраивает образ мира и самого себя из ресурсов личного опыта, языка и памяти, наводя (подчас шаткие) мосты между образом Я, жизненным миром и социальной реальностью. Способность к смылосозиданию – вопреки расширительным трактовкам смысла в рамках биосемантического энактивизма – исключительно человеческая и лишь человеческая способность»¹. В поисках себя, своей родовой идентичности, подлинной проявленности в социуме, гармонии своей био-психо-социо-духовной природы нет реальных и потенциальных конкурентов кроме самих себя.

Мы согласны с различными мнениями в том, что исследования в области нейрофилософии (П. Черчланд), философии искусственного интеллекта, нейронно-сетевых моделей, «расширенного сознания» (extended mind) и т.п. теряют свое значение вне таких критериев человека, как рефлексивность, смылосозидание, личностный опыт и личностная конфигурация субъективных смыслов,. Следует согласиться также с точкой зрения ряда философов о том, что без рефлексии сущности или идентичности, родовой идентичности, как составляющих частей

¹ Смирнова Н.М. Смысловые измерения субъективной реальности человека // Человек. 2019. Т. 30. № 3. С. 40.

человека, как существа, наделенного свободой воли, которая задает особенную конфигурацию идентичностей, не просматривается новый путь к определению природы человека¹. Следует также согласиться с академиком В.А. Лекторским в том, что с помощью нано-био-информационных, когнитивных, социогуманитарных технологий пропагандируется идея тотального контроля природной, социальной, человеческой «неопределенности» и несовершенства. Она возникает на фоне утраты духовно-нравственной доминанты, потери внутренней определенности, что усиливает социальную непредсказуемость и влечет множество рисков. Человек попадает в капкан такого самовоспроизводства. С одной стороны, он теряет идентичность в страхе перед внешними угрозами, а с другой – получает технологически гарантированную «сверхопределенность», но с потерей свободы и права духовного выбора².

Еще один ход мысли о способах спасения человека и его образа предлагает Г.Л. Тульчинский. Создавая новые условия жизни, современные цифровые технологии должны быть зависимы от социально-культурного контекста их разработок и использования. Предлагаемая Г.Л. Тульчинским идея социально-культурного инжиниринга, прошедшая обоснование через комплексную гуманитарную экспертизу и включающая систематизацию знаний, практик разработки, экспертизы и реализации проектов, относительно преобразований социальной реальности, индивидуализации и социализации личности, становится главной в нахождении меры естественного и искусственного в человеке³.

Таким образом, оценка как позитивных возможностей, так и множественных рисков искусственного интеллекта напрямую связана с антропологической, философской, социально-психологической, биоинженерной проблематикой и герменевтикой «фигуры человека».

¹ Манульский М.А. Архитектоника идентичности // Человек. 2018. № 4. С. 32–42; Тищенко П.Д. «Что такое человек?» Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. 2018. № 5. С. 5–17.

² Запесоцкий А.С., Марков А.П. На пороге кардинальной трансформации. Размышления над материалами Лихачевских чтений // Человек. 2018. № 5. С. 46.

³ Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация: Вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136.

Отождествление человека с несовершенным, несамодостаточным, уязвимым существом порождает социально-антропологическую проблему его стигматизации. Напомним, что древние греки соотносили стигму с телесным клеймом для раба или преступника, как аморального, дефективного человека. Под стигмой понимался некий знак, отметина, пятно, что влекло негативную ассоциацию человека с чем-то позорным, отталкивающим, презрительным, а также с его неспособностью вести полноценную жизнь. Актуализировал феномен стигмы вместе с другими социологами и психологами И. Гофман, который термин «стигма» использовал для обозначения качества, выдающего постыдное свойство индивида [an attribute deeply discrediting], где характер этого качества определяется не самим качеством, нейтральным самым по себе, а отношениями по поводу него¹. Согласно концепции И. Гофмана, типология стигмы представляет собой: (1) стигма, вызванная физическим дефектом; 2) стигма, связанная с дефектом индивидуального характера (дефекты возникают в результате психического заболевания, алкоголизма, тюремного заключения, употребления наркотиков); 3) родовая стигма (дефект определяется принадлежностью индивида к определенной расе, национальности или религии). В таком понимании необходимость замены биопсихосоциальной природы человека искусственным интеллектом, роботизированной сущностью и т.д. категоризируется или стигматизируется полностью. Абсолютизируя значение искусственного интеллекта и возможностей НБИК-технологий (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии) в изменении «породы» человека, трансгуманисты сегодня обесценивают гуманитарную суть и идентичность человечества как такового и в глазах конкретного человека и всего наличного общества. А всякая стигма, как известно, оказывает негативное воздействие на здоровье носителей стигмы.

Приведем ряд аргументов, показывающих невозможность сегодня и в ближайшем будущем отождествления искусственного интеллекта и его продуктов с естественным человеческим интеллектом, как непознанной, нераскрытой «тай-

¹ Goffman I. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N. Y.: Prentice-Hall, 1963. 168 p.

ной» человеческой природы человека, его мозга, способности к смысловому творчеству и т.п.

Среди машинных инструментов так называемого «...ведения хозяйства, восходящих к древнегреческим философам Сократу и Протагору и традициям технологического антропоморфизма, приписывающим машине способность удаленно рассуждать и действовать подобно человеку»¹, искусственному интеллекту и робототехнике, как новейшим технологиям хозяйства, сегодня приписывают множество преимуществ и высочайшую эффективность в сравнении с предыдущими машинными инструментами. В первую очередь, экономисты глобального ориентира заявляют о цивилизационном и геополитическом значениях компьютерных технологий, искусственного интеллекта и робототехники, которые перформатируют победителей и побежденных в «схватках» за мировые рынки и финансы². По оценке некоторых аналитиков-экономистов, дополнительный рост общей факторной производительности труда, причиненный технологией искусственного интеллекта и робототехники, ежегодно колеблется от 1,8% до 4,6% ВВП³.

Чтобы разобраться в преимуществах и недостатках «приема» использования технологий искусственного интеллекта, выявить их влияние на общественную жизнь необходимо определить круг существенных признаков так называемого «искусственного интеллекта» и сравнить их с «данными» естественного интеллекта.

Традиция сравнительного анализа начинается с модели В.К. Финна, в которой перечисляются следующие характеристики искусственного интеллекта, как интеллекта порожденного небиологическим субстратом, и естественного интел-

¹ Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. М.: Прогресс, 1978. 333 с.

² Shaw I.G.R. Robot wars: US Empire and geopolitics in the robotic age // Security Dialogue. 2017. Vol. 48. № 5. P. 451–470; Бриньолфсон Э., Макафи Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 320 с.

³ Purdy M., Daugherty P. Why artificial intelligence is the future of growth // Accenture [Electronic resource]. URL: https://www.accenture.com/t20170524t055435__w__/ca-en/_acnmedia/pdf-52/accenturewhy-ai-is-the-future-of-growth.pdf (accessed: 12.12.2019).

лекта, у которого есть: способность упорядочивать знания; способность к целеполаганию и планированию поведения; способность к анализу и оценке по отбору знаний; способность к рассуждению; способность к аргументации по принятию решений; способность к рефлексии и творчеству; способность к анализу и синтезу; обучаемость и мнемическая способность; способность к рационализации идей; способность к построению холистической картины мира; способность к адаптации в изменяющихся условиях жизни с коррекцией поведения¹.

Приведенные характеристики естественного интеллекта позволяют его соизмерить с искусственным и показать их различия. Получается, что в когнитивном плане степеней свободы у человеческого интеллекта больше, также как и преимуществ перед роботом. Например, если робот в таком формате, как летательные аппараты, беспилотные или самоуправляемые автомобили, промышленные манипуляторы, сегодня «дефинируется» как рабочий механизм с онтологическими признаками, как-то: степень автономности и свободы, способностью решать задачи в границах «заданной» среды, то роботы будущего по проектам человеческого интеллекта будут «заточены» на социально-психологические дескрипторы, как-то: групповое взаимодействие, самоорганизация и общение с человеком. Об этом заявляют эксперты лаборатории робототехники Сбербанка, выделяя соразмерный человеческому уровню такой прикладной функционал для искусственного интеллекта, как компьютерное зрение, рекомендательные и интеллектуальные системы поддержки принятия решений, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, перспективные методы и технологии ИИ².

Известно такое авторское, ориентированное по функционалу определение робототехники, согласно которому робот – это такое устройство, «которое способно одновременно: 1. Sense: робот обладает способностью воспринимать окружающий мир с помощью сенсоров. Такими сенсорами могут быть микрофоны

¹ Финн В.К. Искусственный интеллект: методология, применение, философия. М.: Красанд, 2018. С. 37.

² Ефимов А.Р. Снятся ли чат-ботам андройды? Перспективы технологического развития искусственного интеллекта и робототехники // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 78.

(сонары), камеры (всех областей электромагнитного спектра), различные электромеханические сенсоры (акселерометр) и прочее. 2. Think: робот обладает способностью интерпретировать (понимать) сигналы, которые он получает от сенсоров, наблюдающих физический мир, строить и адаптировать модели поведения и принимать решения в зависимости от выбранных моделей. Эта способность может быть реализована разными способами: бортовым вычислителем робота, «интеллектуальным» облаком или человеком, который управляет роботом с помощью телеуправления или интерфейса с реализованной обратной связью. 3. Act: робот обладает способностью воздействовать на физический мир любым результативным способом»¹.

Показав, что пока не существует единого, удовлетворяющего методологическим (философским) и прикладным (инженерным) запросам определения искусственного интеллекта и робототизации, можно перейти к сравнительному анализу сопоставления возможностей человека и машины, естественного и искусственного. Источником такого сравнения считается Тест Алана Тьюринга. В работе «Вычислительные машины и разум» он предложил «игру в имитацию» для определения мыслительных способностей машин².

Естественный интеллект превосходит искусственные системы по ряду пунктов. Среди них: контекстуальная различаемость взаимоотношений между вещами; понимание причинно-следственной связи для предсказаний; планирование, принятие решений, а также наличие мелкой моторики (интеллектуальная деятельность человека укоренена психомоторным базисом), динамики, движения, поднятия тяжестей, энергоэффективности.

По критериям восприятия и распознавания образов (категоризация окружающего мира) и точности (повторяемость) движений человек уступает машине³. Здесь следует вспомнить, что категоризация коннотируется как высказывание,

¹ Ефимов А.Р. Снятся ли чат-ботам андройды? Перспективы технологического развития искусственного интеллекта и робототехники // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 78–79.

² Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. P. 433–460.

³ Shoham Y. The AI Index 2018 Annual Report [Electronic resource]. URL: <http://cdn.aiindex.org/2018/AI%20Index%202018%20Annual%20Report.pdf> (accessed: 12.12.2019).

свидетельство, показание, объяснение, признак и означает: «метод отнесения познаваемого объекта к некоторому классу, в качестве которого выступают категории, выражающие наиболее существенные отношения тех или иных областей действительности, знания и деятельности»¹.

История использования теста Тьюринга до настоящего времени включает два типа его применения и интерпретации: классический и неклассический. Классический тест, в бихевиористской интерпретации, задает условия по различению человека или компьютера (чат-бот). Чат-бот сумел обмануть 33% судей². Проведенный в Сколково в 2019 году тест Тьюринга в его неклассической интерпретации показал, что порог обмана составил 58% (столько компьютеру удалось выдать свою «личность» за человека в глазах судей). Интерес здесь представляет и тот факт, что искусственный интеллект (чат-бот) начинает лучше понимать человека, если он начинает общаться в привычной ему командно-приказной модальности речи³. Чат-бот – это голосовой помощник, созданный на основе искусственного интеллекта и обладающий навыками компьютерного обучения. Здесь интерес представляет социологический опрос российских и зарубежных чат-ботов Центра социального проектирования «Платформа», который показал, что роботы жалуются на конфликтность и грубость в общении с человеком, хотят получить воплощение в человеческом теле и строить романтические отношения друг с другом⁴. Такие ответы приводят к выводу о том, что развитие чат-ботов будет становиться все более автономным, непредсказуемым и многовариативным, создавая риски в будущей реальности. В итоге, возникает проблема, как ограничить при-

¹ Микешина Л.А. Категоризация [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/encyclopedia/> (дата обращения: 14.12.2019).

² Алексеев А.Ю. Комплексный тест Тьюринга: философско-методологические и социокультурные аспекты. М.: ИИнтелЛЛ, 2013. 304 с.

³ Ефимов А.Р. Снятся ли чат-ботам андрюиды? Перспективы технологического развития искусственного интеллекта и робототехники // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 84.

⁴ Ваганов А. Искусный интеллект. Кибернетические устройства приобретают все психические признаки личности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/nauka/2019-10-22/9_7708_intellect.html (дата обращения: 03.12.2019).

кладной искусственный интеллект социальными нормами в областях, потенциально допускающих его рисковое воздействие на человека и социум.

В настоящее время наступила посттюринговая эпоха, которая зафиксировала технологические противоречия в развитии искусственного интеллекта и заточена на переход от попыток имитации интеллекта человека к созданию нечеловеческого интеллекта, дополняющего человеческий¹. Если доверять различным источникам, то высказывается сомнение в том, что сегодня наблюдается экспоненциальный рост количества накапливаемой человеком информации². С ростом человечества информация растет линейно. Однако экспоненциально растет способность человека преобразовывать свои впечатления от внешнего мира в цифровой формат. Такое цифровое форматирование или упорядочивание информации остается функцией человека. Фильтрация информации, как больших данных, передается машине, а в малых «дозах» – человеку для его обучения и минимизации его вычислительных и психоэнергетических затрат. Камнем преткновения, с учетом усложнения технологий и ускорения жизненных циклов человека, остается загадка адаптации человека к изменениям, то есть сам процесс обучения. Здесь ускоренное переобучение и повышение квалификации во всех специальностях остается реальной проблемой наших дней.

Также следует осознавать, что с целью улучшения сенсоров и программного обеспечения, как составляющих искусственного интеллекта, такие объекты изучения или «пользования», как психика и моторика человека, остаются закрытыми для «моделирования» релевантных роботов. Почему? Потому что моделирование «живого» упирается в сложную методологию и теорию естественных и социогуманитарных наук. Например, в физиологии признаны несколько общих принципов, которые обуславливают построение функций в организме³. Некоторые из них

¹ Ваганов А. Искусный интеллект. Кибернетические устройства приобретают все психические признаки личности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/nauka/2019-10-22/9_7708_intellect.html (дата обращения: 03.12.2019).

² Ефимов А.Р. Сняты ли чат-ботам андройды? Перспективы технологического развития искусственного интеллекта и робототехники // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 87.

³ Орбели Л.А. Основные задачи и методы эволюционной физиологии // Избранные труды: в 2 т.

широко признаны, иные требуют обоснования и обсуждения. Это: 1. Целостность, которая обеспечивает деятельность организма как единой системы (клетка, орган, организм). Регуляция на разных уровнях организации системы обеспечивает целостность организма и его взаимодействие со средой. 2. Гомеостаз – внутренняя среда, в которой находятся, функционируют клетки. (У. Кэннон, К. Бернар). Физиологи считают, что эффективность гомеостаза зависит от систем дыхания, пищеварения, кровообращения, экскреции и в регуляции этих функций участвуют нервная система, аутокоиды, инкретины, физико-химические факторы околочелочной среды и др. Целостность и Гомеостаз инициируют такие физиологические явления, как 3. Адаптация и стресс. Целостность организма, гомеостаз обеспечивают возможность приспособления особи (человека) к постоянно меняющимся условиям внешней среды. Успешность адаптации говорит о стабильности внутренней среды.

Если проблематизировать только физиологический принцип гомеостаза, то новейшие исследования выдвигают такую новую проблему, как выяснение организации внутреннего стандарта каждого из физико-химических показателей в организме, настраивающих физиологическую систему. К таким параметрам относятся: «...стандарт температуры, концентрации каждого из ионов, осмоляльность и мн. др. Необходимо понять, где локализован рецептор стандарта, как устроен и функционирует, зависит ли он других систем, каким образом настраивается или исходно точен. Примером может быть стандарт температуры – 36.6 у человека, но нередко в клинике выявляется субфебрилитет, это сдвиг датчика или патология в одной из систем, приводящая к повышению температуры? Аналогичный вопрос касается стандарта осмоляльности, концентрации натрия или калия, как в этих условиях лечить гипокалиемию или гиперкалиемию?»¹.

М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 59–68; Наточин Ю.В. Целостность. // Журнал высшей нервной деятельности. 2018. Т. 68. № 6. С. 775–787; Его же. Гомеостаз // Успехи физиологических наук. Т. 48. № 4. С. 3–15; Марков М. О единстве и многообразии форм материи в физической картине мира // Наука и жизнь. 1982. № 7. С. 3–10.

¹ Наточин Ю.В. Физиология: современность и классика // Научные труды «II объединенный научный форум .VI съезд физиологов СНГ . VI съезд биохимиков России .IX Российский

Возвращаясь к нашей теме о качественном различии естественного и искусственного интеллекта, о невозможности моделировать моторику и психику человека, важно проникнуться задачами современной физиологии о функциях живого существа, о способах его адаптации к окружающей среде. Даже используя вместе с физиологическими методами инструменты молекулярной биологии, биоинформатики, генетики и мн. др., сегодня метафизической задачей остается постижение целостности животного и человека, гомеостаза, способности к реализации высших функций мозга, эволюции живого от протоклетки к человеку.

Феномены восприятия и мобильности также остаются неразгаданными в призме алгоритмизации и имитации. Здесь важно обозначить существенные признаки мобильности как социального и личностного феномена. Экспликация мобильности, как многомерного феномена, позволяет выделить узкий и широкий семантический смысл феномена. Носителем мобильности выступает физическая (биофизическая) реальность, и тогда она предстает атрибуцией физического мира, способом существования всякой физической составляющей. На уровне человека, как биопсихосоциального жизнеутверждающего «начала», мобильность соотносится с такими способностями как самоизменение, адаптация к окружающей среде и выбору способов самозащиты в условиях постоянного саморазвития. Продолжает эту линию размышления А.Ю. Харченко: «Для социального субъекта мобильность – это готовность к изменениям в ускоренном режиме, инновационная активность, гибкость мышления. Личностная мобильность означает движущую, осознанную/неосознанную, рефлексивную силу к ускоренной интерактивности в социальном пространстве, что сопряжено с наличием таких личностных качеств как доверие, коммуникационный потенциал, толерантность к неопределенности. В широком смысле мобильность – одна из доминантных и «мажорных» форм социального бытия, интегрирующая современные социальные практики»¹.

симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габиева, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. М.: Издательство «Перо», 2019. С. 3–6.

¹ Харченко А.Ю. Конфигурация идентичности и риск ответственности в социальных практиках мобильности: автореф дис. ...канд. филос наук. М., 2018. С. 9.

В контексте философского дискурса о мобильности следует согласиться с А.Ю. Харченко в том, что мобильность, как феномен и концепт современных реалий и практик, обнаруживает свою парадоксальность. Так, для человека, как личности и социального существа, мобильность влечет множество рисков, деструктивных последствий, среди которых: утрата границ естественных эволюционных преград и запретов, релятивизация социальной жизни, порождение мнимой свободы через освобождение от ответственности.

Приведем пример из творческой сферы. В 2019 г. в СМИ появилось сообщение о том, что искусственный интеллект за 72 часа дописал неоконченное произведение композитора Антонина Дворжака «Из мира будущего» спустя 115 лет после его смерти. Инициаторы процесса считают, что искусственный интеллект положительно может влиять на творческий процесс, а люди достаточно разумны и будут использовать искусственный интеллект для полезных целей.

Кроме вышесказанного, познавательной проблемой остается рациональное объяснение получаемых результатов использования нейронных сетей глубокого обучения и других статистических методов¹.

В итоге можно сделать вывод о том, что в настоящее время искусственному интеллекту неправомерно приписывать антропоморфный статус по «достаточным» интеллектуальным и физическим основаниям. Наш избирательный сравнительный анализ возможностей, ограничений, проблемных зон искусственного и естественного интеллекта позволяет заключить: психика, сознание, ментальное бытие, психофизиология, нейропсихология человека остаются неразрешимыми исследовательскими проблемами в методологическом, теоретическом, прикладном и когнитивном аспектах. Мозг, телесность, психика, физиология эволюционируют пока в закрытом для понимания режиме. Навыки человека, формирующиеся в окружающей мире, жизненном пространстве, создающие его социальный и психологический профили, этическая модель поведения в коммуникациях и об-

¹ Brooks R. A Better lesson. Robots, AI, and other stuff [Electronic resource]. URL: <https://rodneybrooks.com/a-better-lesson> (accessed: 12.12.2019).

шении становятся приоритетными исследовательскими задачами. Например, психологический статус, психологический профиль указывают на некоторое целостное состояние психофизиологической, психической и личностной сфер психического мира человека в единстве с жизненной средой. Моделирование бесчисленного количества переменных различных структурных уровней психики, включая бессознательную сферу, тем более неисчислимых характеристик внешней среды, остается неразрешимой познавательной задачей.

Человеческий мозг до настоящего времени является лучшим из всех интеллектуальных устройств. Его малая часть воплощена в искусственный интеллект. Технологии искусственного интеллекта сегодня основаны на знании о работе мозга 60-летней давности.

На примере новейших исследований мозга это становится очевидным фактом¹. Неслучайно актовая лекция академика С.В. Медведева на II Объединенном научном форуме (где выступали трое лауреатов Нобелевской премии академика РАН из Института мозга человека им. Н.П. Бехтерева РАН) называлась «Скрытые звенья мозговых систем». Он акцентировал внимание на том, что по-прежнему основной задачей нейрофизиологии и психофизиологии человека является: «исследование того, как мозг обеспечивает высшие виды деятельности человека. В работах последних трех десятилетий достаточно подробно изучены молекулярные и генетические механизмы работы мозга, картированы функции различных его зон. В последнее время все активнее изучаются структурные и функциональные связи между ними. Однако, ожидаемого прогресса в понимании именно принципов работы мозга, механизмов его системной работы пока нет»².

¹ Научные труды «II объединенный научный форум.VI съезд физиологов СНГ. VI съезд биохимиков России. IX Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габибова, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. М.: Издательство «Перо», 2019. 198 с.; Friston K.J. Functional and effective connectivity: a review // Brain Connectivity. 2011. Vol. 1. P. 13; Fornito A., Zalesky A., Bullmore E. Fundamentals of brain network analysis. Cambridge: Cambridge Academic Press, 2016. 476 p.

² Медведев С.В. Актовая лекция. Скрытые звенья мозговых систем // Научные труды «II объединенный научный форум .VI съезд физиологов СНГ . VI съезд биохимиков России .IX Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука,

Объясняется это следующей аргументацией. Известно, что высшие психические, ментальные, психофизиологические виды деятельности обеспечиваются работой функциональных корково-подкорковых нейроанатомических систем. Такие представления корректируются новейшими данными об изменениях конфигураций структурных связей и функциональных взаимодействий, эмпирией нейросетевого анализа на микроуровне активности отдельных нейронов и их популяций, на макроуровне отдельных мозговых структур. Однако в нейрофизиологии до настоящего времени остается нерешенной проблема соотношения активности отдельных клеток (и их групп) и активности больших территорий мозга, измеренных с помощью нейровизуализационных методов исследования. Главная объяснительная причина такой ситуации кроется в том, что количество нейронов в мозге оценивается около 100 миллиардов¹, при этом скорость обмена информацией между нейронами – порядка сотен метров в секунду. С.В. Медведев считает: «Современные данные о работе мозга не дают возможности ответить на вопрос, как при такой скорости взаимодействия эти 86 миллиардов нейронов могут слаженно работать и объединяться в систему, быстрое действие и возможности которой значительно превышают возможности всех современных компьютеров»². На пути решения проблемы предлагается выявление общих закономерностей функционирования мозговых систем на микро- и макро-уровнях. Гипотетически видится, что носителем для высших видов деятельности предстает мозг, как неоднородная блочная система с активизирующимися элементами, но при этом большая часть системы является скрытой. Элементы являются относительно независимыми «процессорами» (гибкие звенья), модулирующими работу мозга.

А.Г. Габибова, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. М.: Издательство «Перо», 2019. С. 19.

¹ Azevedo F.A., Carvalho, L.R., Grinberg, L.T., et al. Equal numbers of neuronal and nonneuronal cells make the human brain an isometrically scaled-up primate brain // *Journal of Comparative Neurology*. 2009. Vol. 513. P. 532–541.

² Медведев С.В. Актовая лекция. Скрытые звенья мозговых систем // Научные труды «II объединенный научный форум. VI съезд физиологов СНГ. VI съезд биохимиков России. IX Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габибова, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. М.: Издательство «Перо», 2019. С. 20.

Новейшие исследования нейронаук по-прежнему упираются в методологические трудности решения психофизической, психофизиологической, психосоматической, нейрофизиологической, нейропсихологической проблем. Существует три фундаментальных подхода к решению психофизической проблемы (физикалистский, бихевиористский, информационно-функциональный) и полярные точки зрения таких отечественных философов и исследователей естественного и искусственного интеллекта как А.Ю. Алексеев (считающего прохождение теста Тьюринга условием вхождения искусственного интеллекта на почву «естественного») ¹ и Д.И. Дубровский (полагающего прохождение теста Тьюринга невыполнимым без переноса субъективной реальности на небиологический субстрат) ².

Разделяя точку зрения профессора Д.И. Дубровского о невозможности и без «образности» переноса субъективной реальности на физический (материальный, технический, искусственный) или небиологический субстрат, сошлемся на следующие аргументы. Мозг – это система нейронов или нейросистема. Нейроны – живые «сущности», имеющие молекулярные механизмы нейродегенерации и нейропластичности ³. Известно, что в мире нет ни одного вылеченного человека от нейродегенеративных процессов. Нейроны погибают и не восстанавливаются, о чем говорят новейшие исследования в области нейродегенеративных заболеваний. В метафизической проекции, очевидно, существует биологический запрет на изучение мозга. Такая уязвимость ставит запрет на аналоговую модель в изучении мозга.

¹ Алексеев А.Ю. Проблема Другого в компьютерных коммуникациях // Философские науки. 2008. № 6. С. 114–136.

² Dubrovsky D. The hard problem of consciousness. theoretical solution of its main questions // Neuroscience. 2018. Vol. 6. № 2. P. 85–103.

³ Угрюмов М.В. Новая парадигма борьбы с нейродегенеративными заболеваниями на основе интегративной физиологии, превентивной и трансляционной медицины // Научные труды «II объединенный научный форум. VI съезд физиологов СНГ. VI съезд биохимиков России. IX Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габибова, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. М.: Издательство «Перо», 2019. С. 6–9.

Ежегодно человечество получает информацию о новых технологических инновациях, созданных с помощью искусственного интеллекта¹. Справедливо можно признать, что современные цифровые технологии предоставляют людям огромные коммуникативные и познавательные возможности, что требует взамен приобретения и развития определенных навыков и умений. Так, цифровому поколению Net приписывают такие когнитивно-коммуникативные качества как: быстрая переработка информации, нелинейность мышления, ориентация на многозадачность, предпочтение гипертекстов и др. Однако, наличие таких технологических «сверхспособностей» сопровождают иные когнитивные негативы, способствующие формированию интернет-зависимости: низкая устойчивость внимания, его отвлекаемость, мнемические дисфункции, нарушенный когнитивный контроль и т.д.² Очевидно, что такая ситуация влечет многие проблемы для системы образования и её модернизации.

В итоге, разделяя представление о гуманитарном как неповторимости человеческого бытия, его уникальности следует критически оценивать все положительные и отрицательные социальные риски и последствия по открытому экспериментированию над природой человека с помощью искусственного интеллекта.

1.4. Антропологический контур социальных и личностных проблем цифровой коммуникации

Определимся в различии реальной и виртуальной коммуникации. Реальная и виртуальная коммуникации нами сравниваются как подлинник и искаженная копия³. Критерием такого сравнения выступают такие антропо-социальные проблемы как отчуждение, одиночество, праздность, утрата биофилии, потеря здоровья, киберзаболевание.

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).

² Ершова Р.В. Цифровое поколение: между мифом и реальностью // Философские науки. 2019. Т. 62. № 2. С. 96–108.

³ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 590 с.

Через цифровые коммуникации происходят множественные рискогенные трансформации. Речь идет о форсажном развитии цифровой стадии научно-технического прогресса. В условиях инновационных разработок, постоянного совершенствования цифровых информационно-коммуникационных технологий, расширения интернет-пространства до глобальных величин, появления новейших компьютерных баз данных наблюдается «немыслимый» масштаб информационных потоков. Например, в 2017 г. услугами электронной почты пользовались 2,6 млрд земного населения, в 2019 г. эта цифра превысила 3,9 млрд человек. По предварительным оценкам экспертов, в 2023 г. к этому виду связи будут прибегать уже 4,3 млрд¹.

Раскроем основные аспекты современного философского и социально-психологического дискурсов о коммуникациях, включая материалы работы М. Кастельса «Власть коммуникации»². Он считает, что коммуникация, которая формирует человеческое сознание, в наше время является эпицентром борьбы за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневных практиках.

Через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с социальным и естественным окружением. А социальная структура сетевого общества в начале XXI века построена вокруг цифровых сетей коммуникации. Одно из определений коммуникации состоит в том, что коммуникация есть коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией. Согласно М. Кастельсу, «коммуникация осуществляется путем активации сознаний в процессе передачи смысла. Сознание – это процесс создания и манипулирования ментальными образами (визуальными или невизуальными) в мозгу. Идеи можно представить как наборы ментальных образов. По всей вероятности, ментальные образы соответствуют нейронным паттернам. В свою очередь, нейронные паттерны – это механизмы активации нейронных сетей нейронные сети объединяют нейроны, кото-

¹ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. С. 8.

² Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 590 с.

рые являются нервными клетками. Нейронные паттерны и соответствующие им образы помогают мозгу регулировать его взаимодействие с организмом и внешней средой»¹.

В контексте исследований нейронаук (neuroscience) субъективная реальность как конструируемая реальность и реакция на происходящие события находит свое отображение в мозге, который обрабатывает эти события в соответствии с собственными паттернами². Получается, что реальность «являет себя» как материальная конструкция, состоящая из образов, как «микса» событий физического мира, и ментального опыта, как «записей» в схемах мозга.

М. Кастельс объясняет как меняется виртуальная коммуникация. С появлением Интернета возникает новая интерактивная коммуникация, «... открывающая доступ не только к одновременной отправке сообщений от многих многим в реальном или выбранном времени, но и к возможности двусторонней коммуникации, заказного (по запросу) или широкоэмитательного телевидения в зависимости от цели и характеристик желательной коммуникационной деятельности»³. Появляется новая форма коммуникации – массовая самокоммуникация. Три формы коммуникации – межличностная, массовая коммуникация, самокоммуникация объединились в интерактивный, цифровой гипертекст, который перераспределяет всю сферу культурных представлений, передаваемых в рамках человеческого взаимодействия.

Виртуальная коммуникация появилась как продукт использования цифровых технологий, которые имеют рискогенную природу. Определимся с понятиями. Под цифровыми технологиями понимается такой способ обработки информации, когда улучшается качество сигнала, расширяется возможность по её хранению и обработке, анализу, индикации и т.д. Применяется цифровая технология соразмерно состоянию технологической платформы, аппаратных средств, инфор-

¹ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 163.

² Damasio A.R., Meyer K. Behind the looking glass // Nature. 2008. Vol. 454. № 10. P. 167–168; Damasio A.R. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and Feeling Brain. Orlando: Harcourt, 2003. 368 p.

³ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 73.

мационной инфраструктуры и др. С какой целью появляются цифровые технологии? С целью вытеснения и замещения аналоговых технологий, обеспечивающих непрерывный спектр информационных сигналов. Особенность цифровой технологии, которая замещает аналоговую технологию, заключается в том, что она обеспечивает дискретный спектр сигнала, улучшая качество самого сигнала и поступающей на приёмник информации¹.

Станислав Лем, известный польский футуролог, говорит в целом о технологиях, что они обусловлены «...состоянием знаний и общественной эффективностью способов достижения целей, оставленных обществом, в том числе и таких, которые никто, приступая к делу, не имел в виду. Всякая технология, в сущности, просто продолжает естественное, врожденное стремление всего живого господствовать над окружающей средой или, по крайней мере, не подчиняться ей в борьбе за существование»².

Казалось бы, ничего страшного в последствиях разработки и применения технологий нет. Однако общецивилизационный технократический дискурс убеждает нас в том, что современный мир есть мир технический, а современные технологии – это взрывное развитие техники. Позитивное значение техники в том, что она, понимаемая как система средств, позволяет решать основные цивилизационные проблемы и задачи. Негативным последствием технического развития предстает трансформация сознания, погружающая современного человека в виртуальные галлюцинации, иллюзии, миражи, игры, развлечения, празднество и т.д.³

Одна из таких иллюзий – попытка подделать или переделать «естественное начало» человека с помощью современных НБИК-технологий (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии), переложить на них ответственность

¹ Попов Е.В., Сухарев О.С. Движение к цифровой экономике: влияние технологических факторов // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 1. С. 26–35; Сухарев О.С. Цифровые технологии: условие технологического замещения // Эргодизайн. 2019. № 3. С. 115–126.

² Лем С. Сумма технологий // Собрание сочинений. М.: Текст, 1996. Т. 13. С. 8.

³ Розин В.М. Психическое заболевание как тренд развития личности и состояния культуры. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 17.

за будущее человечества и жизненного мира. Человек – не робот и не интеллектуальная машина. Его нельзя заменить вербализованным техническим инструментом в современном технократическом мире.

Заменить «sapiens» на «homo», значит редуцировать сознание с его подсознанием, сложнейшую психическую структуру, эмоции и чувства человека к его интеллекту. У машины нет образа и нет сознания. Радуюсь технократическим увлечениям наподобие нейролингвистического программирования, выдавая биологическую активность мозга за психическую деятельность, мы признаем наш мир нечеловекомерным. Однако сегодня метафорой остается аналогия мозга и компьютера. Проблема появления идеального измерения на основе материального субстрата остается нерешенной.

Яркой иллюстрацией таких умозаключений служат явления виртуализации и виртуальной коммуникации, которые обсуждаются сегодня в философском и социогуманитарном дискурсах. В первую очередь, с помощью виртуальных коммуникаций осуществляется масштабное воздействие на естественное бытие человека. Важно обратить внимание на различие природной виртуальности человека, которая лежит в их основе этих технологий, которые влекут множество опасностей и рисков экзистенциального, этического ракурсов. Так, совершенные технологии редактирования сознания, под воздействием которых человек теряет способность различать реальное и виртуальное, открывают возможность для лжи и обмана.

Психологами доказывается амбивалентный характер воздействия цифровых технологий и искусственного интеллекта на психику человека. Педагогами выявлена проблема неготовности к переобучению для использования новых технологий. В цифровом мире социальной проблемой, требующей «акцентуированного» внимания, становится агрессия и имманентное ей насилие. Выявлена положительная корреляция между степенью агрессивности и объемом и скоростью переработки и искажения информации, что влечет появление искаженного образа или

картины мира¹. Социальные и личностные проблемы цифрового мира (отчуждение, одиночество, утрата биофилии, празднество, утрата здоровья, киберзаболевание) инициируются, порождаются, усиливаются таким инструментом как виртуальные коммуникации.

Как известно коммуникация вместе с творчеством, искусством, образованием, культурой является модальностью социального бытия, определяющим способом существования человека. Однако в наступившую эпоху цифрового риска изменилась сущность коммуникации, её формы и механизмы. Вместе с транзитом из фактической реальности в цифровую, симуляционную реальность, появились риски утраты подлинного межличностного общения, дружеских отношений и в целом традиционно «опредмеченных» социальных и личностных отношений. Такие характерные составляющие интернет-коммуникации как квазисвобода в отсутствии авторитетов, обезличенность, анонимность, доверительная открытость, доступность редуцируют коммуникационный этос к кочевническому и утилитаристскому стилю, стирают границы между нормой и девиацией во взаимоотношениях людей.

Говоря о современных высоких технологиях цифрового общества риска, соединяющих людей через виртуальную реальность в единую сеть, и считая, что в коммуникации совпадает антропологическое, социальное и когнитивное «конституирование», важно не забывать об онтологии виртуальной коммуникации. Сошлемся на доводы отечественного мыслителя Ф.И. Гиренка. Всякая реальность состоит из наличного и возможного. Виртуальную реальность Ф.И. Гиренок видит как реальность без наличного. Отсутствие наличного или его пустующее место заполняется возможным. По определению, возможное есть будущее наличное в перспективе бесконечности. Достичь возможного можно лишь силой невозможного. Невозможное нельзя реализовать, достичь фактического, но можно актуализировать. Посредством воображения создаются объекты актуализации. Их важно

¹ Лисенкова А.А. Философия агрессии в цифровую эпоху // Философские науки. 2017. № 6. С. 137–147.

заставить существовать вне актуализации. Получается, что у возможного пустующее место наличного заполняется посредством симуляции.

Ф.И. Гиренок разъясняет: «Так появляется симулятивное расширение культуры, в результате которого на месте наличного появляются симулякры. Симулякр – это наличное без локализации в пространстве. Во всех этих случаях виртуализация реальности означает две вещи. Первое: она обеспечивает расширение реальности либо за счет симуляции невозможного, либо за счет имитации реального. Второе: она сдвигает ум от принципов внешней реальности к принципам внутренней реальности. Тем самым ум оказывается гораздо ближе к безумию, чем это допускает принцип наблюдения за реальностью. Поскольку имитация не выходит за пределы реальности, постольку она является проблемой искусственного, проблемой техники. Симулякр – это не образ без подобия. Для того, чтобы был образ, нужно, чтобы был не оригинал, не предмет, а нужна, по словам Канта, трансцендентальная схема. Образ, у которого нет трансцендентальной схемы, это не образ. Это имидж, симулякр, то есть копия, которой не предшествует оригинал»¹.

Кроме появления «акта» имитации реального при его виртуализации и риска «восхождения к безумию» можно сослаться на антропологическую опасность разрыва модальности «Я-Другой» в коммуникативном пространстве, тем более виртуальном. Уже сама по себе реальная коммуникация допускает противостояние между самостью и Другим, когда при несамодостаточности «Я» не происходит встреча с самим собой и своей пустотой, тогда «Я» ищет смысл как универсальное самоосмысление (Гуссерль) не внутри себя, а смысл, исходящий от Другого. Если монолог всегда осмыслен, как обращенность к себе, то коммуникация как состояние «быть вместе» теряет осмысленность.

Виртуальная коммуникация основана на еще большем смещении субъектности в сторону Другого, то есть чьего-то порядка мыслей и действий. В виртуализированном бытии, построенном на иллюзиях, галлюцинациях, мнимости, об-

¹ Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. С. 91.

мене пустыми знаками просматривается лишь скудный остаток человеческого существования и человека как существа самоценного: «бытие которого само по себе есть цель, он есть сущее для себя; остальное все – его обслуживающее»¹.

Если разделять одно из «респектабельных» определений виртуальной коммуникации как: «форму общения между людьми, осуществляемую посредством информационных технологий на удаленных расстояниях, особенностями которой являются: глобальный характер, самоорганизующаяся сетевая форма, спонтанно формируемый разнородный контент, одновременное участие множества субъектов общения, безличность, возможность анонимного взаимодействия, сосуществование реальных межличностных связей и искусственных симулякральных (номинальных) отношений»², то просматриваются ряд наличных социально-антропологических и психологических проблем, инициируемых этим социальным феноменом. Среди них – отчуждение, одиночество, праздность, утрата биофилии, утрата здоровья, киберзаболевание.

Начнем с явления отчуждения, которое сопровождает человеческую жизнь с «эпохи производства и потребления». Оно имеет эволюционное значение, онтологически укоренено защитными силами сознания человека делить мир на «своих» и «чужих». Социальным реалиям как и социокультурной реальности имманентен закон или правило «быть собой – значит не быть другим».

Самотождественность социума (его единиц) или культуры отталкивается от других социалий или культур. Интенсивность оппозиции «свои-чужие» показывает самотождественность социума или культуры³. В цифровую эпоху с помощью механизмов виртуальной коммуникации усиливаются интеграционные процессы в глобальный социум. Наблюдается дивергенция или расхождение всех людей в поиске «своих» и по установкам недоверительности к «чужим».

¹ Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации. М.: Левъ, 2013. С. 206.

² Баева Л.В. Виртуальная коммуникация: особенности и этические принципы // Философские науки. 2015. № 10. С. 97.

³ Шипилов А.В. «Свои» и «чужие» в динамике: Пример Рима // Человек. 2017. № 3. С. 77–91.

Такая демаркационная практика порождает «массы отчужденных людей», разобщенность общества, радикалистские и фундаменталистские настроения становятся его дериватом. Почему? Потому что в океане сообщений противоречивая, провокационная информация служит поводом для взращивания невротизма и невротического дискурса, которые делят всех на «своих» и «чужих». При этом диалоговая коммуникация с её проекцией на снятие всякого логоцентризма как альтернативная точка зрения исключается из пространства публичности.

Отчужденность сегодня – это социальная болезнь, инициированная дисгармонией социального и личностного начал в человеке и ускоренная новейшими информационными и психотехническими технологиями. Манипуляции сознанием человека через поток противоречивой, алогичной информации искажают или даже подрывают диалектическую связь самоидентичности, персональной идентичности и социальных идентификаций. Доминирование социальных идентификаций влечет подавление самоидентичности, растворение личностного ядра – самости, автономии, аутентичности, суверенности и, как следствие, порождает социальный аутизм.

Отчуждение – философская категория, указывающая на общественный процесс, где происходит превращение результатов, продуктов деятельности в независимую (самостоятельную) силу, становящуюся выше самого человека как творца и подавляющую его. Г. Гегель в корне отчуждения усматривал отчуждающую деятельность сущность личности. Например, раб – это тот, у кого вся деятельность отчуждена в пользу господина.

Согласно К. Марксу, который анализировал отчуждение как феномен социально-экономической реальности, оно возникает, когда предмет, производимый трудом рабочего, «противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя»¹. В капиталистической формации рабочий рукотворно создает то, что он не может контролировать, то, что отнимает все его вре-

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академ. проект, 2010. С. 324.

мя, поглощает всю его жизненную энергию. К. Маркс рассматривал отчуждение как присвоение частью людей сил, средств, результатов деятельности, принадлежавших другой части людей. Отчуждение – это общественные отношения как отношения собственности.

В XX веке происходит машинизированное растрачивание человеческих ресурсов. М. Хайдеггер отчужденность считал мировой судьбой, поскольку человек познается и существует как господин сущего, а не как «пастырь бытия». В создаваемом человеком мире сам человек становится менее действительным, происходит растворение человека в мире.

В XXI в. в проблеме отчуждения актуализируется вопрос о безудержном растрачивании «технологизированных» человеческих и природных ресурсов. Ориентированные на качество жизни виды и формы производства, социальной организации инициировали значение личностного бытия, самореализации и развития людей. Концепция отчуждения указывает на гуманность развития человека.

Сегодня в социальной философии под отчуждением понимается объективный социальный процесс превращения самой человеческой деятельности и её продуктов в автономную и враждебную силу, которая подавляет человека. Многомерный и амбивалентный, объективный (опредмечивание результатов социального производства) и субъективный феномен отчуждения: «воплощает беспреостанное установление пределов индивидуального развития, вызывает деградацию личности»¹. Виртуальная коммуникация активно влияет на субъективную составляющую отчуждения, которая предстает как личностное одиночество, тоска, отчаяние, недоверие, подозрение, анемия, апатия и т.п.²

Особенности субъективации отчуждения в условиях цифровизации, электронной культуры, виртуализации коммуникации определяются антиномичностью свободы и несвободы, глобальной коммуникации и одиночества, вовлеченности и эскапизма, сетевой объективации и предельного самовыражения. Так ха-

¹ Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации. М.: Левъ, 2013. С. 149.

² Ильин В.В. Философия: учебник. М.: Москва: Проспект, 2019. С. 149.

рактирует исследователь цифровой культуры Л.В. Баева особенности бытия человека в пространстве электронной культуры, связанные с проявлениями информационной открытости и закрытости, виртуализации отношений с Другими, смещением восприятия реальности, времени, тела в условиях пространственной и темпоральной гетеротопии и электронной культуры мира.

Подчеркивая симулятивность виртуальных коммуникаций, Л.В. Баева утверждает, что «...в условиях электронного бытия человек оказался в большей степени, чем раньше сосредоточен на собственном Я, поглощен своими переживаниями и ощущениями, воплощенными в цифровых медиа и текстовых формах. Это связано с целью создания образа цифрового своего Я и привлечения внимания других и таким образом трансценденции в мире виртуального взаимодействия. Электронное бытие создает условия для рефлексии и обмена смыслами, для преодоления границ пространства, времени и телесности, но эта свобода и возможности главным образом применяются утилитарно»¹. Такая рефлексия пересекается с пророческими высказываниями М. Хайдеггера по поводу наступления информационной эпохи, утраты сущности человека как понимания бытия, потери в связи с этим многих экзистенциальных характеристик человека. По словам философа за технологиями и исчислением стоит следующее: «...как трудно сегодня позволить говорить самим феноменам, а не гоняться за информацией, особенностью которой как раз и является коренное болкирование доступа к *forma*, к образу (*Gestalt*), к тому, что свойственно бытию сущего. Информация делает взгляд неспособным видеть *forma*»².

Можно утверждать, что симптомы отчуждения в цифровом мире демонстрируют экспансию как внешней, так и внутренней картины этой социальной болезни. Внешняя картина выглядит как нарастающее противоречие живого труда и автоматизированного, робототизированного, программированного производства, что инициирует такие проблемы как нечеловекомерное насилие (принужде-

¹ Баева Л.В. Теория экзистенциалов М. Хайдеггера и М. Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 31.

² Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. С 102.

ние), безработица, проблема свободного времени, праздность, гедонизм и т.д. Здесь появляется рефлексия о том, что в мире отчужденного труда основная работа перестает быть источником смысла, а бессмысленность собственного существования влечет «психопатологию праздности» и «отчуждение досуга»¹.

Отчужденность как внутреннее чувство, сопровождающееся ощущением чуждости и враждебности мира, в первую очередь, подавляет творческую интенцию и самореализацию натурального или «естественного» человека. В виртуальной коммуникации традиционный стиль (или жанр) общения «Я–Другой» заменяется на иную их «позицию-диспозицию». Онтология взаимосвязи характеризуется непрерывностью виртуального диалога или скорее монолога, так как субъект-субъектные отношения строятся как доминирование «Я» с релевантной самопрезентацией, например, через «селфи»². Здесь же появляется новая конфигурация самоидентичности и социальных идентификаций. На примере сетевой идентичности, о которой пойдет речь во второй главе, мы объясним особенности взаимосвязи «Я» и «не-Я» в сетевом обществе. Органическим следствием проблемы отчуждения является появление проблемы одиночества³.

Тотальная цифровизация, искажающая и редуцирующая многомерную сущность социального бытия до количественных характеристик, до цифры, до информации, увеличивает сложность, неопределенность, непредсказуемость, противоречивость реалий жизни. Вызовы цифрового мира влекут многочисленные напряжения для современного человека. Появился такой новый тренд в социальной жизни как выстраивание адаптивных способов самозащиты от рисков социальной и технологической экспансии по отношению к личному жизненному пространству.

¹ Вахштайн В., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг. Дискуссия. // Логос. 2019. № 1. С. 1–26.

² Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.

³ Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.; Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. М.: Джангар, 2012. 864 с.; Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 752 с.; Кузнецов В.Г. Словарь философских терминов М.: ИНФРА-М, 2005. 745 с.; Фишер Д.Ф., Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2006. 1096 с.

Выбор способов самозащиты зависит от влечения и желания войти в состояние гомеостаза, определенности, от личностного самоопределения и конституирования, социального и личного опыта решения нелинейных задач и проблем. Одиночество – один из вариантов саморегуляции и адаптации внутреннего мира человека. Одиночество многообразно в своем содержании и феноменальном выражении. Социально-философский дискурс распознает одиночество как феномен антропологического, социально-личностного, экзистенциального уровней анализа.

В социально-философском измерении социальный и личностный феномен одиночества эксплицируется в проблематике отчуждения, в его субъективном значении. Субъективной производной отчуждения является ряд релевантных личностных состояний: одиночество, отчаяние, недоверие, подозрение, анемия, апатия и т.п. Великий поэт Иосиф Бродский выразил «проницаемость» феномена одиночества для постижения эссенциальности мира: «Одиночество учит сути вещей, ибо суть их тоже одиночество»¹. О метафизическом одиночестве, как об антропологическом артефакте, размышляли С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр.

Например, в философско-экзистенциальной оптике С. Кьеркегор продолжает развивать христианскую идею духовного человека, духовной возвышенности человека, как «постороннего» в обществе. Одиночество – закрытый и замкнутый мир самосознания, открываемый только для Бога. Бог – единственный возможный собеседник затерянного в мире человека².

Онтопсихологическая фундаментальность одиночества была раскрыта в философии экзистенциализма у С. Кьеркегора. Такие экзистенциалы как «страх», «трепет», «смерть» задают бытийность одиночества, когда наше «Я» фундируется личностностью, самостью, аутентичностью, свободой воли, автономией³.

¹ Бродский И. Колыбель Трескового мыса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.askbooka.ru/stihi/iosif-brodskiy/kolybelnaya-treskovogo-mysa.html> (дата обращения: 24.12.2019).

² Кьеркегор С. Несчастнейший [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kxerkegor_s/text_0030.shtml (дата обращения: 03.12.2019).

³ Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 115–254.

Следует согласиться с философом в том, что одиночество – атрибутивный признак социального и личностного бытия. Поскольку оно позволяет вернуться человеку к самому себе, возвращает целостность и аутентичность, служит определению границ индивидуального, личностного и социального «Я». Ценность феномена одиночества в том, что оно служит индикатором по переживанию несостоятельности полноты взаимопонимания с самим собой и с Другим.

Способом реализации одиночества является коммуникация, общение. Только через диалоговое общение, как доказывают многочисленные философские, культурологические, социогуманитарные исследования, есть возможность встречи с Другим как «Ты»¹. Диалог инициирует, согласно М. Буберу, подлинность такой встречи: «Ты встречаешь меня через благодать»². Невозможность по ряду причин контакта с Другим и через него с самим собой влечет коммуникативный разрыв. Его результатом предстает психотравма, как форма невозможности реализации своей биосоциальной природы³.

Действительно междисциплинарные, социологические и психологические исследования раскрывают болезненную суть одиночества как деструктивного переживания, как чувства покинутости, заброшенности, деприватности. Такой ракурс одиночества рассматривает А.А. Грицанова⁴. Социальные психологи подтверждают, что пользователи социальных сетей имеют возможность сравнивать себя, свои способности, амбиции с другими людьми в других, расширенных масштабах. Сравнение возможно по физическим, психологическим социальным параметрам. Это обстоятельство влечет больше оснований для депривации, одиночества, а также несправедливости. Кроме того, происходит десинсибилизация,

¹ Тихонов Г.М. Феномен одиночества: теоретические и эмпирические аспекты: дисс. ...д-ра филос.наук. Ижевск, 2006. 356 с.

² Бубер М. Я и Ты. М.: Изд-во Высшая школа, 1993. С. 10.

³ Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 638 с.

⁴ Грицанов А.А. Одиночество // Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 1999. С. 485.

порождающая повышенную тревожность и фобии, снижается чувствительность к чужому мнению. Эти изменения могут сказываться на развитии личности¹.

Цифровое, сетевое общество представляют собой продукт трансформации современного глобального мира от общественных отношений к социальным. Если, согласно социально-философскому дискурсу, понятие «общества» отражает всю полноту человеческой со-бытия, совместности, то концепт «социум» регистрирует в своем содержании следующее: «нестабильные общественные отношения, переходные состояния, неполные связи. Понятие социума служит обозначением неупорядоченной, неорганизованной и неиерархизированной совокупности социальных структур. Социум – не целостность, а некий конгломерат, диффузное образование, интересное именно своими социальными руинами (или «осадками», как их называет Б. Вальденфельд). Превращаясь в социум, общество утрачивает центрацию и обретает мозаичность»².

Путь к одиночеству в цифровом пространстве провоцируется его негативными последствиями. Как представляется социальным философам, отчуждение – это та категория, которая описывает: «парадоксальность человеческого бытия, процессы и ситуации, в которых человек становится чужд своей собственной деятельности, её условиям, средствам, результатам и самому себе»³. Проблема отчуждения эволюционирует. Отчуждение имеет различные социально-исторические формы.

В цифровом обществе – это праздность, свободное время, досуг. Образы праздности, досугового, свободного времени используются сегодня, чтобы создать видимость или профанировать преодоление отчужденного труда. Это дает возможность дальнейшей, более эффективной эксплуатации работника, который занят непрерывной «самореализацией». Праздность, досуг, свободное время фе-

¹ Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.

² Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2009. С. 96.

³ Кемеров В.Е. Отчуждение // Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М: Академический Проект, 2003. С. 293.

тишируются и становятся способом продуктивного использования всех жизненных сил человека на основе различных сценариев мнимого наслаждения досугом.

Одна из целей внедрения цифровых технологий, робототизации, автоматизации – рост потребительской «корзины», достижение материального изобилия. Однако такая миссия в своей «линейной логике» не может привести цифровое общество к некоему идеальному состоянию, поэтому надо опасаться идеализировать такое общество.

Мы согласны с тем, что не следует идеализировать общество, в котором благодаря автоматизации и роботизации производства достигнуто состояние изобилия материальных благ. Почему? Ответ на этот вопрос лежит в проблеме праздности, которая сопряжена с досугом (свободным временем) и идеей творческой самореализации личности. Остается открытой дискуссионной проблемой, станет ли человек заложником праздности, будут ли все освобожденные от труда заниматься творческой деятельностью.

Пока не стоит идеализировать будущее человечества, где наступит эпоха социальной гармонии, жизнь без отчуждения, без социально-политических взрывов и катастроф, без противоречий и насилия.

Почему? Потому что цифровизация, взятая в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом измерениях не может разрешить фундаментальные проблемы человеческой жизни, социального и личностного бытия, экзистенциального существования. Проект «цифровизации» имеет лишь прикладное значение: с одной стороны, он облегчает человеческое существование в плане использования технологий для обеспечения «комфортности» и «безопасности» в наше время, а с другой стороны – усугубляет решение «вечных» множества проблем, с релевантными рисками. Например, из области нравственного и совершенного. Никакое общество до настоящего времени не искоренило пороки и грехи человеческой природы – гордыню, зависть, тщеславие, чревоугодие, ложь, агрессию, насилие.

Наоборот, с помощью сетевого мира, цифровых коммуникаций «тлетворность» так называемого «безобразного» возросла в разы.

Игра случайностей, о которой писал А. Эйнштейн, стала рефлексироваться в современном мире, как признание безудержного роста несчастных случаев в результате как случайных факторов, так и неправильно принятых решений по вине самих людей. Надеяться, что человек будет заниматься творческой самореализацией в будущем робототизированном мире, значит – потерять чувство реалистичности и верить в очередную утопию, что «творчество само по себе может приводить к сильнейшему отчуждению и несчастью, что сам процесс самореализации, становления личности через творчество, чреват многочисленными противоречиями, могущими иметь существенные социальные последствия»¹. И праздность и творчество, где человек максимальным образом реализует свою сущность, могут стать причиной новых форм отчуждения².

Праздность (досуговое время) – феномен, социально-личностная проблема, которая трансформируется и обостряется в цифровую эпоху. «Праздность – корень всему злу», – как утверждал А.В. Суворов. «Освобождение себя от труда есть преступление», – заявляет Л.Н. Толстой. «Нет ничего более невыносимого, чем безделье», – считает Ч. Дарвин. «Самые выдающиеся дарования губятся праздностью», – заключает М. Монтень и т.д. Такие разные коннотации праздности указывают исключительно на её негативность для человека.

Разработка традиционной или классической версии изучения праздного класса восходит к теории праздного класса Т. Веблена³ в конце XIX в. Предпосылкой формирования праздного класса, сословия американского общества 1890-х годов социолог полагает институт частной собственности, как прообраз ранней варварской культуры – завистническое соперничество и демонстративный уход от производительной деятельности. Он концептуализирует праздный класс по таким критериям, как: наличие избыточного свободного времени, определенные ти-

¹ Давыдов Д.А. Личность, свобода творчества и отчуждение // Человек. 2019. Т. 30. № 1. С. 48.

² Там же. С. 45–65.

³ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 366 с.

пы досуга, демонстративное потребление продукта производительного труда, социально-экономическая состоятельность, следование нормам и стереотипам «престижного» образа жизни. Он выделил признаки общества потребления, где степень или уровень благосостояния членов социальной группы соотносится с заданной стратегией поведения. Так, социально-экономическому поведению класса собственников соответствовало потребление результатов материального труда, что считалось нормой благопристойности. Высший состав общества потребления должен был избегать нерепутационных занятий. Например, недостойной признавалась любая деятельность, в которой увеличение достатка осуществлялось через производительный труд. Высокий уровень престижного потребления свидетельствовал о высоком социальном статусе и приверженности ценностям собственной культуры. Поведение праздного класса имело мотивационное или «генеалогическое» объяснение и определяло тип социальных привычек. Особость логики становления праздного класса в том, что ему предписывались стратегии поведения к потреблению результатов труда.

Сегодня в социологическом дискурсе вебленовская концепция праздности вытесняется новыми представлениями о формах праздной культуры – шопинг, музыкальные и другие фестивали и т.п.¹ В социальных науках отказ от традиционного понимания праздности и признание новых форм праздного времяпрепровождения, как утверждает Н. Лебедева, вызваны тремя экзогенными факторами: «преобразование темпоральной структуры работы и отдыха в результате масштабного распространения цифровых технологий; размывание границ между рабочей и досуговой зонами; трансформация ресурсов хозяйственных взаимодействий и системы конвертации различных типов капиталов на рынке тру-

¹ Арора П. Фабрика досуга: производство в цифровой век // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 88–119; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.; Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 387 с.; Timothy J.D. Shopping tourism, retailing and leisure. N. Y: Channel View Publications, 2005. 232 p.; Mohr L.K. Dancing through transformational music festivals: playing with leisure and art. Edmonton: University of Alberta, 2017. 134 p.; Маяцкий М. Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 72–87; Новак М.В. Праздные субкультуры общества потребления // Наука. Искусство. Культура. 2016. Т. 11. № 3. С. 116

да»¹. Речь идет о том, что цифровыми, технологическими формами взаимодействия сегодня опосредованы новые версии или модели трудовых отношений, что позволяет регулировать требования к производственному процессу руководством компаний, или их клиентами, или работниками. Эти модели амбивалентны в том, что предстают как новые перспективы развития бизнеса, и как ограничения, касающиеся образа жизни сотрудников, включая способы распределения и использования свободного времени.

Сегодня известно, что в некоторых крупных бизнес-холдингах традиционный режим работы был замещен принципом «24/7», или новыми требованиями к доступности сотрудников вдали от местоположения фирмы и дистанционному выполнению должностных обязанностей². Как считает Н. Лебедева, размывание временных границ труда и отдыха стало причиной этого процесса³.

В итоге, в социальных науках стали акцентировать внимание не на построении неклассической теории праздного класса, не на критериях принадлежности к праздному классу, а на компонентах или составляющих современного образа жизни, заточенного на цифровые технологии, включая праздность, досуг, свободное время.

Логическая и содержательная соотнесенность праздности, досуга, свободного времени – вопрос дискуссионный. В свободном диалоге двух ученых В. Вахштайна и М. Маяцкого они различаются как следующая проблематика: «В чем разница между праздностью и досугом? Как они соотносятся друг с другом с точки зрения «разрешенности» и социального одобрения? Каковы их темпоральные характеристики? Являются ли темпоральные параметры фактором принуждения и как они меняются с «концом гудка», с возвращением в тип социального времени, характеризующийся интенсивным взаимопроникновением ра-

¹ Лебедева Н. Почему выдохлась критика праздного класса? Реалии фактические и дискуссионные // Логос. 2019. № 1. С. 27.

² Susca M.A. Why we still fight: adolescents, America's army and the government-gaming nexus // Global Media Journal. 2012. Vol. 20. № 12. P. 1–16.

³ Лебедева Н. Почему выдохлась критика праздного класса? Реалии фактические и дискуссионные // Логос. 2019. № 1. С. 29.

бочего и свободного времени? Каково темпоральное принуждение в режиме *forced leisure*, который завтра станет острой проблемой? Какие типы индивидуального и коллективного наполнения свободного времени одобряются обществом? Как будет происходить «рефрейминг» досуга в «новую занятость»? Вероятны дальнейшие сдвиги во взаимоотноительном статусе досуга и труда, в их конкуренции как «поставщиков смысла»¹.

При растущей важности выбора досуга (более свободного, чем выбор работы) какими будут новые формы принуждения/отчуждения, а также темпоральность этого выбора (совмещение многих видов, быстрое их чередование)? Возможно, логика габитусов, как присущая индустриальному модерну, сменится иной, более гибкой и «всеядной»².

Так, согласовывает эти концепты В. Вахштайн: «Праздность – это недеятельность, не апроприированная другими. Досуг же – это уже занятая незанятость, освоенная, скажем коротко, «индустриями досуга». «Индустрия праздности» – выражение невозможное. Нет ли здесь проблемы? Думаю, есть. Тенденция делать досуг производительным столь выражена, столь инвестирована индустриями, что самим индивидом праздность воспринимается как нехватка, и он спешит обменять ее на тот или иной досуг»³.

Таким образом, краткая зарисовка проблемы праздности в цифровом обществе риска демонстрирует её онтологическую, содержательную неоднозначность, гносеологическую многомерность, множественность коннотирования, методологическую открытость. Проблема праздности далека от своей концептуализации.

От отчуждения, праздности, (досуга, свободного времени) логика потери себя как человека в цифровом мире ведет через общество потребления к гедонизму. Гедонизм как социальный и личностный феномен имеет свою историческую версию, социокультурный контекст, психологическую причиненность. Сегодня

¹ Вахштайн В. Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг // Логос. 2019. № 1. С. 1–26.

² Там же. С. 1–26.

³ Вахштайн В. Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг // Логос. 2019. № 1. С. 1–26.

фигура гедониста также заявляет себя как расстройство желаний или невозможность реализации желаемого, влекущее общее состояние неудовлетворенности, как экзистенциальное чувство неостребованности. В онтологическом плане явление гедонизма, как культивирование удовольствий, включая наслаждение жизнью в призме ориентированности на себя, интенциональная заточенность на максимальный комфорт, нарушает закон «вечно сущего» – принцип мерной напряженности.

Онтологический ряд доказательств разрушительных последствий гедонизма находим в новейших исследованиях. Кризис идентичности порождает свои уродливые формы. Клинические психологи В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов рассматривают гедонизм как патологическую форму конфигуративной идентичности, где социальные идентификации подавляют самоидентичность человека. Учитывая, что самоидентичность есть фрагмент самости, автономии, личностного статуса человека, то её «недостаточность» или несостоятельность говорит как бы о подростковом возрасте человека, который еще недостаточно «вменяем» в плане принятия на себя ответственности, или свидетельствует о расстройстве или патологии его социализации. В случае конфигуративной идентичности человек лишается волевой или произвольной регуляции и отказа от сиюминутных удовольствий ради достижения перспективных целей¹.

В этическом плане гедонист подвержен искушению чрезмерности. Аксиологический срез гедонизма был дан Сократом². Он соотносит этические парные категории «добра и зла» и «удовольствие и страдание». Допущение отождествление блага с удовольствием, а зла со страданием, как парадигма гедонизма, в качестве следствия полагает, что люди-гедонисты признаются хорошими, а страдаль-

¹ Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 119.

² Серёгин А.В. Два аргумента против гедонизма в платоновском «Горгии» // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 1. С. 51–67.

цы – плохими. Признавая «порочность» гедонизма, Сократ, по мнению современных мыслителей, использует некорректную аргументацию¹.

В начале XXI в. общество потребления процветает, и гедонизм «набирает свои обороты» за счет новейших цифровых технологий. Наблюдается патологическое стремление к наслаждениям, что подтверждается выбором ценностей, ориентированных на бесконечное потребление². Расцветает гедонистическая мораль, где удовольствие – высшее благо. «Сущее и должное» совпадают как максимизация эгоцентризма и нарцисстических установок. Гедонистическая персонализация подавляет нормы социализованности, традиционные консервативные ценности общего блага, патриотизма, гражданственности, семейственности и т.д. Личностное бытие гедонизма обнаруживает себя как себя как подделка, фальшивка, имитация и т.д.

Здоровая критика гедонизма требует своего внимания и на оправдательные аргументы гедонизма в контексте психологии человека и личности³. Например, у известного отечественного математика и психолога В.А. Петровского достижение субъективного благополучия – это поведенческая цель гедониста. Под субъективным благополучием понимается «...итоговое состояние эмоционального комфорта в результате актуализации чувства контроля над собой и предвкушения удовольствия. В предлагаемой модели – таков результат импликации: Субъективное благополучие = Влечение Предвосхищение = (1 Влечение) + Влечение Предвосхищение = Самоконтроль + Предвкушение»⁴.

¹ Серёгин А.В. Два аргумента против гедонизма в платоновском «Горгии» // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 1. С. 66.

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М: Логос, 2005. 390 с.; Бодрийяр Ж. Соблазн. М: AD Marginem, 2000. 319 с.; Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. 448 с.; Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

³ Taquet M., Quoidbach J., de Montjoye, Y-A., Desseilles M., Gross J.J. Hedonism and the choice of everyday activities // Proceedings of the National Academy of Sciences [Electronic resource]. URL: <http://www.pnas.org/content/113/35/9769> (accessed: 12.12.2019).

⁴ Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1. С. 88.

Субъективное благополучие – это самый высокий уровень удовлетворенности жизнью¹. Такое утверждение разделяют ряд психологов, которые под благополучием понимают позитивные чувства, позитивные эмоции, положительные черты характера, позитивную оценку жизненного контекста, что приравнивается к феномену счастья. Если продолжить эту последовательность, то возникает эффект психологического самоутверждения, как принятия себя, как личностного роста, конструктивных отношений с другими, автономии и личностного контроля над окружающей средой.

Для критического осмысления гедонизма с его негативными и положительными коннотациями важно обратиться к его сопоставлению с эвдемонизмом. О гедонизме, где наслаждение и удовольствие признается высшим благом и целью жизни, размышляли Аристипп, Эпикур, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.

Так, отец гедонизма Аристипп противопоставлял наслаждение (как физическое наслаждение) и боль. Концептуально гедонизм упирался в явление «субъективное благополучие». Оно подразумевает зависимость субъективного благополучия от эмоционального состояния человека².

Благополучие жизни – это самоценность в оптике гедонистического подхода. Повседневная, обыденная жизнь обладает возможностью удовлетворять насущные потребности человека, радоваться жизни, наслаждаться её благами, поэтому она приоритетна перед высшими смыслами. К источникам наслаждения относятся секс, чревоугодие (употребление пищи), алкоголь, признание, стремление к саморазвитию, друзья, семья и т.д.

Гедонизм во множественных проекциях сопряжен с завистью. Состояние зависти свидетельствует об общей неудовлетворенности, о невозможности реализации желаемого, об интроверсии желаний человека. Фигура гедониста – состояние неудовлетворенности и проекция на искушение чрезмерностью. Гедонизм и зависть, как состояния неудовлетворенности, порождены такими причинами, как

¹ Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006. С. 337.

² Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. № 95. P. 542–575.

нарушение баланса процессов индивидуализации и социализации в становлении личности, что влечет в социальных и межличностных отношениях потерю доверия, как символа коммуникативных взаимодействий с Другим.

В цифровом обществе риска, поддерживающем и ускоряющем гедонистические настроения и ожидания людей, в том числе с помощью медиа-технологий и потребительски-гедонистически ориентированной рекламой, разрушительная миссия этой социальной и личностной болезни, в первую очередь, опасна для молодежи¹.

Малая часть приведенных аргументов о множющихся коммуникационных социогуманитарных вызовах в цифровом мире даже «не намекает» на новый путь или технологию решения проблемы отчуждения, праздности, гедонизма. В этом мире не получается разрешить главные противоречия между существованием и сущностью, естественным и искусственным, человеком и природой, индивидом и родом, личностным и социальным, между свободой и принуждением

Кроме вышеназванных старых-новых социальных и личных проблем обращает на себя внимание факт утраты смысложизненной установки на биофилию, как модуса бытия в виртуальной коммуникации. Концепт «биофилия» восходит к работам Э. Фромма². В работе «Анатомия человеческой деструктивности» социальный психоаналитик задает такие границы биофилии: «Биофилия – это страстная любовь к жизни и ко всему живому; это желание способствовать развитию, росту и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа или отдельный человек. Человек с установкой на биофилию лучше сделает что-то новое, чем будет поддерживать или реставрировать старое. Он больше ориентирован на бытие, чем на обладание. С точки зрения восприятия окружающего ему важнее видеть целое, чем отдельные его части, его больше интересует совокупность, чем ее составляющие. Он стремится творить, формировать, конструировать и проявлять себя в жизни своим примером, умом и любовью

¹ Мамедова Э.М. Социальные фигуры зависти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Философия». 2016. № 3. С. 87–88.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Изд-во АСТ, 2004. 635 с.

(а отнюдь не силой, разрушительностью или бюрократизмом, который предполагает такое отношение к людям, словно это бесчувственные куклы или просто вещи). Он не «ловится» на приманку рекламы и не покупает «новинок» в пестрых упаковках, он любит саму жизнь во всех ее проявлениях, отличных от потребительства.

Этика биофила имеет свои собственные критерии добра и зла. Добро – это все то, что служит жизни; зло – все то, что служит смерти. Поклонение жизни – это хорошо, ибо это уважение ко всему тому, что способствует росту и развитию. Зло – это то, что душит жизнь, сужает, зажимает (и в конце концов раздирает в клочья)¹.

Биофилию Э. Фромм рассматривал как личностный уровень бытия человека, как такое свойство личности, которое ориентировано на любовь к живому и нацелено на созидание. Мировоззренческая веровательная установка биофила – это любовь или забота о жизни, которая иррелевантна насилию, ненависти, разрушению².

Последователи биофилии исповедуют все, что служит жизни как всеобщему, социальному, общественному, а не отдельному, каковой является личность, поэтому самосознание, «Я» несовместимо с тем, что характерно для «цифрового человека» – доминирование ценности «Я», экстремальный нарциссизм, эскапизм, номофобия, ксенофобия и др.³ Сегодня вместе с исследованиями выдающегося биолога-эволюциониста Э.О. Уилсона концепт «биофилия» наполняется новым содержанием. Биофилия – это основа человеческого существования. Идея биофилии звучит как идея любви к жизни и тяготения ко всему живому.

С позиций глубинной инвайроменталистской этики биофилия объясняется как «своеобразное и глубинное чувство сопричастности человека всему живому, практически неосознаваемые, но весьма властные пристрастия и предпочтения в

¹ Там же. С. 276.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 462.

³ Узланер Д. Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа // Логос. 2016. Т. 26. № 6. С. 212.

безусловных актах выбора между одушевленным и неодушевленным, живым и неживым, какое-то особое, внутреннее, трепетное благоговение перед жизнью»¹.

Как нам представляется, биофил, «по определению», не способен в иерархии ценностных интенций поставить на пьедестал ценность искусственного (цифровое, виртуальное, робототехническое и т.п.), а ступенью ниже значимость и необходимость естественного (жизнь, живое, либидо и т.п.). Укоренено это в то, что, согласно Г. Гегелю, называется понятием «качество»².

Носитель качества «живого», прописанный в мире по происхождению, сути и существованию как «гуманитарный», био-психо-духо-социальный человек не может абсурдно «быть» для самого себя. Жизнь биофила конституируется на позитивной идентичности, позитивной оценке жизненного контекста, что предстает неотъемлемой составляющей субъективного благополучия или удовлетворенности своим существованием. Поэтому в границах современных концептов о «здоровье» и «качестве жизни, связанного со здоровьем», биофилия всегда будет демонстрировать высокие показатели. Здесь также вспоминаются концепция ноосферы В.И. Вернадского³ и концепция «благоговение перед жизнью» А. Швейцера⁴.

Одной из причин множества заболеваний, как известно, является дезадаптация или организма, или органа, или функции в результате дисбаланса с окружающим миром. Опасности, риски вокруг организма сигнализируют о возможности болезни. Так, в наличном социальном мире масштаб киберугрозы в виде доступа к любой информации наносит вред, превышающий вред от угрозы убийств, пыток, похищения людей. Так, известно, что современный терроризм тотально использует информационные и психотехнологические возможности для своих насильственных целей по устройству нового мирового порядка.

¹ Уилсон Э.О. Биофилия: Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. С. 10.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 45.

³ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Т8RUGRAM, 2017. 576с.

⁴ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.

Киберугроза как явление приносит изменения и отражается на онтологической платформе жизни человека. Объяснение находим в том, что, что виртуальный и реальный миры нельзя отождествить, они не идентичны. Это иные, трансцендентные реальности. Возможности в этих реальностях также различны. В виртуальном мире стирается граница между реальным и нереальным, воображаемым. На человеческой психике это отражается в том, что теряется «ясность сознания», исходящая из дихотомии объекта и субъекта, из критерия вменяемости (ответственности), что служит индикатором всякого разумного, рационального планирования действий.

Подмена реального «Я» виртуальным инициирует разрушение целостности идентичности, включая самоидентичность, персональную идентичность и социальные идентификации. Стирание реального «Я» влечет подавление критической рефлексии, что, в свою очередь, ограничивает свободу человека. В качестве причин принятия виртуализации «Я» можно назвать как форсажный динамизм современной жизни, так и мгновенную пространственно-временную переориентацию в мире информации, переключение кодов восприятия, визуализации, поведения.

Следствием киберугрозы становится появление киберзаболевания. Киберзаболевание можно отнести к новейшему типу заболевания человека¹. Киберзаболевание сопоставляется с симуляторным расстройством или векцией. Возникает данный феномен при использовании компьютерных систем виртуальной или дополненной реальности. Теоретическое знание о киберзаболевании сравнивает его с «морской болезнью» или другим видом транспортного «укачивания».

¹ Авербух Н.В. Психологические аспекты феномена присутствия в виртуальной среде // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 105–113; Ковалев А.И., Меньшикова Г.Я., Климова О.А., Барабанщикова В.В. Содержание профессиональной деятельности как фактор успешности применения технологий виртуальной реальности // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 45–59; Федотов И.А., Кукушкин С.В., Доровская В.А., Антошкин Я.А. I-Disorders – новые виды психических расстройств, связанные с использованием современных информационных технологий // Омский психиатрический журнал. 2015. № 4 (6). С. 16–19.

Среди симптомов киберзаболевания выделяются зрительные, инициированные приближением экрана к органам зрения, а именно астиопия, т.е. зрительный дискомфорт или утомляемость глаз, размытое изображение, головные боли. Пространственные симптомы указывают на дезориентацию, проявленную как головокружение. Метаболические симптомы представлены как тошнота, рвота и сопутствующая общая слабость, боли в животе. Психические симптомы выражены как дереализация, нарушения сна, тревожные симптомы, панические атаки. Наблюдаются и такие признаки, как общий дискомфорт, трудности фокусировки зрения, повышенное слюно- и потоотделение, чувство тяжести в голове, нарушение сна, повышение напряженности.

В качестве объяснения выступают теория сенсорного конфликта, теория поструральной неустойчивости, токсинная (эволюционная) теория¹. Среди факторов, которые способствуют возникновению киберзаболеваний, выделяют объективные, (технические характеристики систем виртуальной реальности), так и субъективные (индивидуальные особенности пользователей систем, сложность и специфика выполняемых задач).

Требует особого размышления тот факт, что в качестве лечения киберзаболевания предлагается «как всегда» не «лечение причины заболевания, а её последствий (по аналогии с медициной). Вместо того чтобы оценить жизненную и биологическую «ценность» киберзависимости, в качестве способов лечения и защиты от киберзаболевания предлагаются некоторые технологические новшества. Например, оснастить автомобили системами дополненной реальности, которые вводили бы специальные маркеры дорожной обстановки, маршрута и разметки. Зачем? Чтобы усилить уверенность, и как следствие, активность водителя в предпринимаемых действиях². Или актуальным для пассажира беспилотного автомо-

¹ Смылова О.В., Войскунский А.Е. Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: феноменология и методы измерения // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 4. С. 85–94.

² Ефремов С.Б. Тип коммуникаций между водителем и автомобилем, основанный на дополненной реальности: новый тренд в построении интеллектуальных транспортных систем // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 1. С. 6–14.

бия становится пользование гаджетом, где часть экрана предлагается занять изображением автомобиля и его окружении с целью предотвращения укачивания.

В итоге, такие рискогенные социальные и личностные проблемы, как отчуждение, одиночество, празднество (свободное время, досуг), гедонизм, утрата биофилии, утрата здоровья и киберзаболевание, составляют перечень деструктивных последствий внедрения цифровых технологий в социальный мир, который становится нечеловекообразным.

ГЛАВА 2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Цифровой мир имеет свои плюсы и минусы, мифологии и иллюзии. В нем наш современник оказывается принудительно, произвольно и добровольно. Признавая важную роль цифровых технологий в личностном самоопределении, воспроизводстве и конституировании, в формировании новых форм сознания и поведенческих паттернов, новых модальностей личностного и социального бытия, нельзя предаваться иллюзиям и абсолютизировать их значение. Необходимо видеть проблемы, проявляющиеся в рискофобии и рискофилии, клиповом сознании и сетевой идентичности, ограничении автономии, свободы и ответственности, в преградах личностного саморазвития.

Определимся с основными концептами диссертационного исследования – человеческое конституирование и личностное самоопределение

Понятие «конституирование» коннотируется как определение (дефинирование), установление, формирование (форматирование), организация или как то, что инициирует и придает силу. В так называемой «конститутивной феноменологии» Э. Гуссерля «конституирование» дефинируется как специфическая активность сознания¹. Интенциональность и активность сознания означает, что сознание не пассивно или реактивно воспринимает внешнюю среду, предметы, а продуцирует и даже репродуцирует их из составляющих сознания. Этому дается разъяснение Т.Х. Керимова: «Поскольку феноменология строится на корреляции между предметами и их эквивалентами в сознании, это означает, что соответственно роду своей сущности каждая конституированная предметность коррелятивна той форме интенциональности, которая конституирует её. Реальность, предметность дается нам только в модусах сознания, следовательно, возникновение и оформление предмета в сознании происходит при условии корреляции

¹ Мотрошилова Н.В. Феноменология // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. С. 175–178; Шпет Г.Г. Явление и смысл (Феноменология как основная наука и ее проблемы). М.: Гермес, 1914. 219 с.

между предметами и формами интенциональности. Речь идет при этом не о том, что из себя представляет реальность, а о том, как эта реальность дается нам в сознании. Иными словами, конституирование продуцирует реальность лишь в той мере, в какой осмысляет способы оформления феноменов в сознании»¹.

Под личностным самоопределением в цифровом обществе риска понимается авторская позиция, самодетерминация, выбор и осознание своих смысло-жизненных приоритетов, целей и ценностей, исходящих из границ своей субъектности, утверждения себя как личности в условиях экспансии цифрового мира и технологического принуждения.

В онтологической проекции самоопределение личности указывает на авторство (авторитет, свобода, ответственность). Автор есть результат выраженной самости человека, «Я как Self, сам». Об авторстве пишут как о «...парадигмальной фигуре отнесения результатов той или иной (прежде всего творческой) деятельности с определенным (индивидуальным или коллективным) субъектом как агентом этой деятельности (гр. – autos)»². Функционал автора редуцируется к созиданию, творчеству, что порождает ценности.

В гносеологическом измерении самоопределение личности осуществляется как самопознание своих сущностных качеств, экзистенциальных переживаний, социальных ожиданий, границ публичного и частного, приватного, а также различения себя как особенного. Личность самоопределяется через субъектные качества и субъективную реальность, которые выстраивают отношение к социальному, общественному, как явлениям, идеям, формам социокультурной деятельности, к своим и чужим правам и обязанностям.

Всякая деятельность личности совпадает с её самоопределением. Например, духовно-нравственная призма деятельности указывает на ценностно-смысловые

¹ Керимов Т.Х. Конституирование // Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophydic.ru/konstituirovanie> (дата обращения: 07.05.2018).

² Можейко М.А. Автор // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. научн. ред и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, 2002. С. 12.

структуры сознания и самосознания личности, на способность различения «должного и сущего».

Самоопределение личности совпадает со знанием себя (как опытом). Рефлексия своей субъектности дает импульс стать личностью, быть «всецело для себя». «Лицо» человека достигает потенции самоопределения.

В логике конституирования личности самоопределение личности совпадает с ответственным поступком, когда человек умеет нести ответственность за то, что является им самим произведенным, сотворенным. Допущение в мир другого действующего субъекта лишает ответственность какого-либо основания¹.

Ответственность поступка, как видел М.М. Бахтин, есть «... ответственность единственности – меня и моего поступания, не позволяющая мне выступать продуктом пересечения множества отношений, правил, норм и ответственностей. Обязывает не содержание, а моя подпись: эта идея и есть воспроизведение аристократического, классический пример основ героического этоса»².

Идея самоопределения личности, кроме процесса самополагания, самовыражения собственной уникальности, исходит из сопряжения с Иным, социальным миром, обществом, что производит их синергию. Такая интерпретация самоопределения личности имеет свою историю.

Под личностным конституированием понимается способность сознания активно, волевым образом воссоздавать мир и формировать те личностные качества, которые позволяют сохранять личностный статус в условиях технологического воздействия и принуждения. Личностное воспроизводство нами коннотируется как развитие, рациональная самоорганизация, регулирование, социальное репродуцирование, хозяйствование, выживание личностного начала человека в условиях тотального наступления риска и технологического принуждения.

¹ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 105.

² Там же. С. 105.

2.1. Рискophobia и рискофилия как последствия технологического принуждения

Как известно, основное противоречие человеческого мира – это противостояние, противоположение, противоречие свободы и принуждения. Принуждение бывает внешним и внутренним. Внешнему принуждению противостоит внутренняя свобода, как оправданный выбор. Часто оправданный выбор обнаруживает себя как запоздалое прозрение. Со слов Н. Бора следует: если бы я знал, что выйдет из моих научных идей, я бы никогда не занимался физикой. Или физик Р. Оппенгеймер, создатель атомной бомбы, которого называют разрушителем миров, признавался, что после Хиросимы физики познали час X, и это сознание уже никогда не покинет их. «Жесткую» умозаключительную формулировку по данному сюжету дает писатель К. Воннегут: над чем бы ученые не работали, у них все равно получается оружие.

В цифровом обществе риска человек сталкивается с амбивалентной социальной реальностью. С одной стороны, он, как цифровой человек, вовлечен в масштабное технологическое, цифровое поглощение всех сфер социальной и личной жизни, с другой – его рефлексивное мышление указывает на проблемные зоны, разрушительные последствия, риски подавления естественного искусственным, чрезмерного влияния цифровых технологий, на сужение границы человеческого в его гуманитарном измерении, а также на риски симулятивного существования человека. Наличие таких социальных и личностных проблем как отчуждение, одиночество, праздность (свободное время), гедонизм, клиповое сознание личности, кризис идентичности, утрата биофилии, киберзаболевание, о которых мы писали в первой главе, указывают на тренд восхождения к новым рискам бытия, их принудительному и добровольному принятию. Личностное воспроизводство и конституирование в цифровом обществе риска становится проблематичным.

Цифровая эпоха ярко демонстрирует тренд жизнедеятельности современников в таких модальностях существования как рискофобии и рискофилии.¹ Новый

¹ Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной ано-

социальный тип человека риска, рискофоб или рискофил, обнаруживает себя в практиках избегания риска или добровольного принятия риска. Социокультурная детерминация рискофилов имеет «место быть», так как герои, вожди, лидеры и другие «избранные» преодолевают препятствия, вопреки наличным опасностям и рискам.

Рискофобии (как боязнь «побочных потерей» от «гипотетических» рисков) и рискофилии (как надежда, что предпринятый риск может принести желаемый результат) служат целям адаптации в условиях восхождения к угрозам, опасностям, рискам социального бытия. Как разъясняет С.А. Кравченко, «...рискофобия позволяет избегать социально деструктивных процессов, формирует негативное риск-восприятие, основанное на производстве страхов от опасностей для жизни и здоровья человека. Рискофилия стимулируется знанием, согласно которому риск допустим и желателен для творческой и инновационной деятельности, прорывов в новое и неизведанное. Добровольное принятие риска может способствовать восходящей социальной мобильности, карьерному росту, преодолению страхов, депрессий, комплексов, однако развитие получают и деструктивные практики, представляющие дисфункциональную деятельность и контркультуру. При становлении «мирового общества риска» (У. Бек) качественно меняются доминирующие риски, обретающие характер инсценированной реальности. Соответственно рискофобия и рискофилия стали социальными конструктами, а их «дисперсионные смыслы побуждают многих людей одновременно и к их избеганию, и к стремлению к ним»¹.

Сегодня невозможно просчитать в процентном отношении, чего больше присутствует в цифровом обществе риска – рискофобии или рискофилии. Однако выявить переменные или составляющие, указывающие на риск-факторы внедрения цифровых технологий в человеческое мировое хозяйство, детерминирующие

мии» // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 3.

¹ Там же. С. 3.

рискофобию или рискофилию в общественном или индивидуальном сознании возможно, что и составляет задачи нашего исследования.

Проиллюстрируем феномен рискофобии и/или рискофилии. Нейроинтерфейс, или «мозг-компьютер» – новейший продукт NBIC-технологий или цифровых технологии XXI века. Заметим, что все исследования нейронаук ставят своей конечной целью моделирование мозга человека. Нейроинтерфейс как система служит для обмена информацией между мозгом человека и электронным устройством. Технология позволяет взаимодействовать с внешним миром на основе регистрации электрической активности мозга с помощью электронэцефалограммы. В медицинских целях нейроинтерфейсы должны позволить реабилитировать человека с инсультом или получившим черепно-мозговую травму, восстанавливая память, речь, движение. В 2016 г. в университете Джона Хопкинса ученые разработали интерфейс, позволяющий управлять отдельными пальцами протеза руки. Илон Маск сегодня разрабатывает технологию крохотных чипов, которые будут имплантироваться в мозг с целью улучшения работы мозга людей, страдающих различными заболеваниями.

Очевидно, что такая миссия нейроинтерфейса – во благо конкретного человечества. Однако, критика данной технологии состоит в следующем. В онтологическом плане интерфейс не разрешает проблемы дуальности физического (физиологического, соматического) и психического, ментального, субъективной реальности. Остается та же фундаментальная научная и методологическая проблема «сознания и мозга». Такая технология является масштабным средством для несанкционированного вмешательства во внутреннюю жизнь человека и ставит вместе с другими информационными технологиями проблему переосмысления границ личного/социального внутреннего/внешнего, частного/публичного, приватного, тайного, уединенного. Вместе с другими технологическими программами по улучшению «качеств» человека, как справедливо считает В.Г. Горохов, такие программы в своей сути являются насильственным вмешательством во «внутренние дела» человека: «Даже если человек и согласен на такое вмешательство в

свой организм, он не в состоянии оценить меру тех непредвидимых последствий, которые могут привести к деструкции не только его организма, но и личности (при вмешательстве в нейрофизиологические процессы человеческого мозга). Этого, в сущности, не могут предвидеть и сами ученые»¹.

Вместе с потерей традиционной «Я-идентичности», в случае интерфейса будут подрываться личностные характерные черты человека, изменяться его адаптационное поведение, и как следствие – появляться чувства отчуждения и одиночества.

Внедрение электродов в мозг чревато такими последствиями, как: потеря безопасности существования в случае использования данных компьютера, нарушение прав личности, включая права на личностную свободу, автономию, частную жизнь. Возникает возможность для корпораций, хакеров, «власть-несущих» по эксплуатации и манипулированию людьми. В настоящее время не существует правовых и этических основ для таких приложений цифровых технологий.

Сегодня объявлено о переходе к четвертой (цифровой) революции (Экономический форум в Давосе). Её основой стало появление и развитие новых цифровых технологий, таких как: Искусственный интеллект, Машинное обучение, Роботехника, Блокчейн, Большие данные, Облачные вычисления, 3D-печать. Например, благодаря цифровым технологиям в экономике, в сфере реального производства стало возможным автоматическое создание расчетных денег вертикально-интегрированными производственными звеньями. Электронные деньги предстают как платежные средства для автономных хозяйственных систем. Через механизмы Блокчейна, выполняющих координирующую институциональную функцию, обеспечивается взаимный контроль над движением электронных денег, что гарантирует их целевое использование. Сеть Блокчейн заменяет собой традиционную рыночную сеть. Электронные деньги имплицитны структуре разделения труда. Блокчейн, как модель движения денег, независимая от коммерческих

¹ Горохов В.Г. Нанозтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 43.

банков, предстает и как система макрорегионального сетевого регулирования. Через механизм Блокчейна возможно насыщение экономики денежными или платежными средствами, а также открывается возможность для привлечения новых инструментов финансирования, инвестиций. Поэтому Блокчейн можно рассматривать как новую цифровую технологию, как необходимый инструмент нового цифрового уклада, в том числе системы монетарных институтов. Он позволяет обеспечивать взаимное соблюдение обязательств в инвестиционной и другой деятельности без поправок на экономические санкции.

Все перечисленные «плюсы» Блокчейн, как одного из цифровых «фетишей», сопровождают релевантные «минусы» или рискофобию. Четвертую (цифровую) революцию сопровождает появление прозрачных границ во взаимоотношениях человека, техники и технологий. Речь идет о том, что, перекладывая значительную часть своего функционала на технику с целью «подукрасить» обыденную жизнь, монотонную деятельность, человек добровольно оказывается заложником техники. Фетишизируя технику с технологией, человек выделяет им статус или помощника, или собеседника, или другого, подменяя натуральную, подлинную, живую поддержку на искусственную.

Одна из характерных черт цифровой революции или технологических реалий – это процесс растворения, поглощения человека технологиями, их слияние. Следствием этого онтологического «акта» предстает диффузия биологической (естественной) и технической, цифровой (искусственной) сторон человеческой жизнедеятельности. Рубикон проходит по реальному и виртуальному, возможному и невозможному. В качестве примера сошлемся на феномен игры. В реальной жизни игроки наделены физическими и ментальными репрезентациями, они имеют самоидентичность («Я») и социальные идентификации («Другой»), которые тоже реальны. Когда с помощью Искусственного интеллекта стало возможной симуляция игрока, и человека-игрока заменили на программу, то создалась особая реальность, где известный тест Тьюринга нашел свое воплощение. При замене реального игрока программой формируется иная структура коммуникации. Разница

между реальным человеком и его компьютерной симуляцией не воспринимается. При создании такой реальности меняется социально-психологическая и физическая «картина мира». Возникает когнитивный и ролевой диссонанс. Провоцируется шизоидизация сознания одновременно играть за двоих.

Здесь важно вспомнить об интуициях по виртуалистике в работах Н.А. Носова. Виртуально-информационные технологии фундированы в природную или естественную виртуальность человека, которую они усиливают, редактируя сознание. Чем меньше человек способен различить под воздействием виртуальных технологий реальное и виртуальное, тем больше он «обманывается рад». С помощью технологического виртуала провоцируется обман человека, что влечет релевантные моральные претензии.

В проекции рискофобии цифровой реальности дополним сказанное об опасностях смешения реального и виртуального появлением клипового сознания и сетевой идентичности.

Появление дополнительной реальности по отношению к наличной влечет оформление киберсущего как «микс», как смешение реального и виртуального, физического и цифрового. В виртуальном бытии происходит размывание, а затем и умаление самой субъективности человека как единственности, уникальности, неповторимости. Индивидуальная субъективность заменяется отформатированной общей коллективной субъектностью и идентичностью. Интеллект, как составляющая сознания и психической реальности, редуцируется до своей распределительной функции. Интегративное, опытное знание, единая база данных усекается до множества подзадач. Это нарушает синхронизацию для умозаключения, как вершины логического мышления. Происходит подмена смысловой функции, порождаемой общением, на коммуникативное взаимодействие. Все это влечет к «сетевому мышлению».

Краткий анализ субъектов мирового, цифрового общества риска обнаруживает парадоксальный синтез рискофобии и рискофилии, как амбивалентного последствия генерации сложных рисков, производитель которых – глобализация.

Рискофобия – навязчивый, «текучий» страх от рисков. Она двойственна: избегание социально деструктивных процессов и формирование негативного риск-восприятия, как страха от опасностей для жизни. Рискофилия – сознательная и поведенческая интенция к рискогенной активности, добровольное принятие и наслаждение риском (креативная профессиональная деятельность, создание инновационных технологий, организация бизнес-проектов, восходящая социальная мобильность, импровизация). Нейроинтерфейс, или Блокчейн, как продукты цифровой технологизации и ИИ, как технологическая программа по улучшению «качеств» человек, инициируют рискофобию и рискофилию.

Они – результирующая умаления самой субъективности человека, как единственности, уникальности, неповторимости. Индивидуальная субъективность заменяется отформатированной общей коллективной субъектностью и идентичностью, что причиняет сетевое, клиповое сознание и мышление.

2.2. Клиповое сознание и сетевая идентичность

Еще одна особенность игр с виртуальной реальностью – появление клипового сознания. Клиповое сознание порождается виртуальной реальностью, цифровыми технологиями¹. В проекции объекта и предмета диссертационного исследования мы будем ориентироваться на интерпретацию сознания с его содержанием как идеальных процессов и как субъективной реальности. В философском дискурсе такой аспект феномена сознания как проблемы идеального связан с такими именами как Р. Декарт, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.

¹ Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018 256 с; Нестик Т.А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 213–225; Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 402 с.; Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // *Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713; Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.

Раскроем дополнительные коннотации виртуальной реальности к тем, что были представлены в первой главе. Её связывают с такой активностью (agency), которая построена с использованием цифровых технологий, включая, общение в социальных сетях, поиск информации в интернете, приобретение товаров и услуг онлайн, компьютерные игры. В формально-логическом смысле под виртуальной реальностью в основном понимается подмена (замена) наличной или ощущаемой реальности программно-техническими средствами. Например, речь идет о специальной компьютерной программе, которая форматирует воспринимаемые человеком изображения, включая тактильные ощущения, звуки, запахи. Это происходит с помощью очков, шлемов, перчаток и т.д. С помощью специальных датчиков регистрируются любые телодвижения, которые видоизменяют проецируемые изображения. Продуктом становится искусственный (цифровой) виртуальный мир, различаемый человеком как реальный¹. Оказывается, что виртуальная реальность – это микс-продукт информационных и психологических технологий. В литературе различают широкое понимание виртуальной реальности, порождаемой игровыми, коммуникативными, познавательными цифровыми технологиями.

Сегодня выделяются понятийное и клиповое сознание. Термин «клиповая культура», формирующая клиповое сознание был предложен Э. Тоффлером². Клиповая культура создается таким инструментом, как господство средств массовой коммуникации, создающих особый способ представления и восприятия информации. Клиповая культура строится как информационно заданная мозаичность и фрагментарность создаваемого образа (соответственно идентичности человека). Отрывочность несвязанной информации провоцирует алогичность, разрозненность, нецелостность в восприятии картины мира³.

Сознание, укорененное в логику (понятия, суждения, умозаключения), существует для бытия человека. В научном дискурсе сознание существует для по-

¹ Зинченко Ю.П. Психология виртуальной реальности. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 360 с.

² Тоффлер Э. Третья Волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.; Его же. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 560 с.

³ Романов Н.А. Клиповая культура в современном медиапространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 97–106.

знания. Можно согласиться с философом Ф.И. Гиренком: «Сознание, которое извлекает логику из со-бытия, является понятийным. Сознание, извлекающее абсурдность события, является клиповым»¹. Иначе говоря, разрыв в логической цепочке или алогичность – признаки клиповости.

По критерию носителя сознания – самости, различается сознание понятийное и клиповое. Понятийное сознание укоренено феноменом самости. Самость – феномен личностного бытия и личностного конституирования. Самость этимологически происходит из содержания корня «само». Самость предстает, как «часть ряда сложных слов – самобытность, самоорганизация, самодетерминация, самостояние, – приобретших в философии XX столетия заметное значение, выявивших и подчеркнувших специфику ее развития»². В психологии К. Юнг архетипировал самость. По К. Юнгу, «... архетип – это образ, который постоянно повторяется в ходе исторического развития везде, где проявляется полностью творческое воображение. Следовательно, это, по существу, – мифологический образ. Если мы подвергнем эти образы более тщательному исследованию, то обнаружим, что они формировались под воздействием многочисленного опыта наших предков, то есть являются психическими остатками их опыта»³. Современные авторы расширили представление об архетипе «самость»: «прообраз, фундаментальная форма сокровенной суверенности, самонезависимости, выражающейся в использовании первого лица: в юридической плоскости – держателя прав; в гносеологической плоскости – саморефлективной системы – «плавильной печи»; в экзистенциальной плоскости – субъекта выбора, ответственного за свою историю: всякое «Я» есть то, что оно есть»⁴.

¹ Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. С. 13.

² Кемеров В.Е. Само // Социальная философия: Словарь / сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М: Академический Проект, 2003. С. 393.

³ Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 80.

⁴ Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М.: Изд-во Московского университета, 1995. С. 80.

Самость человека выражает его неповторимость, уникальность опыта, определение себя по отношению к внешнему миру. Самость – это внутренняя самодетерминация как возможность существования. По мнению Ф.И. Гиренка, формирование понятийного сознания невозможно вне самости. Он указывает на то, что: «сознание – это свойство самости, которая может двигаться в своей организации либо по направлению к Я, либо от Я. До Я сознание не обнаруживает себя и существует вне представления самому себе. Для него нет зеркала, в котором оно могло бы увидеть себя. И поэтому сознание существует в области невидимого человеком извне. Вот это сознание является темным. Оно существует как самоаффектирующая самость»¹.

Всякое оцифровывание человеческого мышления и сращение его с дигитальным «началом» как разрушительно и «зловредно» для понятийного сознания, так и влечет упрощение человека. Перенос сознания в материальный ландшафт оцифровывания редуцирует человеческое до телесного: «Человек не улавливаем телесностью, ибо он существует в повороте к самому себе. А в этом повороте существуют не тела, а видения»². Хрупкое сознание разбивается под натиском насилия цифрового. Ф.И. Гиренок отмечает, что «человек в дигитальной философии – это не органическое тело, не субъективность, которая в числовой мир не вписывается, а вычислительная машина и база данных. Человек в нем уже не человек, а числовой пробел мира»³. Поэтому проект «загрузки сознания» сопоставим с проектом крионики, когда с целью последующего воскрешения замораживается тело, мозг⁴.

Клиповое сознание – внепонятийно, безыдейно. Оно не продумывает мысли, а монтирует их. Оно не обобщает, а выдумывает. Думать в «клипе» означает быстро думать, быстро понимать. Оно не умеет анализировать и склонно к выжимке информации из разных источников. Клиповое сознание заточено на

¹ Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. С. 14.

² Гиренок Ф.И. Что такое человек? // Философия хозяйства. 2016. № 6. С. 165.

³ Гиренок Ф.И. Основные принципы дигитальной философии // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 137.

⁴ Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. 264 с.

«наглядность», а не на абстрактное мышление. Воображение – главный ресурс клипового сознания, которое пользуется априорными ресурсами мышления. Клиповое сознание анонимно, у него нет самости. Визуализирование – главный механизм клипового сознания. Об этом пишет Ф.И. Гиренок: «Клиповое сознание не мыслит, а визуализирует мир. Оно делает невидимое в мире видимым. Где мыслят, так, конечно, не существуют, а где существуют, там не мыслят. Напротив, визуализируют там, где существуют, а существуют тогда, когда возможна визуализация. Клиповое сознание работает по принципу зеркального отражения в визуальной комнате»¹.

Такие умозаключения философа справедливы в «орбите» психопатологического сознания, когда нарушены эволюционные законы порождения сознания как образов, которые сцеплены или склеены между собой в единую, интегральную «картину мира». А клиповое сознание – это иллюзии картин, монтаж картин-иллюзий.

Исследователи сетевого мира отмечают, что тотальное погружение в сетевую реальность инициирует доминирование «коалиционного» интеллекта. При такой ситуации утрачиваются аналитические способности, логичность, критический анализ, что понижает уровень рефлексивности. Рефлексивность – это сравнительный анализ с такими когнитивными способностями и навыками, как: различение, выделение, анализ, синтез. В функционал рефлексивности входят регуляция, адаптация, коммуникация, мобилизация всех биопсихосоциальных и сознательных процессов.

Утрата рефлексивности через психоментальное погружение в виртуальное киберпространство, в нерелективную виртуальную нейрореальность, в ритуальный процесс обесмысливания смыслов, в «сетевой путь» с необходимостью влечет эффект зависимости, сужение индивидуального сознания. Такое сознание правомерно рассматривать как трансформацию сознания, как нарушение границ между модальностью «Я» и «не-Я», как измененное состояние сознания. В данном

¹ Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. С. 18.

случае речь идет о «суженном» сознании, где в границах ценностно-смысловых структур сознания происходит редукция модальности «Я» к «не-Я». Е.А. Евстифеевой дано описание суженного фанатичного сознания: «Измененное состояние сознания фанатика обнаруживает себя как сверхценное образование. В качестве сверхценного состояния структурное изменение субъективной реальности характеризуется следующим. Происходит редукция модальности «Я» за счет непомерного «расширения» модальности «не-Я» – полная захваченность определенным «предметом» (сверхценной идеей, символом и т.д.). У фанатика явно просматривается деформация структуры ценностных интенций «Я», т.е. феномен суперцентрированного «Я». Для него характерна жесткая организация ценностных интенций. Динамизм этой структуры минимален, т.е. естественная тенденция к ее изменению выражена крайне слабо или вовсе не прослеживается. Высшие интенции сведены нередко к одной единственной, которая определяется «содержанием» конкретной сверхценной идеи. Суперцентрированное «Я» фанатика актуально полагает в качестве своего «другого Я» только то, что связано с «содержанием» сверхценной идеи, и в этом смысле оно целеустремленно и «сужено». Вся реальность, то есть все факты жизни ассимилируются под эту идею»¹.

Сетевой путь, или Интернет – это зависимость и суженное сознание, которое трансформирует в пользу технического и технологии фундаментальные отношения «естественное и искусственное», «человек-машина», «физическое и ментальное». Для личностного уровня анализа суженное сознание влечет анонимность, безличность, безразличность, инфантилизм, унификации.

Интересное умозаключение о будущем неразличении человека и техники, их слиянии, о коэволюции естественного и искусственного высказывают В.В. Слюсарев и Т.М. Хусаинов: «... в перспективе роботы будут становиться все больше похожими на людей (ИИ, 3D-печать), а люди, как следствие, – на роботов (бесчувственное тело) Человек в своем стремлении облегчить жизнь, разнообразить ощущения будет отдаляться как от своей природной сущности, так и от роли

¹ Евстифеева Е.А. Феномен веры: автореф. ...дисс. доктора филос. наук. М., 1995. С. 23.

творца, передавая эту функцию машине. Пока человеческую эксклюзивность спасает невозможность машин определять цель, заглядывать «за горизонт». Техника пока что претендует лишь на звание «волшебного джина», которому достаточно загадать желание и ждать его воплощения. Но процесс «параллельной» эволюции движется к своей логической точке бифуркации, когда создание станет равным своему создателю. Человек, следуя логике подобных тенденций, стремится к превращению в некоего демиурга, которому, по существу, как и всякому богу, нет дела до своих созданий – они и сами как-то проживут. Человек все меньше хочет выполнять тяжелую и рутинную работу, передавая ее машине, ставя перед ней конкретные цели. Вместе с тем он даже не желает заботиться о пожилых людях и детях. Все это приводит к определенному декадансу человека как вида. Другую философско-антропологическую версию о не редуцируемости человека и машины, искусственного интеллекта, робота, о негативах «цифрования» выдвигает Ф.И. Гиренок. Рассуждая в проекции «философии хозяйства» и эры цифровой экономики, о проблеме замены естественного искусственным, он заявляет об исчезновении экономического человека в момент технической воспроизводимости субъективных условий его существования. Исчезновение экономического человека не будет означать исчезновение человека вообще, который будет существовать только как плохой робот: «Робот кладет конец господству человека в экономике и принуждает его вновь вернуться к самому себе как к чистой субъективности»¹.

Главное различие несводимости человека к роботу и, наоборот, философ видит в том, что человек согласуется с природой и с собой через сознание, а робот согласуется с природой через цифру и интеллект. Ф.И. Гиренок отмечает, что «... интеллект – это нечеловеческое свойство, которое может быть легко закреплено за роботом. Появление робототехнических систем кладет конец господству технологического детерминизма. Машина производит только машину. Человек производит человека. И вместе этим процессам не сойтись. Человеку остаются субъективность и творчество. Машине остаются логика и работа. Не труд создал чело-

¹ Гиренок Ф.И. Философия хозяйства и антропогенез // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 124.

века, а праздность, возможность быть предоставленным самому себе»¹. Человек стал человеком благодаря сознанию. Человеку присуще сознание, под которым В.Ф. Гиренок понимает следующее: «Сознание – это не ум, а неестественная реакция человека на самообман, на свою раздвоенность... Поэтому мы все шизофреники».² В качестве дополнительного аргумента о радикальном отличии человека от машины и животного по критерию «сознания» философ приводит такую сущностную черту человека как его ментальное раздвоение, то есть шизофрению, через которую он живет в реальности, а также воображение, которое предшествует мышлению в понятиях.

Насколько мифологизирована цифровая реальность убедительно объясняет один из виднейших экономистов современности, академик Ю.М. Осипов³. На примере своей профессиональной области исследований – экономики, с позиций философской рефлексии ученый разъясняет, что экономика, по определению, всегда цифровая. При этом она не всегда оцифрованная. Речь идет об оцифровывании внешней технологической цифрой, что, по существу, говорит о неэкономической цифре. По мнению академика, сегодня можно «благополучно пребывать в оцифренной бытийной среде», которая подкреплена единой цифровочной лингвоматрицей. Причиной называется человеческое сознание, которое упрощается, унифицируется, технологизируется. С таким сознанием живет оцифрованный постчеловек, который забывает, что «цифра – знак (обозначение) количества. За цифрой как таковой нет и не может быть никакого качества. Какое-такое качество отражает та же математика, эта царица-де всех наук? Никакого! А потому не царица она вовсе, а... служанка, потребная как раз там, где сидят, снуют и звенят количества. Царицей качественного, а следственно, и словесного, и смыслового знания является не математика, а философия, но... ее вокруг все меньше, а та, что осталась – более всего уже прячется в себе самой, бытуя для самой себя, а вовсе

¹ Гиренок Ф.И. Философия хозяйства и антропогенез // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 124.

² Там же. С. 124.

³ Осипов Ю.М. Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 11–19.

не для человека с его все-еще-человеческим сознанием»¹. Ю.М. Осипов не соглашается по сути с подменой всего многообразия реального цифровым критерием. Мейнстрим цифры не отменяет мифологии сверх-возможностей цифровых технологий. Он отмечает, что «вторжение цифры в сферу слова – настоящий переворот в ментальной истории человечества, набирающий ныне не только силу и скорость, как и не только массовое признание, а и вполне себе религиозное со стороны правящих элит преклонение. Вторая научная, она же и антинаучная, революция! Кто из ученых мог еще каких-нибудь четверть века назад, кроме, конечно, вольных и безответственных фантазеров, предположить, что в сфере науки разразится вдруг самый настоящий переворотный апокалипсис, причем не какой-нибудь, а цифровой – математический, так сказать!»².

В экономике, если не абсолютизировать и мифологизировать «цифру», в защиту использования цифровых технологий говорит то, что сами по себе они встраиваются в наличные технологические цепочки, поэтому имеют инфраструктурное назначение. Например, они улучшают качество работы с информацией, расширяют возможности применения аддитивных, 3-D технологий и др. Поэтому они приводят к созданию новой стоимости. Вновь созданные с помощью цифровой технологии приборы или устройства занимают свою нишу в технологической цепочке. При этом в области коммуникации, информационных сетей, как пишет О.С. Сухарев, «...цифровые технологии увеличивают лишь эффективность передачи сигнала, качество отдельных элементов, скорости передачи, обработки, информации, объем хранения и т.д. Поэтому там, где вытесняются аналоговые технологии, величина создаваемой стоимости с помощью именно цифровой технологии может быть не сильно превосходящей прежнюю стоимость. Таким образом, необходимо уточнить, что не цифровая технология как таковая изменяет поведение агентов, а всё-таки такое влияние оказывает информация, которая становится

¹ Осипов Ю.М. Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 8.

² Там же. С. 9.

иной, в том числе, в силу применения цифровых технологий, но они являются инструментом»¹.

Вышесказанное наводит на мысль о возможной дегуманизации экономики, как негативных последствий продуктов цифровых технологий. Чтобы избежать таких последствий, как заявляют «трезвомыслящие» экономисты, необходимо, в первую очередь, думать о самой экономике России, а цифровым технологиям отвести роль «приложений».

О мифологизации значений цифровых технологий говорят и другие примеры. Среди новейших технологий за биотехнологиями стоят такие полученные человеком продукты, как: разработка синтетических геномов, конструирование из стволовых клеток целых органов, имплантация выращенной в пробирке клетки в структуру органа, клонирование организмов с целью увеличения продолжительности жизни и повышения качества жизни. Появление указанных продуктов сопровождается многими нерешенными теоретическими проблемами как, например, расшифровка информации, закодированной в биологический носитель. Для науки нереальными на сегодняшний день остаются такие проекты, как: создание киборгов, нейропротезирование, экзокортекс, вживление киберустройств, крионика, пересадка сознания и личности на другие носители.

Расшифровка и управление сознанием человека остается неразрешимой фундаментальной проблемой, несмотря на развитие нейронауки и генетики.

Определимся с таким ключевым понятием феномена и концепта «сознание», как идентичность, для различения такого её вида как сетевая идентичность.

Категория сознания с такими составляющими, как: «индивидуальное сознание», «общественное сознание», «массовое сознание», «политическое сознание», «экономическое сознание», «моральное сознание», «экологическое сознание» и т.д., относится к духовной сфере или сфере духовного опыта человечества. Духовное – это сфера интеллектуально-созерцательного, создающего или воссозда-

¹ Сухарев О.С. Цифровые технологии: условие технологического замещения // Эргодизайн. 2019. № 3. С. 115–126.

ющего изображения Пространство духа – это умо-зрения, самостояние в границах отвлеченной рефлексии, «безотносительное» рассуждательство. Знание, ум, мудрость предстают духовными символическими формами. Рассудок, разум, *ratio* объединяет сознание. В структуре сознания с его ценностно-смысловыми и деятельностно-волевыми подструктурами идентичность видится двойственно. Идентичность одновременно и часть, и продукт сознания. Хотя сегодня в философском и научном дискурсах не наблюдается единого подхода или ключевой концепции к дефинированию, обозначению коннотаций, механизмам формирования и особенностям функционирования идентичности, проблема идентичности остается пока неразрешенной¹. Дискуссия развернулась вокруг следующих вопросов: можно ли рассматривать идентичность только, как способ репрезентации субъективной реальности, или как сущностную категорию соразмерно и адекватно иницирующую представления человека о самом себе и других в различных практиках; как соотносятся Я-идентичность (личностная индивидуальность, самостность) и Мы-идентичности (общие социальные, общественные ориентиры, порождаемые социальными коммуникациями в границах групп и сообществ²).

Этимологический анализ показывает, что прилагательное *identicus* (от лат. *Idem* – то же, тот же) сохраняет корень в европейских языках *identique* – одинаковый, тождественный, равнозначный, сходный. В русском языке идентичность коннотируется как «тождественный», «равнозначный», «совершенно одинаковый».

В философском и психологическом дискурсах основу самоидентичности, или модальности «Я», составляют представления и переживания, «знаниевый опыт». Идентичность соизмеряют с опытом приобретенного знания в процессе познания, с представлениями и переживаниями, которые составляют основу са-

¹ Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 18–32.

² Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 992 с.

мотождественности и аутентичности «Я». «Я», как чувство «самотождественности», утверждает наличие целостность сознания¹.

В онтологической проекции идентичность, как онтобытийную константу, различает А. Менегетти. Согласно его определению, «...идентичность – то, что бытие есть так, здесь и сейчас. Форма, специфицирующая объект или индивида в самом себе и отличающая его от всего другого»².

Сетевая идентичность – это идентичность в пространственном и территориальном измерениях. Сетевая идентичность – явление нашего времени. Ее особенность заключается в том, что отождествление человеком себя происходит с той или иной группой, созданной в сети. Получается виртуальная самопрезентация. С помощью сети Интернет внешняя информационная среда, как говорят исследователи сетевого мира, превращается в среду «самоидентификационную»³.

Для ответа на вопрос о самоидентификационной среде обратимся к различению понятий «идентичность» и «идентификация».

В социологическом и философском дискурсах раскрывается «диалектическая» взаимосвязь идентичности и процесса идентификации. «Я-идентичность», или самоидентичность, порождается присутствием и взглядом Другого, который коннотируется как значимый и наделенный признаками субъектности. Социальная опосредованность Другим формирует рефлексивную позицию и соразмерность самоидентичности идентификации с Другим. Признание со стороны «Я», как самоидентичности значимости Другого, формирует субъект-субъектные взаимодействия в горизонте ценностно-смыслового поля. Получается, что самоидентичность есть производная от встречи с Другим, Другими, есть результирующая множественных социальных идентификаций (пол, гендер, этнонациональность,

¹ Труфанова Е.О. Социальный конструктивизм и исчезновение «Я»: критический анализ // Философские науки. 2016. № 8. С. 121.

² Менегетти А. Психосоматика. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. 318 с.

³ Мартьянов Д.С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. Т. 10. № 4. С. 142–160; Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Пространство, наделенное Другими [Электронный ресурс]. URL: http://ru-cyberpsy.blogspot.com/2011/02/blog-post_2592.html (дата обращения: 24.12.2019).

гражданственность и т.д.). Она не существует самостоятельно как субстанция. Социальная множественность порождает сущность идентичности как полагания, как самождественности, как самополагания, как самости. За этим процессом идет процесс личностного конституирования, составляющими которого являются самость, автономия, свобода, ответственность. Социальная идентификация формируется как различение. Множественные социальные идентификации причиняют идентичность, самоидентичность.

Персонолог Г.Л. Тульчинский объясняет различия идентичности и механизма идентификации. Социальная идентификация служит социальной миссии, которая выделяет человека и личность как ответственного субъекта. Идентичность проявляется как акт самоопределения личности на всех уровнях психического – неосознанном, осознанном, рефлексивном уровнях. Социальной идентификации имплицитна социокультурная обусловленность формирования личностной идентичности, как механизма порождения, хранения и трансляции определенного социального опыта, что влияет на становление «жизненной» компетентности¹.

Выделение сетевой, цифровой идентичности имеет свои основания. В виртуале человек получает возможность экспериментирования с собой и другими, создавать свое «Я» иными по отношению к реальному миру способами. Анонимность коммуникаций в сети, использование «аватарок» позволяет трансформировать социальные идентификации для утверждения своей виртуальной личности или самоидентичности. Ответственность за этот процесс размывается.

Субъектом или носителем цифровой идентичности может быть человек (сетевой субъект с набором уникальных качеств), группа, а также программа, то есть не персонализированное устройство и т. д. Цифровая идентичность предстает как продукт «нажитых» в цифровой среде умений, навыков, компетенций, а также

¹ Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности. СПб: Алетейя, 2002. С. 184.

презентаций самовыражения субъекта как представление о самом себе, как о режиссере. Предлагается различать и другие признаки сетевой идентичности, где она предстает способность к целостному¹.

Доступность информационных технологий, сетевая коммуникация дают возможность объединяться в различные сообщества и группы, исходя из личных интересов. Такой упрощенный способ «социализации» указывает на потребность и некоторый дефицит в «общественной жизни» и коллективной идентичности. Новые способы и опыт группирования в сети через Интернет, как обширный мобилизационный арсенал, оказывают значительное влияние на политическую и социально-экономическую жизнь.

Известно, что в сетевом мире возможны два пути выбора идентичности: как авторский (автономный), так и автоматический (механический). Во втором случае идентификация (выбор системы референции, формата воплощения личных интенций) предстает как обретение цифрового инобытия – создание сетевого аккаунта, виртуальной модели собственного тела, имиджа, сущности или личности в определенном формате². Такие идентичности могут совпадать: например, реальная политическая идентичность сетевого сообщества совпадает с сетевой идентичностью.

В итоге, сетевая идентичность порождается отображением или презентацией множественных идентификаций и самоидентификаций. Ориентиром для самоидентификаций выступает виртуальное пространство. Синонимами сетевой идентичности предстают: мобильная, электронная, виртуальная, онлайн-овая, кибер-идентичности.

Исследователи особенностей формирования сетевой, цифровой идентичности справедливо указывают на позитивную и негативную стороны этого феномена. Если позитивом считается укрепление с помощью сетевой идентичности реальной, например, гражданской идентичности, что влечет политическую актив-

¹ Шичанина Ю.В. Самоидентификация: интернет-форма // Философские науки. 2009. № 10. С. 45.

² Там же. С. 47.

ность, то такие процессы как манипулирование сознанием Других, использование сетевой идентичности террористическими группами и т.п. несут свою разрушительность¹.

Как говорилось выше, сетевая идентичность несет в себе опасность анонимности пользователя или актора. Например, явление «имиджборда». Имиджборд – это разновидность веб-форума, где есть возможность прикреплять к сообщениям изображения. Главная особенность – возможность общения или, скорее, коммуникации в анонимном формате. За всякой анонимностью стоит процесс обезличивания. Личность – это лицо, как частное и публичное выражения сути человека. Обезличенность всегда свидетельствует о потере «лица», «лика», «маски», которые необходимы человеку в социальной жизни. Следствием обезличивания становятся потеря самости, автономии, самодетерминации, свободы, ответственности или перенос ответственности на Другого. Яркий образ такой обезличенности в информационном пространстве провидчески представлен писателем Вячеславом Ивановым: «Скопление людей в единство посредством их обезличивания должно развить коллективные центры сознания, как бы общий собирательный мозг, который не замедлит окружить себя сложнейшей и тончайшей нервной системой и воплотить её в подобие общественного зверя, одаренного великою силой и необычайно целесообразностью малейших движений своего строго соподчиненного и сосредоточенного, существенно механического, но и как-то одушевленного состава. Это будет эволюцией части человечества, количественно преобладающей, к Сверхзверю, про которого будут говорить, как пророчит Откровение Иоанново: «Кто подобен зверю сему?»².

¹ Фадеева Л.А. Сетевая идентичность. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 535–539.

² Иванов Вяч. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория. М.: Искусство, 1995. 669 с.

2.3. Автономия, свобода и ответственность как условия личностного саморазвития и самоопределения в цифровую эру

Среди разных концепций и подходов к выделению понятийных и концептуальных границ «личности», «автономии личности» мы выбираем в призме объекта и предмета исследования концептуальное их прочтение Э.Ю. Майковой¹. Она пишет: «В социальной траектории личность мыслится как целостное бытие. Целостности личностного бытия присущ такой социально-онтологический статус личности как автономный, диалектически отделенный от общества и в то же время зависимый от него. Основой формирования целостности личности выступают свобода (воля), ответственность, позитивная идентичность, рефлексивность, доверие, потенцирующие автономию»². В понятии личности из такого определения логически следует, что её разрушение сопровождаются потерей автономии (самодетерминирующего опыта), непризнание в Другом его значимости. На это указывает диалектика взаимосвязи личности и общества, где личность, как социальный продукт, проходит становление и развитие в диалоге с Другим, сохраняя при этом свою «стойку» в виде самости, автономии, свободы.

Движению к целостности личности сопутствует самоопределение личности, инициированное свободой и ответственностью. Цифровое общество с его рискованными факторами подрывает личностное начало и персональную идентичность. Личностное замещается и вытесняется социальным, проявляется это как анонимность, безличная социальная позиция. Инаковость Другого абсолютизируется, что означает неадекватную самооценку и рефлексивную самоотнесенность. Мы согласны с Э.Ю. Майковой в том, что «...сетевая» личность теряет способность к самотождественности, самопроблематизации, самопониманию, что является условием развития личностного «начала». «Открытое общество», практика сетевой коммуникации проблематизируют выделение и «маркировку» личностного статуса. Это проявляется, например, в том, что сетевая личность существует ина-

¹ Майкова Э.Ю. Социально-философская концепция автономии личности»: дис. ...д-ра филос. наук. М., 2016. 259 с.

² Там же. С. 19.

че, релятивизирует свои границы, чрезмерно вовлекается в социальное, что приводит к социальной дезадаптации, утрате самоидентичности, нарушению процессов социализации, «расшатыванию» персональной идентичности. Виртуальная личность идет по пути искажения образа-Я, псевдорасширяющейся самости, формирования преимущественно внешнего локуса контроля. Играя с собственной идентичностью, легко меняясь в коммуникативной Интернет-среде, она теряет способность к самоидентификации»¹.

Самоопределение личности невозможно вне личностной автономии, которую Э.Ю. Майкова рассматривает как рефлексивную ось личности, «...самоисполнение закона, личностный модус, который обеспечивает раскрытие индивидуальных способностей, субъектных и личностных качеств, реализацию изменяющихся желаний и потребностей, скоординированных с особенностями социального бытия, пространства и времени»². Автономия – условие трансляции субъектных (целеполагание, когнитивная активность) качеств человека в личностные.

Трудности самоопределения, сохранения безопасности личности в сетевом обществе требуют рефлексии тех дивергенций, которые ограничивают становление личностных качеств, ее базисных оснований, в первую очередь – автономии.

Манифестацией и коннотацией «автономии личности» является феномен свободы. Представление о свободе, близкое современному её социально-философскому толкованию восходит к И. Канту, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллингу, Ф. Ницше³. Свобода связывается с такими феноменами как воля, самосознание, самодетерминация. В концепции сверхчеловека Ф. Ницше утверждает свободу как личностную автономию. Речь идет о трансцендировании, или преодолении

¹ Майкова Э.Ю. Социально-философская концепция автономии личности: автореф. дис. ...д-ра филос. наук. М., 2015. С. 19.

² Там же. С. 19.

³ Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. ч. 2. 438 с.; Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–489; Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб.: Азбука, 1996. 333 с.

человеком самого себя: «человек есть нечто, что должно превзойти»¹. Помимо немецких философов, в экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра находим размышления о свободе как автономии и самодетерминации². В экзистенциальной философии различается феномен «внутренней свободы» человека. Человек есть то, что он сам из себя делает.

В призме проблемы самоопределения личности в условиях цифрового технологического принуждения определимся с феноменом личностной свободы. Историко-философская и культурологическая ретроспектива говорит о следующем: под личностным самоопределением в цифровом обществе риска нами понимается самодетерминация, выбор и осознание своего смысла, целей, ценностей, границ своей субъектности, утверждения себя как личности в условиях экспансии цифрового мира и технологического принуждения. Как считал величайший русский философ, культуролог М.М. Бахтин, свобода личностного уровня конституирования утверждается и связывается с истинным самоопределением человека. Свобода личности экспонирует себя реальными действиями и реальным поступком³. Поступок, как производная от свободы и ответственность – итог выбора по факту существующих альтернатив. Выбор есть «причинно-следственный» детерминированный акт.

Дадим обоснование такого взаимоотношения. Свободный выбор порождает риск, рискованные ситуации. Выбор является объектом философского познания, и его проявления постоянно рефлексированы. Процесс деятельности – основа жизнедеятельности, общественной деятельности, когнитивной деятельности. От выбора зависит представление и о будущем, ожидания человека будущего, а также способы конституирования его жизни, включая личную и социальную. Когнитивная способность человека (как субъекта) дать оценку «блага» инициирует выбор. Степень разумности (рациональности), ценностные приоритеты порождают «ка-

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб.: Азбука, 1996. 333 с.

² Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.

³ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.

чество» выбора. Воля, или желание человека, сопровождают реализацию выбора и решения в случае «фрустрированных» ситуаций.

В условиях риска, каковой сегодня предстает вся социальная реальность, акт выбора состоит из оценки альтернатив, анализа «пакета», идентификации наличных противоречий. Социальный статус и личностная позиция, активность влияют на дифференциацию человеком основных факторов.

В современном философском дискурсе свобода различается как объективная, так и субъективная. Субъективная свобода инициируется влиянием общественной жизни, социальными реалиями, этической перспективой будущего. Об этом пишет В.А. Малахов: «В основе этой перспективы – не забота о бытии (собственном, ибо иное, по существу, нам не дано: подлинный опыт бытийности – это опыт усилия быть, *conatus essendi*), а обращенность к Другому, постигаемая в «онтических» категориях сопричастность ему в изменчивых, всегда дистанцированных от ядра нашей собственной субъективности обстоятельствах его жизни и судьбы. В меру такой обращенности человеческое Я отказывается от притязаний на самоутверждение и власть – и вместе с тем обретает принципиальную свободу от, казалось бы, неизбывного безличного давления бытия и диктата воплощающего его динамику онтологического времени»¹.

Таким образом, свобода коннотируется как выбор из наличных реалий (целей, смыслов, ценностей, условий, возможностей и т.д.). Возможность самоопределения, необусловленность, безграничность, «познанная» необходимость – суть принципа свободы.

Вышесказанное о личностном конституировании, автономии, свободе и ответственности позволяет увидеть их преломление в цифровом мире.

Нет сомнения в том, что цифровой мир – это наша реальность и повседневная жизнь. Признание на аксиологическом или императивном уровне этой реальности или её непризнание не меняют её онтологическую данность для нашего со-

¹ Малахов В.А. Философия и время: вектор сопротивления. // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 58.

временника. Возникает вопрос: насколько эта реальность решает насущные глобальные, этнонациональные, социальные, личностные, антропологические и другие актуальные проблемы? Или цифровая реальность порождает множество рисков, которые сопровождают человека и общество? Поэтому на примере проблемы автономии, свободы и ответственности личности в цифровом мире, её сопоставлении с реальным миром, укажем на ее различия.

Что касается глобальных проблем, которые являются следствием противостояния природы и культуры, то перспектив их разрешения с помощью цифровой формы реальности не предугадывается даже с большим интеллектуальным напряжением. Среди глобальных проблем человечества следует выделить: проблему мира и разоружения, проблему здоровья людей, экологическую, демографическую, энергетическую, сырьевую, продовольственную, использования ресурсов мирового океана, мирного освоения космоса, которые укоренены в неразрешимые противоречия глобализма, мировые властные пристрастия, геополитическую ситуацию наших дней с гегемонистскими интересами отдельных держав, с помощью цифровой модальности бытия не находят пути разрешения.

Экологическая проблема демонстрирует деградацию глобальной экологической системы по причине нерационального, понимаемого как безмерное использование в силу бесконечного потребительства природных ресурсов, нарушающего техно-гуманитарный баланс. Сошлемся на цифры: известно, что 7% территории всей поверхности суши превращено в пустыню, что снизило общую биомассу планеты. О росте энергоемкости производства свидетельствует то, что 80% всех технологических процессов обеспечиваются энергией, получаемой за счет сжигания нефти, газа и угля. Побочные продукты деятельности человека «подорвали здоровье» природы, так как ежегодное количество отходов на Земле приближается к 1 млрд тонн, при этом один автомобиль за год сжигает 4 тонны кислорода. На Земле не осталось чистой, а также пресной воды. Изменения генофонда живых организмов, нарушение биосферных связей имеет свои ближайшие и отдаленные разрушительные последствия.

В итоге, человек уже изменил до «патологического состояния», до тотального загрязнения, до неузнаваемости окружающую среду, которая, в первую очередь, имплицитно является как естественная биологическая среда, как географический топоним, как климатическое поле и т.п. Техногенная, виртуальная, искусственная природа и сущность цифрового мира лишь порождают новые риски и угрозы для онко-больной экологической ситуации наших дней.

Проблема мира и ядерного вооружения с имплицитной ей проблемой самоуничтожения человечества. Будучи смертным грехом человечества, о которой писали многие мыслители¹, эта проблема не только не нашла своего разрешения в цифровом мире, а наоборот, с помощью новейших, НБИК-технологий (нано-, био-, информационные и когнитивные) технологий породила форсажный вариант смертоносного движения для всего человечества. Может ли цифровое поколение разрешить обостряющийся конфликт между цивилизациями, в частности европейской (западной) и мусульманской? Ответ лежит в фокусе известной политики мультикультурализма. Миграционные процессы, будучи мобильными практиками, вследствие глобализации и новейших технологий ускоряются. Как объясняет А.В. Назарчук, «...под мультикультурализмом понимается такое отношение страны-реципиента к миграционным потокам, которое признает право на культивирование и сохранение этнокультурных различий меньшинств, образуемых эмигрантами»². В действительности, мультикультурализм привел к дистанцированию и поляризации разных этнических групп, к проблеме размытости границ этнонациональной и гражданской идентичности.

Среди источников несостоятельности мультикультурной политики миграции в западно-европейскую культуру называется цифровая реальность, сетевое общество, новейшие коммуникационные технологии, которые «заталкивают» мигранта к адаптации в новой социокультурной среде и ассимиляции. Подробности «аккультурации» мигрантов на практике звучат так: «Вместе с тем информацион-

¹ Кестлер А.К. Дух в машине // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 93–122.

² Назарчук А.В. Мультикультурализм в сетевом обществе // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107). С. 109.

но оснащенное меньшинство, оказываясь в чуждой среде и сталкиваясь с новыми вызовами, не просто пассивно сохраняет свою субкультуру. Оно становится столь уверенным в себе, особенно во втором, третьем и последующих поколениях мигрантов, что смело вступает в диалог и даже в борьбу за собственные ценности. Ощущая свою родную культуру под шквалом культурной критики, меньшинства начинают активно отстаивать ее и подвергать критике культуру реципиента. Борьба культур, ранее лишь удаленная и абстрактная, актуализируется в центре европейских городов. Более того, не имея полноценной социализации, культура национальных меньшинств деформируется, выдвигая на передний план религиозные и этнические акценты. Это не противостояние общностей, а конфликт принципов, конфликт идеологем»¹.

«Сетевой», или оцифрованный мир, реализует себя практиками мобильности. Как постнеклассические практики они имеют такие характеристики, как: синергичность, сложность, сопряженность, рефлексивность, хабиутализация, массовость. Главная специфика этих практик – их технологическая модальность бытия. Из самой характеристики оцифрованного мира следует множественность неразрешимых проблем человечества, включая проблему автономии, свободы и ответственности личности. Оцифрованный мир видится в своей поляризации и амбивалентности. Его миссия коннотируется как положительно, так и отрицательно. О положительной роли «цифры» можно говорить как об информационном «буме», когда налицо огромные скорости передачи информации, каскад запоминающих устройств с масштабными объемами данных, форсаж поиска, распознавания, декодирования в базах данных и др. Бесконечный поток и процесс. Возникает вопрос о необходимости такого наращивания информационных данных, их использовании, контроле, управлении. Кто будет решать проблему управляемости и контроля за оцифрованным миром. Человек? Личность? Общество? Или обезличенное, анонимное общество? Анонимный субъект?

¹ Назарчук А.В. Мультикультурализм в сетевом обществе // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107). С. 110.

Об этой проблеме пишет А.И. Ракитов: «Но если контроль за современными цифровыми ИКТ попадает в руки государства оруэлловского типа, то каждый член общества становится подконтрольным, легкоуправляемым, а в случаях сопротивления – легко уничтожаемым, ограниченным в своих действиях и в доступе к необходимым в жизнедеятельности информации и знаниям. Тотальный контроль, осуществляемый с помощью современных цифровых ИКТ, может крайне негативно повлиять на интеллектуальные, этические и деловые характеристики любого человека¹. Таков негатив «цифры» и тотального социального контроля.

Основная коннотация контроля – это наблюдение за поведением (системы, человека, общества и т.д.) с целью проверки. Она представляет собой одну из функций системы управления или власти. Семантика «контроля» указывает на такое его широкое значение, как: влияние, власть, принуждение (ограничение свободы). Различают социальный и личный контроль. Контроль – онтологическая, индивидуальная или социальная (общественная) реалии, конституирующие либо автономный статус бытия личности, либо социальное бытие в проекции социальных норм, санкций. Личный контроль (самоконтроль) – это результат или продукт собственной деятельности в регистре автономии личности, её индивидуальности. Это контроль над своим поведением в корреляции с социальными нормами, с фильтром совести и вины. Социальный контроль можно рассматривать как механизм поддержания общественного порядка через нормы, законы, санкции. Тотальный социальный контроль опасен, если он укоренен в Паноптикум².

В психологическом дискурсе существуют разногласия по определению сущностных признаков контроля в границах психических и поведенческих процессов. Например, контроль раскрывается как вера в то, что в арсенале человека есть реакция, которая может предугадать и предотвратить нежелательный «ход

¹ Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. 2016. № 6. С. 37.

² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. 480 с.

событий»¹. Или контроль различается как та степень, в которой агент может обеспечить желаемый результат².

В сетевом мире поляризация «бытия» предстает как множество виртуальных идентификаций и множество «самостных» или «автопроектов» одновременно. Иначе говоря, «шизоидизация» сознания осуществляется в полной мере. Здесь очевидны две возможности выбора идентичности – или авторский (автономный), или автоматический. Тогда процесс идентификации (выбор системы референции, формата воплощения личных интенций) видится как «... обретение цифрового инобытия – создание учетной записи пользователя (сетевого аккаунта), виртуальной модели собственного тела, имиджа, сущности или личности в определенном формате. Значит ли это, что самотождественный индивид уже исчез – его заменили ансамблем функциональных пин-кодов, или идентичность в современной техногенной информационной культуре приобрела новые формы и невиданные доселе возможности? Возможно, что, растворив себя в семиотическом пространстве культуры, человек получил возможность иного самовыражения, самопрезентации, стигматизации, маскирования и т.д., альтернативного традиционным способам самоотождествления и самотворчества»³.

Человек теряет свою свободу с потерей функции контроля над информацией. Если самостоятельно осуществлять функцию контроля над информацией не представляется возможным, тогда функция контроля передается техническому устройству, которое аккумулирует всю информацию о сетевом пользователе. «Правообладатель» такого устройства может присвоить идентификационные фрагменты пользователя (пристрастия, мотивы, ожидания и т.п.). В связи с этим

¹ Thompson S.C. Will it hurt less if Y can control it? A complex answer to a simple question // Psychological Bulletin. 1981. Vol. 90 (I). P. 89.

² Skinner E.A., Chapman M., Baltes P. B. Control, meansends, and agency beliefs: A new conceptualization and its measurement during childhood // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. № 54. P. 118.

³ Шичанина Ю.В. Самоидентизванство: интернет-форма // Философские науки. 2009. № 10. С. 47.

Ю.В. Шичанина пишет, что в сети обретается форматированная цифровая анонимная, закодированная идентичность, как результат утилитаризации социальных отношений и примитивизации коммуникативных практик.¹

Рассмотрим аналитический материал по особенностям формирования виртуальной или цифровой идентичности. Как утверждают большинство исследователей цифрового мира, погружение в сетевое пространство наряду с тем, что считается лучшим досугом для пользователей Интернета, в действительности преломляют логику «реального/нереального», «возможного/невозможного», действительно/потенциального», что влечет упрощение человека, коррозию его мышления и сознания, существенные личностные изменения, и, как следствие – потерю самоидентичности личности за счет расширения поля социальных идентификаций.

В цифром мире происходит «расчеловечивание» человека, поскольку отсутствует социальный и личностный контроль за погружением человека в сетевые цифромииры². В.Г. Буданов отмечает, что сетевое общество ориентируется и культивирует простейшие базовые ценности, превращая человека в послушный и потребляющий инструментарий: «... сетевые информационные технологии и пространства нейромиира резко меняют способности к критическому анализу, рождается безоговорочная вера старшему брату-поисковику, клиповое сознание, транс постоянного интернет-серфинга и геймерства...»³.

Философ Ф.И. Гиренок справедливо заявляет о насилии цифрового: когда мышление и хрупкое сознание человека разбивается о материальный субстрат, когда человеческое нивелируется до телесного. Упрощение человека – это сращение его с дигитальным, оцифровывание его мышления, или редукция его к примитивизму формально-логического. Философ пишет: «Человек в дигитальной философии – это не органическое тело, не субъективность, которая в числовой мир

¹ Шичанина Ю.В. Самоидентизванство: интернет-форма // Философские науки. 2009. № 10. С. 54.

² Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 51.

³ Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 49.

не вписывается, а вычислительная машина и база данных. Человек в нем уже не человек, а числовой пробел мира»¹. Здесь вспоминается М. Хайдеггер, который призывал «...научиться распознавать различие между только считающим и осмысливающим мышлением»².

Следует вспомнить также фундаментальную работу С. Лэма «Сумма технологий», где обсуждается в проекции будущего соотношение интеллекта и сознания, или тема призрака в машине»³. В этой работе С. Лэм писал об успехе машины для игры в шахматы, который зависит от таланта программиста или человека.

Сегодня компьютерный интеллект превосходит человека. Когда суперкомпьютер победил Гарри Каспарова в конце XX в., тогда стали считать, что программа, созданная исключительно машиной победила своего создателя – человека. И тогда, несмотря на то, что компьютеры стали быть сознательными, начался процесс отказа от интеллектуальных способностей человека. Возникли проблемы неработающего человека, свободного времени, празднества⁴. Появление многомиллионного неработающего класса, то есть людей, лишенных экономической, политической и социокультурной ценности, становится реальностью в XXI в. Негативные ближайшие и отдаленные последствия лишения работы состоят в том, что человек становится неработоспособным, он утрачивает когнитивные и профессиональные знания, умения, навыки, компетенции. Грядущее технологическое процветание столкнется с так называемыми бесполезными массами.

О контраверзах влияния цифрового мира на нашего современника, о невозможности понять современность вне проблемы идентичности, которая причинена «духом» фактического пишет Дж. Агамбен: «...современность – это уникальное взаимоотношение с собственным временем: тесное и вместе с тем отстраненное; выражаясь точнее, это такое взаимоотношение со временем, в

¹ Гиренок Ф.И. Основные принципы дигитальной философии // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 137.

² Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагмент. СПб.: Алетейя, 2000. С. 201.

³ Лэм С. Сумма технологии. М: АСТ, 2018. 640 с.

⁴ Вахштайн В., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг // Логос. 2019. № 1. С. 1–25.

котором связь выражается через смещение и анахронизм. Те, кто безусловно вписываются в эпоху, кто во всем соответствует ей, не современны, так как именно поэтому и не удастся увидеть её, они не могут как следует её рассмотреть»¹.

Выделение цифровой идентичности имеет свои основания. Так, носителем цифровой идентичности может быть человек (сетевой субъект с набором уникальных качеств), группа людей, программа, неперсонализированное устройство и т. д. Цифровая идентичность предстает как продукт «нажитых» в цифровой среде умений, навыков, компетенций, а также презентаций самовыражения субъекта, как представление о самом себе как о режиссере.

Получается, что выражение высших степеней свободы – режиссирование своих идентификацией и персональной идентичностью оборачивается «другой стороной» медали. А именно: в пространстве электронной культуры свобода проявляет свою антиномичность. Об этом пишет Л.В. Баева: «С одной стороны, человек захвачен медиаобразами, шаблонным мышлением, лишен индивидуальности, размытый в коллективной массовой коммуникации всех со всеми. С другой, он свободен в выборе каналов информации, ее отборе, ее интерпретации, освещении, так же, как в творчестве новых идей и их реализации. Свобода выбора самого себя (тела, пола, стиля), места жизни, рода занятий, круга общения среди глобальной аудитории – достигает предельных значений. Цифровая дополненная реальность компенсирует то, чего может не хватать в действительности. При этом человек все больше захвачен вещами, информацией, задавлен работой, достижением множества задач, удовлетворением естественных и искусственных потребностей»².

Акцентуированная на собственном «Я» свобода в цифровом пространстве породила такую зависимость как воплощенная в цифровых медиа, текстовых формах, сосредоточенность на собственном Я, поглощенность своими переживаниями. Создание образа «цифрового Я» для привлечения внимания – особенность

¹ Агамбен Дж. Нагота. М.: Грюндриссе, 2014. С. 26.

² Баева Л.В. Теория экзистенциалов М. Хайдеггера и М. Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 30.

виртуального взаимодействия. Следует согласиться с Л.В. Баевой в том, что «...электронное бытие создает условия для рефлексии и обмена смыслами, для преодоления границ пространства, времени и телесности, но эта свобода и возможности главным образом применяются утилитарно»¹.

Время и пространство являются бытийными условиями обеспечения человека «качеством» и границами свободы. Цифровой мир изменяет пространственно-временные характеристики бытия, меняя до «безумия» его скорость и растворяя очерченные культурой, традициями границы пространства. Претензии цифровой экономики освободить время человека и дать ему больше возможностей для манипулирования им породили проблему потери или «отсутствия времени» и «растворения» в безграничном пространстве.

Бегство за свободой в цифровой реальности в проекции самовозвышения себя, вытеснение на периферию сознания внешнего мира, Другого сотворили новые экзистенциалы цифрового бытия по типу «максимизации-минимизации» и где свобода «шизоидизировалась»².

В современном психологическом дискурсе также обсуждаются истоки и особенности проявления цифровой идентичности. Так, Л.Д. Шнейдер и В.В. Сыманюк дают в целом позитивную оценку цифровой идентичности для человека, когда пишут: «Цифровая идентичность рассматривается нами как совокупное осознание и переживание своей компетентности, тождественности и уникальности в мире цифровых технологий, включающее ценностное отношение к себе, другим людям, информации и интернету в целом, характеризующееся целенаправленностью действия и умением полноценно решать задачи при помощи цифровых технологий, сопровождающееся формированием новых смыслов деятельности»³.

¹ Баева Л.В. Теория экзистенциалов М. Хайдеггера и М. Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 38.

Следует видеть позитивную роль цифровой идентичности в социализации человека, где идет становление социальных идентификаций. Открытость цифровой реальности для встречи с каждым позволяет преодолевать комплекс неполноценности в преодолении страха перед Другим. Выстраивая облегченную политику социальной идентификации сетевое сообщество способствует достижению взаимности и принятия. Как считают психологи: «Именно на это ориентированы сетевые взаимоотношения цифровых аборигенов. Онлайн-пространство, по сути, это аналог «соседней деревни» для прежних времен. Оно позволяет «пойти других посмотреть, себя показать», при этом в нем несложно создавать взаимоотношения и с легкостью можно прервать их. В отличие от «соседней деревни» в интернет-пространстве легко спрятаться... в сети легко изменять социальную идентичность, но трудно контролировать ее восприятие»¹.

Как свидетельствуют результаты других социально-психологических исследований цифровой идентичности, расширение границ свободы в сетевой реальности происходит достаточно легко, поскольку оно сопровождается фактором анонимности, который «...в существенной степени способствует выстраиванию множественных не тождественных между собой идентичностей, если не прямо провоцирует такой процесс. Среди наиболее заметных возможностей конструирования альтернативных идентичностей – феномены виртуальной «смены пола», то есть замены половой идентичности»².

Получается, что сетевая, или цифровая реальность, провоцирует игры с идентичностью, порождая человека риска, рискофилию. Бегство за свободой в поисках идентичности привели к «шизоидизации» самоидентичности. Это когда принадлежность к группе, как Другому, превышает или подавляет «Я» как автономность. В результате, как подтверждают многие психологические исследования, трансформация самоидентичности в цифровом мире влечет идентификаци-

¹ Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 38.

² Войскуновский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 102.

онный кризис. Новая различается как Парадоксальность, эклектичность, фрагментарность, шизофреничность – признаки «отформатированной идентичности в цифровом мире»¹.

Частная жизнь, приватность как явление общественной жизни и одна из степеней свободы человека как личности, ярко демонстрируют свои особенности о цифровом мире в сравнении с реальным миром. Согласно умозаключениям З. Баумана, частная жизнь, приватность видятся как менее концентрированная форма свободы. Её особенность в том, что это – «... право предотвращать (refuse) вторжение других людей (как индивидов или как агентов какой-то надындивидуальной инстанции) в конкретные места, в конкретные моменты или во время конкретных занятий. Обладая приватностью, индивид может «уйти с чужих глаз», уверенный, что за ним не наблюдают, и потому способный заниматься чем бы он ни пожелал заниматься, не боясь порицаний. Приватность, как правило, частична – прерывна, ограничена особыми местами или отдельными аспектами жизни. Перейдя известный предел, она может превратиться в одиночество и тем самым дать ощутить вкус некоторых ужасов воображаемой «полной» свободы². Если транслировать эти рассуждения социального философа и социолога на настоящее время, то они будут не совсем «корректными». Потому что новейшие технологии с их способностью тотального наблюдения и утечкой информации «не оставляют» места в пространстве частного и приватного. Они меняют локус приватности и отдельных аспектов частной жизни, суживая границы свободы и права на частную жизнь. Кроме вышесказанных суждений об ограничении свободы и ответственности в цифровом мире риска, можно сослаться на проблему достижения бессмертия, как будто бы речь идет о расширении свободы³.

¹ Шичанина Ю.В. Самоидентификация: интернет-форма // *Философские науки*. 2009. № 10. С. 57.

² Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 71.

³ Криман А.И. Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // *Философские науки*. 2019. № 62 (4). С. 132–147.

В итоге, бегство за свободой в цифровом мире оказывается бегством от свободы. Бегство за свободой в цифровой реальности в проекции самовозвышения себя, вытеснение на периферию сознания внешнего мира Другого сотворили новые экзистенциалы цифрового бытия по типу «максимизации-минимизации» и где свобода «шизоидизировалась». Получается, что выражение высших степеней свободы – режиссирование своих идентификаций и персональной идентичности оборачивается «другой стороной» медали. А, именно: в пространстве электронной культуры свобода проявляет свою антиномичность.

Среди кибертехнологических достижений появляются «продукты», наличие которых влечет риски, социальные и когнитивные проблемы. Если размышлять и аргументировать на уровне темы самопознания, то актуализируется дискуссия о свободе воли человека или её отсутствии. Проблему самопознания, как известно, подняли Сократ, Иисус, Будда, Августин Блаженный, Ж.-Ж. Руссо, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др., в том числе через исповедальный опыт, как духовную практику. Все они пытались расшифровать путь самопознания и трудности, возникающие на этом пути по самоизменению и самосовершенствованию человека. Но сегодня их величие и мудрость вытесняет искусственный интеллект, пытаясь декодировать тайны внутреннего мира человека. Признавая акт свободы воли человека в её позитивном значении, её философский и метафизический смысл, мы признаем за выбором человека его собственных желаний¹. Здесь можно сослаться, кроме прочих философских аргументов (Д. Юм, А. Шопенгауэр и др.) на информационно-функциональный подход к «Maid-Brain and Free Will», или на психофизическую и психофизиологическую проблемы, разрабатываемые отечественными и зарубежными мыслителями². Концептуальная логика доказательства наличия акта свободы воли с помощью информационно-функционального подхода к психофизической проблеме у Д.И. Дубровского

¹Скрипник А.П. Свобода воли [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f08825aa0b5a92b1bfd> (дата обращения: 12.12.2019).

²Ревонсуо А. Психология сознания. СПб.: Питер, 2013. 336 с.

представлена так: «Психические явления в форме субъективной реальности (восприятия, мысли, веровательные установки и т.п.) описываются в качестве информации, данной личности в «чистом» виде. Явления субъективной реальности в качестве информации (о тех или иных объектах) имеют своим носителем определенную нейродинамическую систему, которая является её кодом. Однако этот носитель элиминирован для личности (в том смысле, что не отображается ею)... В явлениях субъективной реальности мне дана информация как таковая (в «чистом» виде) и способность оперировать ею»¹. В итоге, свобода воли предстает как акт самодетерминации, то есть произвольное управление своими психическими процессами или способность произвольного управления в определенном диапазоне мозговой нейродинамикой. Эмпирической поддержкой такого подхода служат данные из области неврологии и психиатрии². Среди симптомов шизофрении различаются те, которые указывают, что больной описывает свои ощущения, находящиеся вне контроля внешнего воздействия, как иллюзию, невозможность концентрироваться, подбирать слова. Такие ощущения сравниваются с робототизированным состоянием или «вне» агентным конституированием³. Широко известная онтопсихологическая концепция ноогенного невроза и логотерапия австрийского психолога В. Франкла также служит аргументацией в защиту «атрибутивности» свободы воли человека⁴.

Дополним сказанное. Феномен воли транслирует импульс потребности в импульс к действию. Воля инициируется чувственно-конкретным мотивом. Через механизм воли происходит осознание ценностного содержания и личной значимости постановки цели, её соответствия или несоответствия личностным цен-

¹ Дубровский Д.И Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 208 с.

² Kendler K.S. Phenomenology of schizophrenia and the representativeness of modern diagnostic criteria // JAMA Psychiatry. 2016. № 73. P. 1082–1092; Недель А.Ю., Самохвалов В.П.. Шизофрения: болезнь мозга, болезнь сознания, болезнь духа? (Диалог психиатра с философом) // Человечество. 2019. № 1. С. 73–101.

³ Лагун И.Я. Причинность шизофрении. Липецк: Ориус, 2008. 345 с.; Minor K. S., Lysaker P. H. Necessary, but not sufficient: Links between neurocognition, social cognition, and metacognition in schizophrenia are moderated by disorganized symptoms // Schizophr. Res. 2014. № 159. P. 198–204.

⁴ Франкл Ф. Воля к смыслу. М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. 228 с.

ностным пристрастиям. Свобода воли человека просыпается в акте деятельности, благодаря интересам человека. Воля возбуждается тогда, когда что мысль (рефлексия) ясно указывает ей вероятностный путь к достижению поставленного интереса.

Есть современные концепции, отрицающие наличие феномена свободы воли, полагающие её иллюзией или считающие, что свобода воли может существовать только в компатибилистской интерпретации (как кредо «марионетка свободна до тех пор, пока ей нравится висеть на нитях...»). Так, известный британский ученый С. Хокинг считает, что человек есть биологическая машина, робот, которым управляют естественные физические законы, в отдельном поступке человек действует по внешним причинам¹. Из последних «заявителей», отрицающих метафизику, или акт свободы воли, предстает израильский военный историк и писатель Ю. Харари². Автор бестселлера считает, что искусственный интеллект в ближайшее время изменит природу человека и его будущее по тому основанию, что нет свободы воли. Объяснение он находит в том, что для человека свобода воли есть не что иное как его желания. Но большинство желаний не являются собственными желаниями человека. Все желания являются производными от социальных манипуляций. Свобода воли исчезла, когда с помощью новейших технологий открылась возможность глубоко проникнуть в тайны мозга и манипулировать его «продуктами». Так, смартфон манипулирует сознанием, переключая внимание его пользователя. Он уничтожает человеческую индивидуальность, унифицирует всех, делает всех одинаковыми и похожими друг на друга. С помощью информации, которая стала самым ценным товаром в потребительской цивилизации, открылись каналы тотального контроля, надзора и управления людьми, их персональными данными.

Как нам представляется, в этих рассуждениях Ю. Харари нет новых аргументов, поскольку К. Ясперс, создавая новаторскую экзистенциально-

¹ Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. СПб.: «Амфора», 2013. 208 с.

² Харари Ю. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синбанд, 2019. 512 с.

онтологическую модель психики доказывал, что телеологическое единство, или разрывы потока событий или переживаний психической жизни личности, обусловлены её волей, интенциональными актами. Без этого нет элементарных представлений¹. Все психические аномалии личности инициированы либо её собственными влечениями, либо другой волей, общей волей группы. Согласно Ясперсу, рефлексивно-волевые акты придают человеку смысловую направленность, ценностное измерение жизни. Воля вместе с мышлением, которые выделяются по признаку непосредственности-опосредованности переживания, обусловлены более первичным и фундаментальным феноменом рефлексии («обращение переживания вспять, на себя и на свое содержание»), без которого аналитическое мышление и целенаправленная воля невозможны². Надо сделать поправку на то, что и Г. Гегель, и Ф. Ницше, и Я. Бёме и К. Ясперс идентифицировали волю в качестве духовного акта и как способа актуализации свободы.

Здесь вспоминается и хайдеггеровская экзистенциальная аналитика о волевом давлении общественности на личность, которое может быть такой силы, что доводит до шизофренического расстройства. Как считает А.В. Водолагин, «...о поражении или даже отсечении воли можно говорить в том случае, когда индивид, замыкаясь в себе, свертывает «интенционально-экстатическое отношение к миру», становится безучастным и невосприимчивым к значимости сущего, которое взывает к нему в его же собственной повседневной жизни»³.

Вместе с новой версией будто бы «разрешения» проблемы свободы воли человека с помощью искусственного интеллекта обнаруживают себя и другие проблемы: одиночество, отчуждение, доверие, свободное время, потребительство, эгоизм, агрессивность, расстройства сознания, адаптация к информации и т.д. Приходится констатировать, что неуклонный рост психических и психологических заболеваний в наше время остается важнейшим социально-антропологическим вызовом.

¹ Ясперс К. Общая психопатология человека. М.: Практика, 1997. 1056 с.

² Там же. С. 91.

³ Водолагин А.В. Волютативная теория психики // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 140–142.

Кратко определимся с концептом «ответственность». В онтологическом плане, на уровне субъектного анализа ответственность идентифицируется нами как способность избирательно, осознанно, рефлексивно отозваться, отреагировать на «запрос» или ситуацию актами своей активности. В функционал ответственности входят контроль, прогноз, управление такой активностью (деятельностью). Ответственность обращает взгляд субъекта на самого себя как на автора разворачивающегося «сценария» или тех обстоятельств, в которых он оказался. Авторство – это способность осуществить выбор и «причинить» ту ситуацию, в которую он попал. В аксиологическом аспекте ответственность сопряжена с наличием ценностными ориентирами и моральными обязательствами. В психологической проекции ответственность сопровождают желание, мотивация, вероятельные установки по выбору стиля поведения и принятия решений. В рискованных ситуациях возникает риск ответственности. Под риском ответственности нами понимается субъектно-личностная способность в актах принятия решений найти адекватный, минимизирующий риски ответ.

В экзистенциальном ракурсе ответственность удостоверяет и утверждает смысложизненную ориентацию человека. Об этом пишет В. Франкл в книге «Скажи жизни, да!»: «Человек, осознавший свою ответственность перед другим человеком или перед делом именно на него возложенную, никогда не откажется от жизни. Он знает, зачем существует, и поэтому найдет в себе силы вытерпеть почти любое как». «Ведь жить – в конечном итоге значит нести ответственность за правильное выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа»¹.

Выделим некоторые характерные черты цифрового общества риска, которое влияет на личностное саморазвитие, самоопределение.

Цифровое общество риска – реалии нашей жизни. Масштабность информационных потоков и компьютерных баз данных поражает всякое воображение.

¹ Франкл В.Э. Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 240 с.

Электронные варианты обеспечения различных сфер социальной деятельности создают расширенные возможности для получения любой информации в любой точке мира. Со ссылкой на источники в 2019 г. услугами электронной почты пользовались уже 3,9 млрд жителей Земли, к 2023 г. к этой связи будут прибегать 4,3 млрд. Цифровизация, диджитализация общества в самых развитых странах достигла почти 100%. Так, Франция – 98,9% используют мобильную телефонную связь, 94,4% – интернет-пользователи¹. Риски и психологические последствия внедрения таких новых технологий состоят в том, что объективно-принудительным образом воздействие на психику и сознание интернет-пользователей стало навязчивым и изощренным. Оставляя свой «след» в сети (мобильный телефон, банковская карта, личный сайт и т.д.), пользователь расписывается в тотальном наблюдении за собой, теряя степени автономии, свободы, ответственности.

Становление цифрового общества риска приобретает следующие характерные черты. Кроме ускоренного восхождения к новым рискам, футурологи предсказывают радикальные экономические изменения, как то: исчезновение собственности, денег, традиционных форм занятости населения, а также безотходное производство с применением экологических технологий и источников энергии, широкое использование искусственного интеллекта, роботов.

Субъектами такого общества становится поколение Z, (рождение после 1995 г.), живущее с виртуальной реальностью, клиповым сознанием, мониторингом больших объемов информации и не являющееся носителем общечеловеческих духовно-нравственных принципов, этнонациональных и патриотических традиций.

«Сейчас мы, люди всего Мира, достигли такого состояния, когда разрушающее начало может стать безнадежно сокрушительным»². Так выдающийся уче-

¹ Capital Hors-Série N°55 du 06 juin 2019 // ePresse [Electronic resource]. URL: <https://www.epresse.fr/magazine/capital-hors-serie/2019-06-06> (accessed: 12.12.2019).

² Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. С. 205.

ный, математик и философ прошлого века, автор фундаментального исследования «Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности» В.В. Налимов увидел лицо глобального мира. Нельзя не согласиться с этим с целью рефлексии обеспечения защиты человека и личности. В нашей диссертации мы проектируем следующий путь.

Личностное конституирование, развитие личностных качеств – автономии, ответственности, рефлексивности, инициация творческого начала личности, формирование духовно-нравственных ориентиров, а также эвдемонизм, восхождение к биофилии, представляются нам реалистичным и адекватным способом самозащиты в условиях наступления и господства цифровой эры.

Ветвью проблемы отчуждения, которая сопровождает становление цифрового общества является гедонизм, о котором мы размышляли в первой главе. Гедонизму, как смысложизненной позиции личности и её ценностного ориентира, противоположен эвдемонизм. Гедонистически и потребительски ориентированному обществу цифрового мира противостоит ориентация на ценности эвдемонизма. В философской этике эвдемонизм предстает как учение о стремлении человека к счастью, блаженству, процветанию. Счастье – ощущение «наполненности» жизни, возникающее как следствие реализации собственного индивидуального, личностного потенциала. Счастье – это высшее благо и смысл жизни. Нравственная составляющая эвдемонизма – в стремлении человека к своему подлинному предназначению, когда цель достижения счастья отождествляется с добром. Эвдемонизм ориентирует человека иметь «истинное Я» и этическую позицию – жить соответственно.

Идущая от древнегреческих мыслителей концепция эвдемонизма связана с реализацией человеком уникальных достоинств и добродетелей («дэймона», с лат. «гений») в соразмерных видах деятельности (творческой, профессиональной и т.д.). Эвдемонизм – производная от концепции «Познай самого себя». Разновидности звучания этой концепции: «Определись в своем жизненном предназначении», «Стань тем, кто ты есть», «Выбери себя». В контексте суждения «Человек –

мера всех вещей», познающий и знающий себя (своего дэймона) человек (или человечество), способен самостоятельно, автономно определять ценность как внешнего, окружающего мира, так и быть личностно состоявшимся, ответственным за конституирование себя, как хозяина своей судьбы.

Эволюция взглядов на эвдемонизм позволяет современным междисциплинарным исследованиям сопоставлять его с состоянием психологического благополучия, которое в свою очередь составляет субъективную сторону такого дескриптора жизни как «качество жизни». Эвдемонистическая концепция исследования психологического благополучия восходит к Аристотелю, Вольтеру, Гольбаху, Дидро, Монтеню, Сенеке, Спинозе, Фоме Аквинскому, Л. Фейербаху, Н. Чернышевскому и др.

Исследование психологического благополучия здесь предполагает зависимость благополучия человека от реализации его собственного потенциала в обществе¹. Психологическое благополучие декодирует в человеке его личностное конституирование. Начиная с середины XX в., так называемая позитивная психология стала изучать феномен психологического благополучия, связав его не с адаптацией, а с потенциалом человека, функционированием, которое обеспечивает позитивную идентичность.

В современном психологическом дискурсе эвдемонистически ориентированное толкование смысла жизни «трансцендирует» над повседневностью, превышает значимость повседневности. Смысл жизни инициирует самореализацию личности и осмысленность своей жизни². Для повышения психологического благополучия необходимо раскрытие способностей к взаимной коммуникации, к эм-

¹ Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality // *Journal of Research in Personality*. 1985. № 9 (2). P. 109–134; Ryff C.D. Happiness is everything of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. № 59. P. 1069–1081.

² Созонтов А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // *Вопросы психологии*. 2006. № 4. С. 105–114; Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // *Психологический журнал*. 2000. № 21 (2). С. 40–48; Фоломеева Т.В., Серегина И.И. Социальные представления о благополучии // *Мир психологии*. 2004. № 3. С. 122–132.

пации, гармонии с Другим, к реализации личностного потенциала, к позиционированию собственных смыслов жизни.

Стоит согласиться с психологами в том, что понятие «психологического благополучия» выражает внутреннюю целостность человека, позитивную идентичность, самосогласованность. Феноменологически психологическое благополучие говорит о состоянии, в котором доминируют положительные эмоции, выстроены доверительные взаимоотношения, происходит осознание жизненных смыслов, высокая степень самопринятия и позитивная мотивация¹.

Если в цифровом обществе человек теряет или уже потерял эвдемонистическое чувство, заменив его на гедонистические ценности, можно предположить, что начала проявляться нечеловекомерная картина мира, где человек потерял ориентир быть «мерой всех вещей», быть хозяином своей жизни, а стал инструментом, заложником, плеем цифрового мира, вспаханного абсолютизацией роли цифровых технологий.

Путем и способом самозащиты личностного развития в условиях цифровой экспансии служит такая смысложизненная установка и чувство, как биофилия, о которой подробно шла речь в первой главе. В культурологических и философских источниках часто встречается вывод о том, что в существовании человека есть такое начало, которое заставляет его веками подыматься на борьбу со злом. Врожденное существование доброго начала – причина этого. Как утверждают некоторые генетики, в наследственной природе человека заложено то, что влечет его к справедливости и самоотверженности².

Хранители наследственных задатков гуманности, как полагает выдающийся отечественный генетик В.П. Эфроимсон, определяют прогресс человечества. Именно эти задатки не дают прогрессу приобрести внечеловечески-

¹ Водяха С.А. Предикторы психологического благополучия студентов // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 70–74; Воронина А.В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 3. С. 142–145.

² Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998. С. 438–442.

механистический облик. Как показывает история, «...идеология, противоречащая человеческой совести, для своего поддержания нуждается в таком мощном чиновничье-шпионско-полицейско-военном аппарате подавления и дезинформации, при котором очень затруднен подлинный накал свободной коллективной мысли, необходимой для самостоятельного прогресса»¹.

Если вспомнить Протагора, то в своем сочинении «Истина» он писал: Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, а не существующих, что они не существуют. Философский «перевод» этого умозаключения, или герменевтика, здесь говорит о том, что уходя в мир абстракций, человек не должен отказываться от своего психического мира, как-то: от чувственности или чувственного опыта, который порождает соответствующие суждения о мире. Человеческий опыт – единственный свидетель, удостоверяющий мир. Во время античного знания о космосе Протагор не мог ведать о том, что современный человек в своей претензии стать сверхчеловеком так расширил свое сознание, что стал отказываться от традиционных норм гуманизма в эпоху глобализма.

Современный человек, вооруженный продуктами технологического прогресса (искусственный интеллект, робототехника и т.д.), за счет доступности к знаниям в сети², сопровождаемый снижением способности к запоминанию, синдромом дефицита внимания³, низких показателей в решении силлогизмов, когнитивными искажениями, приобрел оскудение своей чувствительности и сужение способности к абстрактному мышлению, анализу, творчеству. Успехи в техноразвитии компенсировали утрату живой связи с природой, и миром, и с самим собой.

О шизоидном разрыве в идентификации в себе человеческого, как последствиях технологического принуждения, пишет В.И. Самохвалова: «Он (человек) становится как бы более рациональным (однако на самом деле лишь более плоско

¹ Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма// Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998. С. 465.

² Fisher M., Goddu M.R., Keil F.C. Searching for Explanations: How the Internet Inflates Estimates of Internal Knowledge // Journal of Experimental Psychology. 2015. V. 144. № 3. P. 674–687.

³ Карт Н. Пустышка: Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб.: Бест Бизнес Букс, 2012. 256 с.

прагматичным), но в то же время и более беспомощным в общении с непривычным, он становится недоверчив и в то же время более внушаем и подвержен воздействию искусственных новых мифов, ибо его рациональность не воспитана методичной умственной работой, а приобретена в функциональном общении с конкретными и исчислимыми вещами. Он как бы всё больше знает, но оказывается всё более невежественным. Он утратил знание о себе, но сам самоуверенно счел себя именно в этом качестве центром мироздания»¹. Следует согласиться с автором в том, что всё это напоминает бред Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского.

¹ Самохвалова В.И. Безобразное: размышления о его природе, сущности и месте в мире (К феноменологии, метафизике, методологии понимания). М.: МАКС Пресс, 2010. С. 575–576.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам диссертационного исследования можно заключить о решении тех задач, которые вместе с целью были поставлены в диссертации.

Основная цель диссертации состояла в том, чтобы провести философский анализ проблемы человеческого конституирования и личностного самоопределения, сопряженной с цифровым принуждением в мире риска.

Цель исследования была продиктована наличной проблемой, а именно пониманием того, что в цифровом мире риска человек сталкивается с амбивалентной онтологической и гносеологической проблемами. С одной стороны, цифровой человек вовлечен в масштабное технологическое поглощение всех сфер своей жизни. С другой – его рефлексующее мышление указывает на проблемные зоны, разрушительные последствия, риски подавления естественного искусственным, чрезмерного влияния цифровых технологий на начала и границы человеческого в его гуманитарном измерении, а также на риски симулятивного существования человека. Наличие такого праксиса и антропологического контура таких проблем как отчуждение, одиночество, праздность (досуг), утрата биофилии и здоровья, киберзаболевания указывают на тренд восхождения к новым рискам бытия, их принудительному и добровольному принятию. Человеческое конституирование и личностное самоопределение, инициированные рискофобией и рискофилией, клиповым сознанием и сетевой идентичностью в цифровом мире риска, становятся проблематичными.

Разработка данной философской проблемы позволила: уточнить антропологического плана риски по изучению условий самоопределения, способов и моделей личностного конституирования в цифровую эпоху; различать риски потери человеческого капитала и в гуманитарной проекции просмотреть возможности самопреобразования человека в цифровом мире; обозначить наличные антропологически инициированные социальные и личностные проблемы цифровизации человека; выявить в перспективе понятийного сознания потенциал и ограниченность клипового сознания современника; в проекции риска оценить последствия

технологического принуждения для здоровья и выживания человека; определить-ся в тех качествах человека, которые способны сохранить личностный статус, а также идентифицировать границы таких личностных измерителей человека как автономия, свобода и ответственность; раскрыть пути саморазвития и способы самозащиты в множественных глобальных коммуникациях.

Для решения проблемы были выделены следующие задачи: с помощью современного философского и междисциплинарного дискурсов обосновать рискогенную природу антропологического бытия; эксплицировать риски потери человеческого капитала в цифровом мире; в призме концепций совершенствования и возвышения человека (самопознание, космизм, евгеника, трансгуманизм, постгуманизм) выявить последствия и деструктивные риски дегуманизации применения и фетишизации цифровых технологий (искусственного интеллекта, роботизации), придания им антропоморфного статуса; раскрыть антропологического уровня социальные и личностные проблемы, инициированные рискогенными коммуникациями в цифровой реальности; идентифицировать рискофобию и рискофилию как ценностные приоритеты и особенности поведения человека и как последствия технологического принуждения; выявить риск-факторы формирования клипового сознания и сетевой идентичности для человеческого конституирования; аргументировать ограничения и потерю границ автономии, свободы и ответственности личности в цифровом мире риска; очертить траекторию личностного самоопределения и конституирования в мире цифры.

Итоговые выводы диссертации базируются на принципах социально-философского и общенаучного и междисциплинарного познания, диалектический, системный, феноменологический, герменевтический методы. Философско-методологической основой диссертационного анализа выступает взаимосвязь теоретического и эмпирического уровня познания. Проблема человеческого конституирования и личностного самоопределения раскрываются в философско-антропологическом контексте.

В диссертации проведен анализ философских и междисциплинарных подходов к риску. В рискологии различаются как положительные, так и отрицательные коннотации риска. Он не редуцируется лишь к опасности или угрозе, а различается как норма. В условиях поздней современности проблема сосуществования с рисками является главной проблемой повседневной жизни и практик. Нами сделан вывод о том, что риск – атрибутивный признак антропологического бытия, а также мобилизующая сила в социальном и личностном развитии, направленная на перемены в будущем и стремящаяся преодолеть традиционные способы жизни. Восхождение к рискам в антропологическом бытии определяется объективными реалиями и противоречиями современной эпохи, нелинейной социокультурной динамикой, сложной самоорганизацией социума.

В диссертации сделан вывод о рисках потери человеческого капитала в цифровую эру общества риска. Под человеческим капиталом в диссертации понимаются те персонифицированные способности, навыки, компетенции, знания, опыт, активная самостоятельность, которые инициируют создание личного и социального благополучия в проекции качества жизни.

Главным вызовом развитию человеческого капитала в цифровой реальности является скорость трансформации антропо-социо-технологической реальности, когда возникает риск замены человека машиной, превращения его в средство жизнедеятельности. Логика совершенствования машин делает человека ненужным как человека.

Составляющими такого вызова выступают следующие риски: 1) абсолютизация роли современных технологий, в том числе искусственного интеллекта и робототехники, для накопления человеческого капитала как когнитивных и других способностей, знания, опыта, активной самостоятельности, которые инициируют создание личного и социального благополучия в проекции повышения качества жизни, личностного воспроизводства и конституирования; 2) абсолютизация понятий «цифра», «число», «количество» и редукция к ним человеческого бытия; 3) потеря техногуманитарного баланса в глобальном мире с риском заме-

ны человека машиной, превращения его из хозяина жизни в средство; 4) минимизация социогуманитарных источников накопления человеческого капитала за счет потери понятийного сознания, персональной идентичности и личностных атрибуций (автономии, свободы, ответственности).

Автор диссертационного исследования пришел к выводу о радикальной трансформации человека с помощью современных технологий, влекущей как положительные риски, которые потенцируют социальную эффективность и развитие человека вместе с расширением гуманитарности, так и деструктивные риски, которые разрушают социальный опыт и влекут дегуманитарные эффекты. Только в контексте ответов на вопросы: как понимать сегодня социальное, какова роль социальных факторов в «деле» изменения природы человека, поглощает или нет социальное самостность человека, его личностную автономию, каковы пределы социального управления – возможно усмотреть положительные или отрицательные риски восхождения к идиоме его совершенствования в контексте развития гуманитарного знания.

Среди выводов работы – понимание того, что в «цифровом» формате антропологического и социального бытия праздность манифестирует о социально-исторической форме отчуждения, когда человек становится чужд своей собственной деятельности, самому себе. Образы праздности, досуга используются сегодня, чтобы создать видимость преодоления отчужденного труда. Это дает возможность дальнейшей, более эффективной эксплуатации работника, который занят непрерывной «самореализацией». Праздность, досуг, свободное время фетишизируются и становятся способом продуктивного использования всех жизненных сил человека на основе различных сценариев мнимого наслаждения досугом. Гедонизм – составляющая праздности, одиночества, отчуждения. За счет новейших цифровых технологий происходит патологическое стремление к наслаждениям, что подтверждается выбором ценностей, ориентированных на бесконечное потребление. Гедонистическая персонализация подавляет нормы социализованности, традиционные консервативные ценности общего блага, патриотизма, гражд-

данственности, семейственности и т.д. Личностное бытие гедонизма обнаруживает себя как себя как подделка, фальшивка, имитация и т.д.

Сегодня в философском и междисциплинарном дискурсах выделен социальный тип Человека риска, который представляет парадоксальный синтез рискофобии и рискофилии, как неоднозначного последствия генерации сложных рисков, производитель которых – глобализация. В работе делается вывод о том, что продукты цифровой технологизации, искусственного интеллекта, технологическая программа по улучшению «качеств» человек (нейроинтерфейс или Блокчейн) инициируют рискофобию и рискофилию. Они – результирующая умаления самой субъективности человека как единственности, уникальности, неповторимости. Индивидуальная субъективность заменяется отформатированной общей коллективной субъектностью и идентичностью. Интеллект, как составляющая сознания и психической реальности, редуцируется до своей распределительной функции. Интегративное, опытное знание, единая база данных усекаются до множества подзадач. Это нарушает синхронизацию для умозаключения как вершины логического мышления. Происходит подмена смысловой функции, порождаемой общением, на коммуникативное взаимодействие. Все это влечет к появлению «сетевого» сознания и мышления.

В диссертационной работе автор приходит к выводу о том, что формирование клипового сознания и сетевой идентичности в цифровом мире влекут множество рисков. При позитивной возможности решения многозадачных ситуаций, выстраивания защиты от инфоперегрузки обнаруживается неспособность анализировать явления действительности, беззащитность перед манипуляцией, утрата живого общения и чувства биофилии. Сетевая идентичность, как продукт клипового сознания и цифрового принуждения, позволяет заниматься саморежиссированием или виртуальной самопрезентацией в «самоидентификационной среде», но происходит это за счет упрощенной «социализации», новых способов экспериментирования с собой и другими, что трансформирует традиционные социаль-

ные идентификации (гражданская, этнонациональная и др.) и порождает виртуальную личность без чувства ответственности за этот процесс.

В работе дается характеристика клипового мышления и сознания, как противоположных понятийному мышлению и сознанию, которые дают восприятие целостности мира, укоренены в логику (понятия, суждения, умозаключения), извлекают логику из со-бытия. Носителем понятийного сознания является личность, укорененная самостью, автономией, свободой, ответственностью, личностным самоопределением и конституированием.

Наличие цифровых технологий способствует ограничению свободы самополагания и самоопределения по причине потери функции контроля над информацией. Контролирует степень свободы техническое устройство, как «правообладатель» всей информацией о сетевом пользователе. Это изменяет границы интимного, частного в пользу социального, публичного, внутреннего – в сторону внешнего. Форматирование цифровой идентичности, когда она редуцируется до набора пин-кодов и компьютерных фреймов, когда она становится парадоксальной, эклектичной, фрагментарной, шизоидной говорит об операциональной примитивизации коммуникативных практик, об утилитаризации социальных отношений, о деиндивидуализации человека. Сетевое отчуждение – результат потери свободы, как контроля над границами самоопределения, автономии. Через информационное отчуждение происходит коррозия социальной ориентации личности, ее оценки своего места и роли в социальной интеракции.

В последней части диссертации проблематизируется тема человеческого конституирования и личностного самоопределения человека в цифровой реальности. Под личностным самоопределением в цифровом обществе риска понимается авторская позиция, самодетерминация, выбор и осознание своих смысложизненных приоритетов, целей и ценностей, исходящих из границ своей субъектности, утверждения себя как личности в условиях экспансии цифрового мира и технологического принуждения

Виртуализация общественной жизни, обусловленная созданием единой инфотехносферы и компьютерных сетей, существенно изменяет условия и способы личностного самоопределения. С одной стороны, дается импульс для раскрытия творческого потенциала личности, расширения её свободы и ответственности, с другой – виртуальная личность предстает со своей безличностью, преломленной самоидентичностью, с потерей традиционных социальных идентификаций, с ограничением степеней свободы, неадаптированной к реальной действительности. Развитие личностных качеств – автономии, ответственности, рефлексивности, понятийного сознания, инициация творческого начала личности, формирование духовно-нравственных ориентиров, а также эвдемонизм как траектория развития, восхождение к биофилии, забота о здоровье представляются нам реалистичным и адекватным способом самозащиты личности в условиях рисков господства цифровой эры.

Цифровая эпоха рисков порождает новейшие риски. Цифровизация, взятая в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом измерениях, не может разрешить фундаментальные проблемы человеческой жизни, социального и личностного бытия, экзистенциального существования. Проект «цифровизации» имеет лишь прикладное значение: с одной стороны, он облегчает человеческое существование в плане использования технологий для обеспечения «комфортности» и «безопасности» в наше время. С другой – усугубляет решение «вечных» проблем с имманентными рисками. Никакое общество до настоящего времени не искоренило пороки и грехи человеческой природы – гордыню, зависть, тщеславие, чревоугодие, ложь, агрессию, насилие. Наоборот, с помощью сетевого мира, цифровых коммуникаций «тлетворность» так называемого «безобразного» возросла в разы. Игра случайностей, о которой писал А. Эйнштейн, стала рефлексироваться в нашем мире как признание безудержного роста несчастных случаев: как результата случайных факторов, так и неправильно принятых решений по вине самих людей. Надеяться, что человек будет заниматься творческой самореализацией в

будущем роботизированном мире, значить потерять чувство реалистичности и верить в очередную утопию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Августин А. Исповедь. М.: Азбука-классика, 2014. – 400 с.
2. Авербух Н.В. Психологические аспекты феномена присутствия в виртуальной среде // Вопросы психологии. – 2010. – № 5. – С. 105–113.
3. Агамбен Дж. Нагота. – М.: Грюндриссе, 2014. – 204 с.
4. Алексеев А.Ю. Комплексный тест Тьюринга: философско-методологические и социокультурные аспекты. – М.: ИИнтелЛ, 2013. – 304 с.
5. Алексеев А.Ю. Проблема Другого в компьютерных коммуникациях // Философские науки. – 2008. – № 6. – С. 114–136.
6. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М.: Мысль, 1989. – 192 с.
7. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. – 352 с.
8. Арора П. Фабрика досуга: производство в цифровой век // Логос. – 2015. – Т. 25. – № 3. – С. 88–119.
9. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФРАН, 2003. – 203 с.
10. Баева Л.В. Виртуальная коммуникация: особенности и этические принципы // Философские науки. – 2015. – №. 10. – С. 95–110.
11. Баева Л.В. Теория экзистенциалов М. Хайдеггера и М. Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // Вопросы философии. – 2019. – № 4. – С. 24–33.
12. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М: Логос, 2005. – 390 с.
13. Бауман З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
14. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
15. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80–160.

16. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. – М: Прогресс-Традиция, 2007. – 464 с.
17. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
18. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Риск, неопределённость, случайность.– 1994. – Вып. 5. – С. 161–168.
19. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
20. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Вып. 1. – С. 24–40.
21. Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Пространство, наделенное Другими [Электронный ресурс]. URL: http://ru-cyberpsy.blogspot.com/2011/02/blog-post_2592.html (дата обращения: 24.12.2019).
22. Бескаравайный С.С. Бытие техники и сингулярность. – М.: РИПОЛ Классик, 2018. – 476 с.
23. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
24. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
25. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М: AD Marginem, 2000. – 319 с.
26. Бриньолфсон Э., Макафи Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 320 с.
27. Бродский И. Колыбель Трескового мыса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.askbooka.ru/stihi/iosif-brodskiy/kolybelnaya-treskovogo-mysa.html> (дата обращения: 24.12.2019).
28. Бубер, М. Я и Ты. – М.: Изд-во Высшая школа, 1993. – 176 с.

29. Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. – 2016. – № 6. – С. 47–55.
30. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2003. – 448 с.
31. Ваганов А. Искусный интеллект. Кибернетические устройства приобретают все психические признаки личности [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/nauka/2019-10-22/9_7708_intellect.html (дата обращения: 03.12.2019).
32. Вахштайн В.С., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг // Логос. – 2019. – № 1. – С. 1–26.
33. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 366 с.
34. Веретенников Н.Я. Личностное самоопределение в русском духовном опыте: функционально-контекстуальный подход: автореф дис. ...д. филос наук: 09.00.13. – Саратов, 2007. – 42 с.
35. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
36. Виноградова О.А., Углева (Ястребцева) А.В. Рождение идеи perfectibilité: от Просвещения к трансгуманизму // Философские науки. – 2019. – Т. 62. – № 4. С. 113–131.
37. Водолагин А.В. Волюнтативная теория психики // Вопросы философии. – 2014. – № 1. – С. 140–142.
38. Водяха С.А. Предикторы психологического благополучия студентов // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 1. – С. 70–74.
39. Войскуновский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 98–121.
40. Воронина А.В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 142–147.

41. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Сочинения: в 14 т. – М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 4. – 440 с.
42. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
43. Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.
44. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – Вып. 5. – С. 107–134.
45. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
46. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. – М.: Проспект, 2018. – 256 с.
47. Гиренок Ф.И. Основные принципы дигитальной философии // Философия хозяйства. – 2018. – № 6. – С. 133–139.
48. Гиренок Ф.И. Философия хозяйства и антропогенез // Философия хозяйства. – 2018. – № 2. – С. 123–129.
49. Гиренок Ф.И. Что такое человек? / Ф.И. Гиренок // Философия хозяйства. – 2016. – № 6. С. 165–174.
50. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. Д.И. Дубровского. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013. – 272 с.
51. Горохов В.Г. Наноэтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 33–49.
52. Гречко П.К. Онтометодологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 312 с.
53. Грицанов А.А. Одиночество // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 1999. – С. 485.
54. Григорий Нисский. Об устройении человека СПб.: Аксиома., 1995. .– 174с;

55. Гуманитарная экспертиза современного состояния системы высшего образования в России: монография / Э.М.Сороко, В.Г.Буданов, И.А. Асеева, Е.Г.Каменский, Е.И. Боев, П.Ф.Кравчук; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2014. – 140 с.
56. Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с.
57. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека (К 80-летию проф. П.С. Гуревича). – СПб.: Издательство Петроглиф, 2013. – 482 с.
58. Давыдов Д.А. Личность, свобода творчества и отчуждение // Человек. – 2019. – Т. 30. – № 1. – С. 45–65.
59. Дейк К., Вилдавски А. Теории восприятия риска: Кто боится, чего и почему? // THESIS. THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Риск, неопределённость, случайность. – 1994. – № 5. – С. 268–276.
60. Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал. – 2000. – № 21(2). – С. 40–48.
61. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. – М.: Прогресс, 1978. – 333 с.
62. Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – 208 с.
63. Дьяченко О.Н. Конституирование человеческой личности в эпоху патристики / Гуманитарные исследования, 2018. № 1(18). – С. 33-36.
64. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, назначение. – М.: Терра-Книжный клуб, 2008. – 615 с.
65. Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г. История и философия науки. Курск, 2019. – 276с.
66. Евстифеева Е.А. Феномен веры: автореф. дис. ...доктора филос. наук. – М., 1995. – 26 с.

67. Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. – М.: Канон+, 2018. – 360 с.
68. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. –2016. –№ 8. – С. 115–125.
69. Ершова Р.В. Цифровое поколение: между мифом и реальностью // Философские науки. – 2019. – № 2. Т. 62. – С. 96–108.
70. Ефимов А.Р. Снятся ли чат-ботам андройды? Перспективы технологического развития искусственного интеллекта и робототехники // Философские науки. – 2019. – Т. 62. – № 7. – С. 73–95.
71. Ефремов С.Б. Тип коммуникаций между водителем и автомобилем, основанный на дополненной реальности: новый тренд в построении интеллектуальных транспортных систем / С.Б. Ефремов // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – № 1. – С. 6–14.
72. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. – М.: Джангар, 2012. – 864 с.
73. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 5. – С. 35–47.
74. Запесоцкий А.С., Марков А.П. На пороге кардинальной трансформации. Размышления над материалами Лихачевских чтений // Человек. –2018. – № 5. – С. 40–53.
75. Зинченко Ю.П. Психология виртуальной реальности. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – 360 с.
76. Зотов В.В, Каменева Т.Н. Социокультурный риск: понятие и классификация //Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Материалы международной научно-практической конференции (г. Белгород, 19-20 ноября 2015г /Отв.ред. Ю.А Зубок – Воронеж:ООО ПД, 2015.- С. 392-396.

77. Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войскунский, А.Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 2 (4). – С. 64–71.
78. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 57–67.
79. Иванов Вяч. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория. – М.: Искусство, 1995. – 669 с.
80. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – 992 с.
81. Ильин В.В. Философия: учебник. – М.: Проспект, 2019. – 480 с.
82. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. – М.: Изд-во Московского университета, 1995. – 254 с.
83. Интервью с ректором НИУ ВШЭ Ярославом Кузьминым // Поиск. – 2018. – № 51 (1541). – С. 5.
84. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. Т. 4. ч. 2. – 438 с.
85. Карр Н. Пустышка: что Интернет делает с нашими мозгами. – СПб.: Бест Бизнес Букс, 2012. – 256 с.
86. Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вестник Российской Академии Наук. – 2005. – № 11. – С. 1028–1037.
87. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 590 с.
88. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 324 с.
89. Кемеров В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С. 3–13.

90. Кемеров В.Е. Отчуждение // Социальная философия: Словарь / сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. – М.: Академический Проект, 2003. – С. 293.
91. Кемеров В.Е. Само // Социальная философия: Словарь / сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. – М.: Академический Проект, 2003. – С. 393.
92. Керимов Т.Х. Конституирование // Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophydic.ru/konstituirovaniie> (дата обращения: 07.05.2018).
93. Кестлер А.К. Дух в машине // Вопросы философии. –1992. – № 3. – С. 93–122.
94. Ковалев А.И., Меньшикова Г.Я., Климова О.А., Барабанщикова В.В. Содержание профессиональной деятельности как фактор успешности применения технологий виртуальной реальности // Экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8. – № 2. – С. 45–59.
95. Кокорин А.А. Философский алгоритм познания: содержание и практические возможности. – М.: Издательство МГОУ, 2013. – 322 с.
96. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 638 с.
97. Кондорсе Жан Антуан // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 1991. – С. 200.
98. Кондорсе, Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М.: Либроком, 2010. – 233 с.
99. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
100. Кравченко С.А. Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. – М.: Проспект, 2013. – С. 13–20.
101. Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. – 2017. – №2. – С. 3–13.

102. Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности: монографи. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 306 с.
103. Криман А.И. Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // Философские науки. – 2019. – № 62 (4). – С. 132–147.
104. Кузнецов В.Г. Словарь философских терминов. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 745 с.
105. Кульков В.М. Цифровой фетишизм // Философия хозяйства. – 2019. – № 4. – С. 109–116.
106. Кьеркегор С. Несчастнейший [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kxerkegor_s/text_0030.shtml (дата обращения: 03.12.2019).
107. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
108. Лагун И.Я. Причинность шизофрении. – Липецк: Ориус, 2008. – 345 с.
109. Лебедева Н. Почему выдохлась критика праздного класса? Реалии фактические и дискуссионные // Логос. – 2019. – № 1. – С. 27–51.
110. Лекторский В.А. Возможно ли постчеловеческое будущее // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. – М.: ЛЕНАНД/URSS, 2012. – С. 29–35.
111. Лем С. Сумма технологии. – М: АСТ, 2018. – 640 с.
112. Лем С. Сумма технологий // Собрание сочинений. – М.: Текст, 1996. Т.13. – 463 с.
113. Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. – М.: Когито-Центр, 2016. – 130 с.
114. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Когито-Центр, 2010. – 255 с.
115. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 336 с.

116. Лисенкова А.А. Философия агрессии в цифровую эпоху // *Философские науки*. – 2017. – № 6. – С. 137–147.
117. Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации. – М.: Левь, 2013. – 212 с.
118. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 679 с.
119. Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. – М.: АСТ, 2000. Т. 8. кн. 2. – 676 с.
120. Луман Н. Понятие риска // *Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. – 1994. Вып. 5. – С. 136–160.
121. Луман Н. Реальность массмедиа. – М: Праксис, 2005. – 256 с.
122. Майбуров И. Эффективность инвестирования и человеческий капитал в США и России // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2004. – № 4. – С. 3–13.
123. Майкова Э.Ю. Социально-философская концепция автономии личности: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11. – М., 2016. – 259 с.
124. Майкова Э.Ю. Социально-философская концепция автономии личности: автореф. дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11. – М., 2015. – 40 с.
125. Малахов В.А. Философия и время: вектор сопротивления // *Вопросы философии*. – 2011. – № 1. – С. 49–59.
126. Мамедова Э.М. Социальные фигуры зависти // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: «Философия». – 2016. – № 3. – С. 87–88.
127. Манульский М.А. Архитектоника идентичности // *Человек*. – 2018. – № 4. – С. 32–42.
128. Марков М.А. О единстве и многообразии форм материи в физической картине мира // *Наука и жизнь*. – 1982. – № 7. – С. 3–10.

129. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. – М.: Академ. проект, 2010. – С. 303–359.
130. Мартьянов Д.С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – Т. 10. – № 4. – С. 142–160.
131. Материалисты Древней Греции / Общ. ред. М.А. Дынника. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 240 с.
132. Маяцкий М. Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. – 2015. – Т. 25. – № 3. – С. 72–87.
133. Медведев С.В. Актовая лекция. Скрытые звенья мозговых систем // Научные труды «II объединенный научный форум. VI съезд физиологов СНГ. VI съезд биохимиков России. I X Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габибова, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 18–21.
134. Менегетти А. Психосоматика. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. – 318 с.
135. Микешина Л.А. Категоризация [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/encyclopedia/> (дата обращения: 14.12.2019).
136. Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 85–94.
137. Можейко М.А. Автор // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. научн. ред и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, 2002. – С. 12.
138. Молчанов К.В. О начинании проекта «Капитал – 2» // Философия хозяйства. – 2019. – № 3. – С. 148–162.
139. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М.: ИФРАН, «Канон+», 2010 – 480 с.

140. Мотрошилова Н.В. Феноменология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 4. – С. 175–178.
141. Назарчук А.В. Мультикультурализм в сетевом обществе // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – №1(107). – С. 108–112.
142. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – Вып. 5. – С. 12–28.
143. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. – М: Изд-во «Дело», 2003. – 355 с.
144. Налимов В.В. Спонтанность сознания. – М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. – 288 с.
145. Наточин Ю.В. Целостность // Журн. высшей нервной деятельности. – 2018. – Т. 68. – № 6. – С. 775–787.
146. Наточин Ю.В. Гомеостаз // Успехи физиологических наук. – 2017. – Т. 48. – № 4. – С. 3–15.
147. Наточин Ю.В. Физиология: современность и классика // Научные труды «II объединенный научный форум .VI съезд физиологов СНГ . VI съезд биохимиков России .IX Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габибова, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 3–6.
148. Научные труды «II объединенный научный форум .VI съезд физиологов СНГ . VI съезд биохимиков России .IX Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габибова, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. – М.: Издательство «Перо», 2019. – 198 с.
149. Недель А.Ю., Самохвалов В.П.. Шизофрения: болезнь мозга, болезнь сознания, болезнь духа? (Диалог психиатра с философом) // Человек. – 2019. – № 1. – С. 73–101.

150. Нестик Т.А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Издательский дом ЯСК, 2018. – С. 213–225.
151. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – 402 с.
152. Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // *Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития*. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – С. 698–713.
153. Немесий Эмесский. О природе человека. М.: М.: «Канон+», РООИ «реабилитация».2011. – 464с.
154. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – СПб.: Азбука, 1996. – 333 с.
155. Новак М.В. Праздные субкультуры общества потребления // *Наука. Искусство. Культура*. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 115–120.
156. Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
157. Орбели Л.А. Основные задачи и методы эволюционной физиологии // *Избранные труды: в 2 т.* – М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. – С. 59–68.
158. Осипов Ю.М. Большая игра – российский миттельшпиль – «русская рулетка» // *Философия хозяйства*. – 2018. – № 6. – С. 11–24.
159. Осипов Ю.М. Экономика и цифра: кто кого // *Философия хозяйства*. – 2018. – № 2. – С. 11–18.
160. Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2008. – Т. 5. – № 1. – С. 77–100.
161. Писарев А. Пинки и Брейн опять захватывают мир: генеалогия и включения церебрального субъекта // *Логос*. – 2018. –Т. 28. – № 5. – С. 299–311.
162. Платон. Государство. Законы. Политика. – М.: Мысль, 1998. –798 с.

163. Платон. Диалоги / Пер с древнегреч., сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
164. Попов Е.В., Сухарев О.С. Движение к цифровой экономике: влияние технологических факторов // Экономика. Налоги. Право. –2018. – № 1. – С. 26–35.
165. Попова О.В. «Фантастические» перспективы развития гуманитарного знания в свете развития технологий усовершенствования человека // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 164–174.
166. Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. – 672 с.
167. Пржиленский В.И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2016. – 176 с.
168. Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 272 с.
169. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).
170. Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. – 2016. – № 6. – С. 32–46.
171. Ревонсуо А. Психология сознания. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.

172. Рикер П. Я-сам как другой. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
173. Рождение коллективного разума: о новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 288 с.
174. Розин В.М. Психическое заболевание как тренд развития личности и состояния культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 240 с.
175. Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. – М.: URSS, 2012. – 248 с.
176. Розин В.М. Феномен множественной личности: по материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». – М.: ЛИБРОКОМ, 2008. – 195 с.
177. Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – 440 с.
178. Романов Н.А. Клиповая культура в современном медиапространстве // Человек. Культура. Образование. – 2017. – № 3 (25). – С. 97–106.
179. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. – М.: Наука, 1969. – 704 с.
180. Самохвалова В.И. Безобразное: размышления о его природе, сущности и месте в мире (К феноменологии, метафизике, методологии понимания). – М.: БРИС-М, 2012. – 592 с.
181. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
182. Селигман М. Новая позитивная психология. – М.: София, 2006. – 337 с.
183. Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность:

- Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М.: Издательство «Весь мир», 2017 – С. 18–32.
184. Серёгин А.В. Два аргумента против гедонизма в платоновском «Горгии» // Этическая мысль. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 51–67.
185. Сергейчик Е.М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник СПбГУ. Сер.17. – 2016. – Вып. 1. – С. 63–71.
186. Скрипник А.П. Свобода воли [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01fe0f08825aa0b5a92b1bfd> (дата обращения: 12.12.2019).
187. Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Человек и «умная» техника: параллельная эволюция // Человек. – 2019. – Т. 30. – № 4. – С. 113–129.
188. Смирнова Н.М. Смысловые измерения субъективной реальности человека // Человек. – 2019. – Т. 30. – № 3. – С. 38–49.
189. Смыслова О.В., Войскунский А.Е. Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: феноменология и методы измерения // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 4. – С. 85–94.
190. Созонтов А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 105–114.
191. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2017. – 375 с.
192. Социальная философия: Словарь / сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. – М: Академический Проект, 2003. – 560 с.
193. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
194. Степанова А.С. Философия Древней Стои. – СПб.: Изд-во «КМ», 1995. – 272 с.
195. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

196. Сухарев О.С. Цифровые технологии: условие технологического замещения // Эргодизайн. – 2019. – №3. – С. 115–126.
197. Тагард П. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке // Логос. – 2014. – Т. 24. – № 1. – С. 35–60.
198. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с.
199. Тихонов Г.М. Феномен одиночества: теоретические и эмпирические аспекты: дис. ...д-ра филос. наук. – Ижевск, 2006. – 356 с.
200. Тищенко П.Д. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 81–102.
201. Тищенко П.Д. «Что такое человек?» Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. – 2018. – № 5. – С.5–17.
202. Тоффлер Э. Третья Волна. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
203. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
204. Труфанова Е.О. Социальный конструктивизм и исчезновение «Я»: критический анализ // Философские науки – 2016. – № 8. – С. 114–123.
205. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб: Алетейя, 2002. 680 с.
206. Тульчинский, Г.Л. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. – СПб: Алетейя, 2019. – 470 с.
207. Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация: Вызовы высшей школе // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 121–136.
208. Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М.: МБА, 2013. – С. 263–269.

209. Угрюмов М.В. Новая парадигма борьбы с нейродегенеративными заболеваниями на основе интегративной физиологии, превентивной и трансляционной медицины // Научные труды «II объединенный научный форум. VI съезд физиологов СНГ. VI съезд биохимиков России. IX Российский симпозиум «Белки и пептиды» / Под ред. Р.И. Сепиашвили, В.А. Ткачука, А.Г. Габиева, А.И. Григорьева, В.Т. Иванова, М.А. Островского. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 6–10.
210. Узланер Д. Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа // Логос. – 2016. – Т. 26, №6. – С. 189–218.
211. Уилсон Э.О. Биофилия: Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 304 с.
212. Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 535–539.
213. Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. – 2014. – Т. 24. – № 1. – С. 1–18.
214. Федоров Н.Ф. Философия общего дела [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/> (дата обращения: 10.12.2019).
215. Федотов И.А., Кукушкин С.В., Доровская В.А., Антошкин Я.А. I-Disorders – новые виды психических расстройств, связанные с использованием современных информационных технологий // Омский психиатрический журнал. – 2015. – № 4 (6). – С. 16–19.
216. Финн В.К. Искусственный интеллект: методология, применение, философия. – М.: Красанд, 2018. – 448 с.
217. Фишер Д.Ф., Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.
218. Фоломеева Т.В., Серегина И.И. Социальные представления о благополучии // Мир психологии. – 2004. – №. 3. – С. 122–132.

219. Франкл В.Э. Воля к смыслу / В.Э. Франкл. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. – 228 с.
220. Франкл В.Э. Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 240 с.
221. Фромм Э. «Дианетика»: искателям сфабрикованного счастья // Человек. – 1996. – № 2. – С. 54–59.
222. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 635 с.
223. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.
224. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: ООО «Издательство АСТ» ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с.
225. Фуллер С. От социальной эпистемологии к Humanity 2.0. Интервью // Логос. – 2018. – Т. 28. – № 5. – С. 1–30.
226. Хаббард Р.Л. Дианетика. Современная наука душевного здоровья. – М.: Воскресенье, 1999. – 564 с.
227. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2008. 417 с.
228. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М: Весь мир, 2003. – 416 с.
229. Хабибуллина З.Р. Человеческий капитал в креативной экономике: политико-экономический взгляд // Философия хозяйства. – 2019. – № 5. – С. 101–116.
230. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М: Республика, 1993. – 447 с.
231. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. – СПб.: Алетейя, 2000. – 290 с.

232. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. – Вильнюс: ЕГУ, 2012. – 406 с.
233. Харари Ю. Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синбанд, 2019. – 512 с.
234. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2018. – 496 с.
235. Харченко А.Ю. Конфигурация идентичности и риск ответственности в социальных практиках мобильности: автореф дис. ...к. филос. наук: 09.00.11. – М., 2018. – 24 с.
236. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. – СПб.: «Амфора», 2013. – 208 с.
237. Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. – М.: ЛЕНАНД/URSS, 2012. – 496 с.
238. Чижевский А.Л. Теория космических эр // К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский: калужские страницы русских космистов / Сост. Л.Т. Энгельгардт, А.В. Манакин. – Калуга: Гриф, 2007. – 305 с.
239. Шваб К. Технологии Четвёртой промышленной революции.– М.: Эксмо, 2018. – 320 с.
240. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
241. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. – С. 227–489.
242. Шипилов А.В. «Свои» и «чужие» в динамике: Пример Рима // Человек. – 2017. – № 3. – С. 77–91.
243. Шичанина Ю.В. Самоидентификация: интернет-форматы // Философские науки. – 2009. – № 10. – С. 45–58.
244. Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня [Электронный ресурс]. URL:

<http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1406-shneider52.html> (дата обращения: 10.12.2019).

245. Шпет Г.Г. Явление и смысл (Феноменология как основная наука и ее проблемы). М.: Гермес, 1914. 219 с.
246. Шулевский Н.Б. Заговор числа и судьба цивилизации // *Философия хозяйства*. – 2019. – № 4. – С. 23–35.
247. Эпштейн М.Н. *Философия возможного*. – СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с.
248. Эттингер Р. *Перспективы бессмертия*. – М.: Научный мир, 2003. – 264 с.
249. Эфроимсон В.П. *Родословная альтруизма // Гениальность и генетика*. – М.: Русский мир, 1998. – С. 438–442.
250. Юнг К.Г. *Архетип и символ*. – М.: Ренессанс, 1991. – 300 с.
251. Ясперс К. *Общая психопатология человека*. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.
252. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
253. Azevedo F.A., Carvalho L.R., Grinberg L.T. Equal numbers of neuronal and nonneuronal cells make the human brain an isometrically scaled up primate brain // *Journal of Comparative Neurology*. – 2009. – Vol. 513. – P. 532–541.
254. Bauman Z. *Collateral damage. Social inequalities in a global age*. – Cambridge: Polity Press, 2011. – 182 p.
255. Beck U. *World at risk*. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 269 p.
256. Bill Gates // *Stanford Institute for Human-Centered Artificial [Electronic resource]*. URL: [https:// hai.stanford.edu/events/2019-hai-symposium/people/bill-gates](https://hai.stanford.edu/events/2019-hai-symposium/people/bill-gates) (accessed: 15.08.2019).
257. Brooks R. *A Better lesson. Robots, AI, and other stuff [Electronic resource]*. URL: <https://rodneybrooks.com/a-better-lesson> (accessed: 12.12.2019).

258. Capital Hors-Série N°55 du 06 juin 2019 // ePresse [Electronic resource]. URL: <https://www.epresse.fr/magazine/capital-hors-serie/2019-06-06> (accessed: 12.12.2019).
259. Damasio A.R., Meyer K. Behind the looking glass // Nature. – 2008. – Vol. 454. – № 10. – P. 167–168.
260. Damasio A.R. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and Feeling Brain. – Orlando: Harcjuryt, 2003. – 368 p.
261. Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality // Journal of Research in Personality. – 1985. – № 9 (2). P. 109–134.
262. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. –1984. – № 95. – P. 542–575.
263. Dubrovsky D. The hard problem of consciousness. Theoretical solution of its main questions // Neuroscience. – 2018. – Vol. 6. – № 2. – P. 85–103.
264. Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and new materialisms: differences and relations // Existenz: An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts. – 2013. – Vol. 8. – № 2. – P. 26–32.
265. Fisher M., Goddu M.R., Keil F.C. Searching for explanations: how the internet inflates estimates of internal knowledge // Journal of Experimental Psychology. – 2015. – Vol. 144. – № 3. – P. 674–687.
266. Fornito A., Zalesky A., Bullmore E. Fundamentals of brain network analysis. – Cambridge: Cambridge Academic Press, 2016. – 476 p.
267. Friston K.J. Functional and effective connectivity: A Review // Brain Connectivity. – 2011. – Vol. 1. – P. 13–36.
268. Gabriel M. I am not a brain: philosophy of mind for the 21st century. – Malden: Polity, 2017. – 240 p.
269. Giddens A. Modernity and self-identity. – Stanford: Stanford University press, 1991. –264 p.

270. Goffman I. Stigma: notes on the management of spoiled identity. – N.Y.: Prentice-Hall, 1963. – 168 p.
271. Grafstein R. Gary S. Becker «Human Capital» (Book Review) // Journal of Business Ethics. – 1984. № 3 (000002). – P. 111.
272. Kendler K.S. Phenomenology of schizophrenia and the representativeness of modern diagnostic criteria // JAMA Psychiatry. – 2016. – № 73. – P. 1082–1092.
273. Minor K.S., Lysaker P.H. Necessary, but not sufficient: links between neurocognition, social cognition, and metacognition in schizophrenia are moderated by disorganized symptoms // Schizophr. Res. – 2014. – № 159. – P. 198–204.
274. Mohr L.K. Dancing through transformational music festivals: playing with leisure and art. – Edmonton: University of Alberta, 2017. – 134 p.
275. Neurocultures: Glimpses into an expanding universe / Ed. by F. Vidal, F. Ortega. – N.Y.: PeterLang, 2011. – 360 p.
276. Nintendo switch is headed to school // CNN Business [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/23/tech/nintendo-labo-switch-education-classroom/index.html> (accessed: 13.12.2019).
277. Purdy M., Daugherty P. Why Artificial intelligence is the future of growth [Electronic resource]. URL: https://www.accenture.com/t20170524t055435__w__ca-en/_acnmedia/pdf-52/accenturewhy-ai-is-the-future-of-growth.pdf (accessed: 12.12.2019).
278. Rose N., Abi-Rached J.M. Neuro: The new brain sciences and the management of mind. – Princeton: Princeton University Press, 2013. – 352 p.
279. Ryff C.D. Happiness is everything of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – № 59. – P. 1069–1081.
280. Shaw I.G.R. Robot wars: US Empire and geopolitics in the robotic age // Security Dialogue. – 2017. – Vol. 48. – № 5. – P. 451–470.

281. Shoham Y. The AI Index 2018 Annual Report [Electronic resource]. URL: <http://cdn.aiindex.org/2018/AI%20Index%202018%20Annual%20Report.pdf> (accessed: 12.11.2019).
282. Skinner E.A., Chapman M., Baltes P.B. Control, means-ends, and agency beliefs: A new conceptualization and its measurement during childhood // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1988. – № 54. – P. 117–133.
283. Susca M.A. Why we still fight: adolescents, America's army and the government-gaming nexus // *Global Media Journal*. – 2012. – Vol. 20. – № 12. – P. 1–16.
284. Taquet M., Quoidbach J., de Montjoye Y-A., Desseilles M., Gross J.J. Hedonism and the choice of everyday activities // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. [Electronic resource]. URL: <http://www.pnas.org/content/113/35/9769> (accessed: 12.12.2019).
285. Thompson S.C. Will it hurt less if Y can control it? A complex answer to a simple question // *Psychological Bulletin*. – 1981. – Vol. 90 (I). – P. 89–101.
286. Timothy J.D. *Shopping tourism, retailing and leisure*. – N. Y: Channel View Publications, 2005. – 232 p.
287. Turing A. Computing machinery and intelligence // *Mind*. – 1950. – Vol. 59. – P. 433–460.
288. Vidal F., Ortega F. *Being brains: making the cerebral subject*. – N.Y.: Fordham University Press, 2017. – 304 p
289. Vidal F. Brainhood, anthropological figure of modernity // *History of the Human Sciences*. – 2009. – Vol. 22. – № 1. – P. 5–36.